НОВАЯ ПОЛЬША

№11 (135) 2011

ЛЕШЕК БАЛЬЦЕРОВИЧ: СВОБОДА СЕБЯ ЗАЩИТИТ

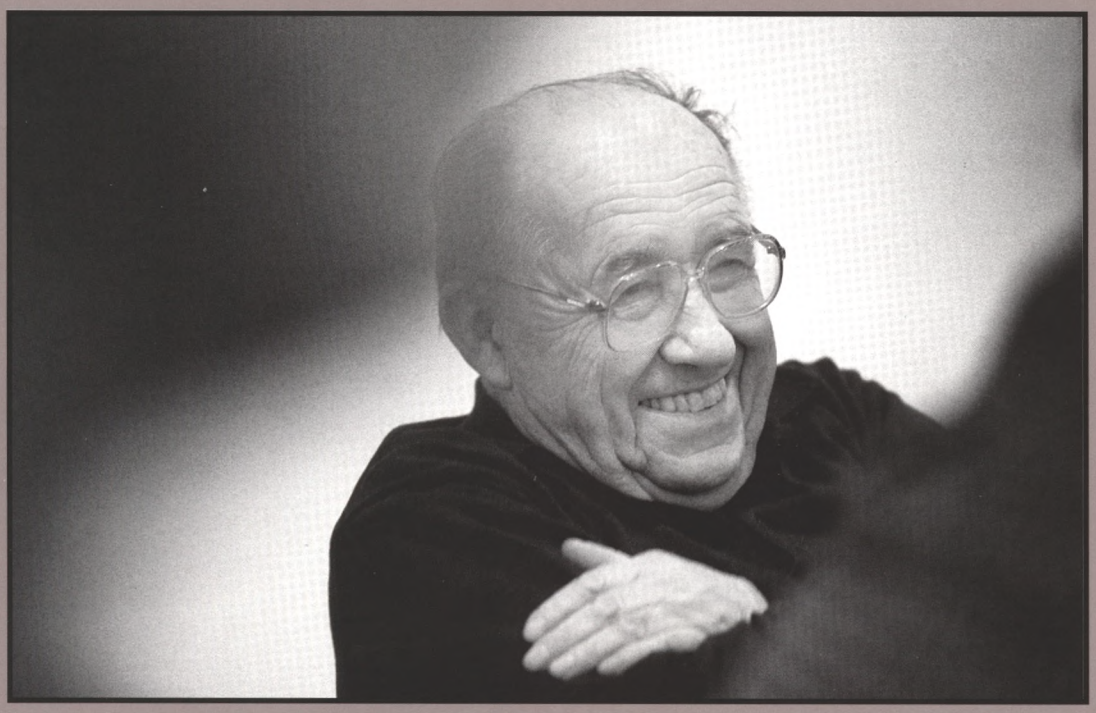
ИНТЕРВЬЮ С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ГЕНРИКА БОХНЯЖ: КАК ВЕСТИ БИЗНЕС В ПОЛЬШЕ?

ЮСТИНА СОБОЛЕВСКАЯ: КТО НАС ЧИТАЕТ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ЛЮБЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИСВОИЛ ПОЧЕТНУЮ ДОКТОРСКУЮ СТЕПЕНЬ ЕЖИ ПОМЯНОВСКОМУ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589



19 декабря в возрасте 91 года в Мысленице умер Богдан Осадчук, украинский историк и политолог, друг Польши, сотрудник парижской «Культуры», один из последних великих сотрудников Ежи Гедройца, человек, исполненный чувства юмора, самокритичный, всегда щедрый на анекдоты из своей богатой событиями жизни, полный нерастраченной энергии.
Яркая фигура и авторитет в польско-украинских делах.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11 (135)
2011
ноябрь

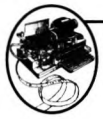
ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

СВОБОДА СЕБЯ ЗАЩИТИТ 3
Беседа с Лешеком Бальцеровичем

Генрика Бохняж 8
КАК В ПОЛЬШЕ ВЕСТИ БИЗНЕС?

КАК ПОЖИВАЕТ ПОЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО? 12
Беседа со Станиславом Флейтерским



Виктор Кулерский 15
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НА ВЫБОРАХ 24
Из беседы с Дональдом Туском

НЕТ ОДНОЙ ПАМЯТИ 27
Беседа с Анной Вольф-Повенской

Роберт Журек 37
КНИГИ ЕДИНЕНИЯ

Эльжбета Савицкая 42
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Эугениуш Соболь 47
ОЧЕРКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Эва Зюлковская 49
КТО ТАКОЙ ЧЕБУРАШКА…

Януш Джевуцкий 52
СТИХИ

Лешек Шаруга 57
НЕУЛОВИМАЯ КРАСОТА МИРА

Юстина Соболевская 58
ЧИТАЕМ ПОЛЬСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Мирослав Нагач 62
ФУФЫРЬ

Александр Вирпша 67
ГОЛОС С ОБОЧИНЫ

Лешек Шаруга 69
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

МЕНЕДЖЕР С НАВЯЗЧИВОЙ ИДЕЕЙ 72
Беседа с Михалом Мерчинским

Магдалена Байер 75
СТЕПЕНЬ ЗАСЛУГ

Ивона Хофман 79
LAUDATIO ПРОФЕССОРУ ЕЖИ ПОМЯНОВСКОМУ

Ежи Помяновский 81
ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ К ГЕДРОЙЦУ

Переводчики: И. Белов, Е. Гендель, Н. Кузнецов, С. Политыко, Е. Шиманская
Фото: Agencja Gazeta (обложка стр. 2, стр. 3, 11, 24, 67), A. Bernat (стр. 27), E. Wolska (стр. 79), Archiwum (стр. 37), E. Ziółkowska (стр. 49)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

СВОБОДА СЕБЯ ЗАЩИТИТ

Беседа с Лешеком Бальцеровичем

Профессор Лешек Бальцерович

— Двадцать лет назад вы написали, что в XX веке по сравнению с XIX-м в мире росла свобода личности, но экономическая свобода слабела. Что вы написали бы сегодня?

— Невзирая на разнообразные антилиберальные лозунги, мы живем во времена экономической либерализации. Если мы взглянем на последние 30 лет, то обнаружим, что почти всюду произошла приватизация. Распрощались мы и с точкой зрения, что в определенных сферах избежать естественной монополии невозможно, а в связи с этим ею должно обладать государство. В итоге наступило дерегулирование транспорта, телекоммуникаций, энергетики. Слабее всего ограничивали до сих пор социальное государство. Но это не означает, что ничего здесь не сдвинулось с места, — к примеру, Швеция 20 лет назад была гораздо более обременена в социальном отношении, чем теперь.

— Мы видим, однако, всё более отчетливый конфликт между государственным капитализмом — например, в его китайской версии — и свободным рынком. При этом отнюдь не очевидно, что свободный рынок выиграет. Именно страны государственного капитализма стали ныне мотором мирового роста.

— Во-первых, почему сразу конфликт? Конфликт чего с чем? Если экономика и хозяйство бедны, как в КНР, и страна начинает ускоряться...

— Однако Америка испытывает чувство поражения.

— Я бы так не обобщал. Развитие КНР — это огромные выгоды и польза для тех и для других. Для китайцев — потому что они не так бедны, как раньше; для американцев — потому что они покупают более дешевые продукты, а кроме того потому что... могут залезать в долги у китайцев. Китайцы не ввели у себя рыночного капитализма, но направление там ясное: меньше государственной собственности, больше частной; больше рынка, меньше вмешательства государства. Далее — открытость экономики. Для страны таких размеров КНР феноменально открыта международной торговле. И это триумф идеи экономической свободы.

— А порабощение центральных банков в течение последних трех кризисных лет?

— Если уж — то самопорабощение. Никто эти банки не заставлял в массовом порядке создавать деньги. Это, как я полагаю, не следствие вмешательства политиков. Время от времени центральные банки совершают очень серьезные ошибки, а очень серьезные ошибки в денежной политике, пожалуй, еще более болезненны, чем серьезные ошибки в бюджетной политике. Такой ошибкой может оказаться долгосрочное удержание весьма низких процентных ставок.

— Иначе говоря, нынешний кризис, по вашему мнению, не ограничит свободу?

— Кризис не будет продолжаться бесконечно. А расширится ли сфера свободы? Это будет зависеть от политики государств. Огромный государственный долг и старение обществ вынудит ограничивать государственные расходы. Я трактую это как увеличение независимости граждан от государства. Меньше граждан будет клиентами государства. И очень хорошо. Нездорово общество, где положение

гражданина сильно зависит от бюрократии и пособий. В том числе и потому, что это означает ослабление семьи и объединений взаимной помощи, роль которых принимает на себя система социального страхования. Главной причиной такой экспансии государства была легкость его финансирования с помощью долга. Теперь это закончилось.

— А не следовало бы сказать применительно к экономике, что неважно, было ли какое-то решение рыночным или нет, зато важно, стало ли оно эффективным?

— Свобода как основа отношений между людьми защищает себя на двух уровнях: на уровне ценностей — многие люди объявляют себя, по крайней мере на словах, приверженцами свободы; и на инструментальном уровне — те варианты государственного устройства, где сфера свободы, в том числе экономической, шире, создают лучшие условия для людей, чем те, где свобода зауживается этатизмом. Гигантской ошибкой социалистов и прочих этатистов была уверенность, что виды государственного строя, основанные на свободе, окажутся недостаточно производительными и начнут рушиться, терпеть крах. После весьма болезненных испытаний социализма и вообще этатизма на Западе известно, что сужение возможностей свободного предпринимательства фатально отражается на условиях жизни людей, тормозя инновации, а в результате — экономическое развитие. Нет эффективных антирыночных решений этатистского толка.

— А вопрос бедности и помощи государства?

— Предпосылка, что свободный рынок создает больше бедности, чем любой другой строй, ложна. Все оценки обязательно должны носить сравнительный характер, иначе они не имеют смысла. А на основании эмпирических данных мы можем сказать, что рыночный строй создает меньше бедности, так как предоставляет лучшие условия для развития. Далее, одна из распространенных ошибок — описывать рыночный строй как состоящий только из двух элементов: государства и рынка. На самом деле это не так. В строе, основанном на свободе, мы имеем и гражданское общество — всевозможные объединения, сообщества и организации, которые не принадлежат ни к государству, ни к рынку. Очень поучительно почитать, каким образом рабочие организовались в XIX веке в товарищества взаимной помощи. К ним принадлежали миллионы людей. Не нужно пренебрегать и благотворительностью, которая в XIX веке была нормой приличного поведения. Эти два крупных течения: взаимопомощь и благотворительность — оказались подорваны экспансией социального государства. Уже Алексис де Токвиль написал в 1835 г. «Записки о пауперизме» — необычайно вдумчивый и тщательный анализ того, как разрастающееся социальное государство деформирует людей. Чем ниже порог социальной помощи, тем больше доля тех, кто будет ею злоупотреблять, и тем меньше роль негосударственных механизмов помощи тем, кто испытывает в ней подлинную нужду. Социальная монополия государства не создает хорошего общества.

— В идею свободного рынка вписан принцип личной ответственности: у каждого из нас складывается такая судьба, какую он себе заслужил. Не теряет ли актуальности этот принцип, когда в мире возрастают разные формы неравенства? Ведь они означают всё более и более несправедливые общества.

— Каждая разумная дискуссия на эту тему должна начинаться с различения неравенства доходов и неравенства шансов. Если речь идет о неравенстве доходов, то встает вопрос: а каков его желательный, идеальный уровень? Нет возможности определить идеальный уровень дифференцированности доходов, так как в общественной морали такая норма отсутствует. Иначе обстоит дело в случае неравенства шансов. Каков здесь идеал? Нулевое неравенство, иными словами, равные шансы. В этом содержится великая либеральная идея. И фундамент, на котором можно строить общение в пользу морально доброкачественного и вместе с тем динамичного общества.

— Неравенство доходов часто оборачивается неравенством шансов.

— По-моему, если связь и есть, то между бедностью и неравенством шансов. Развитие ребенка сильнее всего тормозят патологии: мать — наркоманка, алкоголь в семье. Но я бы не связывал подобные патологии с рыночным капитализмом. Наибольшее количество патологий порождается доступом к деньгам без работы. В XIX веке этика рабочих была высокой. Пока в США не наступила экспансия социального государства, процент занятости среди негров был выше, чем среди белых. Надо видеть

связь между патологией и неравенством шансов. Не удается эмпирически доказать, что либеральные решения — иными словами, свободный рынок, гражданское общество, ограниченное государство — будут обязательно вести к более широкому распространению патологий по сравнению с другими решениями. На самом деле всё наоборот.

— Вернемся к нынешним временам. Складывается впечатление, что сегодня все политики гонят мяч в одни, социальные ворота. Они не в состоянии — быть может, за исключением Латвии — взять на себя ответственность за всё, что сделано ими самими либо их предшественниками.

— Это слишком сильное обобщение. Разумеется, среди политиков много таких, кто занимается чистой демагогией, но нетрудно найти и тех, чьи действия носят неэтатистский характер: в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, в Словакии, Эстонии, Болгарии. В 2000 г. государственный долг в Болгарии превышал 70% ВВП, в 2010 г. он составляет 15%. Сравним это с Польшей. Добавим сюда — до известной степени — Швецию или Великобританию при правительстве Кэмерона. В Голландии тоже проведены глубокие реформы социального государства.

— А имеем ли мы в Польше рост этатизма на протяжении последних трех лет или же нет?

— Для политики реформ существовало изрядное политическое поле маневра, но его не использовали в достаточной мере, особенно в последний год. Можно было, например, больше приватизировать. Не имелось также никаких причин, чтобы проводить псевдореформы, как, скажем, урезать взносы в открытые пенсионные фонды (ОПФ). Равно как и никакого рационального обоснования провозглашать тезис, что польский капитал лучше иностранного, — причем неважно, государственный это капитал или частный. Не было, наконец, никакой по-настоящему существенной, деловой причины форсировать слияние фирм PGE («Польская энергетическая группа») и «Energi», которое ограничивает конкуренцию. Это был ренессанс неосоциалистической доктрины. Иными словами, период сейчас — смешанный. Естественно, имели место и плюсы, особенно сужение пенсионных привилегий.

— Зато были реквизированы взносы в ОПФ. Вы не опасались, что, продолжая спор об ОПФ, вы прибавите сторонников «Праву и справедливости»?

— Я не могу одобрить предложения, которые считаю ошибочными и вредными, независимо от того, кто их автор. Как известно, к ПиС я относился весьма критически. Не потому, что это был ПиС, а лишь потому, что, на мой взгляд, они делали плохие вещи. Не желая придерживаться нравственности Кали*, я применял те же критерии и к «Гражданской платформе».

— Если подытожить итоги последних нескольких лет, то больше ли сегодня в Польше экономической свободы, столько же или меньше?

— Это очень точный вопрос, на который я не сумею точно ответить. Пока скажу только следующее: если посмотреть на аналитические материалы, разрабатываемые Всемирным банком, то видно, что в Польше не удалось осуществить революционное дерегулирование, тогда как у некоторых стран это удачно получилось. Однако проблема не сводится только к отмене унаследованных дурных правил и установлений. Есть кое-что еще: я не вижу никакого оправдания постоянно продолжающемуся в Польше дурному законотворчеству. У нас имеют место непростительные, заслуживающие наказания нарушения конституции поочередными правительствами и парламентами, а в последнее время и президентом, который отказался ознакомить широкую публику с экспертными заключениями по делу ОПФ. А суд в Варшаве постановил, что он должен сделать их общедоступными. Когда политики пренебрегают конституцией, это означает, что ставится под сомнение правовой характер государства.

— Получили ли вы из президентского дворца эти экспертные заключения, касающиеся изменений в пенсионной системе?

— Не получил. А ведь речь идет о предоставлении доступа к публичной информации на основании законного решения. Ситуация, когда президент подает столь дурной пример, шокирует и отталкивает. А вдобавок отдельные его советники — скажем, проф. Томаш Наленч, проф. Ежи Осятынский

* «Нравственность Кали» — вошедшая в поговорку «философия» мальчика-африканца Кали, одного из действующих лиц книги Г.Сенкевича «В пустыне и джунглях»: «если кто-то у Кали украсть коровы, это плохо. Если Кали у кого-то украсть коровы — это хорошо». — *Пер.*

или госпожа Ирена Вуйтицкая — спрашивали, как мы смеем требовать экспертные заключения: это якобы нарушает общепринятые добрые обычаи. Такая практика — придворная, султанская. У демократической власти есть обязанность подвергаться постоянной оценке общества.

— А что надлежит в такой ситуации сделать?

— Нужно добиваться повышения политических издержек дурного поведения политиков. Люди должны знать, что власть грубо нарушает конституцию и обязана понести за это последствия. Доступность публичной информации очень важна — она защищает от произвола и безапелляционности власти.

— Есть ли у вас еще надежда, что ГП станет партией экономической свободы?

— Не хочу комментировать текущую политику, выставлять партиям суммарные оценки. А конкретные ходы я комментирую для того, чтобы облегчить людям рациональный выбор. Могу также повторить: политическое поле маневра для лучшей политики в пользу экономического развития не было использовано в достаточной мере. Такое поле маневра вытекало из слабости оппозиции. С точки зрения правительства ГП это был дар судьбы. Как в футболе: значительно легче выиграть матч у команды из третьей лиги — такой, как ПиС, — чем из первой. Но Польше это не идет впрок. Нам пошла бы на пользу оппозиция более сосредоточенная на существенном.

— Может быть, нужна здоровая демагогия. Такая, что соберет 30-40% граждан вокруг программы «Меньше государства, больше ответственности, больше свободы, ниже налоги».

— Я бы, однако, зарезервировал слово «демагогия» за дешевым этатизмом. Вы говорите скорее о популярном либерализме. Согласен, что идеалы либерализма надлежит сделать более привлекательными. Показать, что люди, способные к работе, должны жить плодами собственного труда, а не протягивать руку государству. Так лучше не только с экономической, но и с нравственной точки зрения.

— Так думает половина людей в Польше. Достаточно послушать мелких предпринимателей, молодых людей, фермеров, банковских служащих. Почему они не объединяются?

— Если дело обстоит действительно таким образом — а я думаю, что так оно и есть, — то мобилизация людей ради свободы и ответственности не обречена на поражение. С той лишь разницей, что подобная мобилизация должна быть гораздо более систематической и профессиональной. Я не рвусь переубеждать польских экономистов или социологов, обращать их в либерализм. Намного важнее апеллировать к широкой общественности. У людей имеются определенные интуитивные суждения — хотя бы такое, что человек, способный к работе, должен работать и содержать себя. А раздутое социальное государство ведет к тому, что за счет плодов твоего труда содержится сколько-то людей, которые тоже могли бы работать. С таким посланием необходимо обращаться к крупным и мелким предпринимателям, к менеджерам, рабочим. Почему рабочий, который тяжко трудится, должен содержать других людей? Думаю, что если бы провести исследования, то выяснилось бы, что число сторонников раздутого социального государства среди рабочих меньше, чем среди гуманитарной интеллигенции.

— Есть ли какие-нибудь принципиальные вопросы, по которым вы изменили мнение в течение последних 15 лет?

— Я не притворяюсь непогрешимым. Однако мои либеральные идеалы — в смысле сужения раздутой роли государства — за малыми частностями подтверждались и остались актуальными. Что тут важно? В Польше и других странах существует тенденция считать экономическую свободу тривиальной, рассматривать ее так, словно она хуже других свобод. Это поразительно — как интеллектуально, так и с практической точки зрения. Во-первых, отдельные составные элементы того, что считается экономической свободой, — это одновременно и составные элементы гражданской свободы. К примеру, если деньги неконвертируемы, что это означает? Мы знаем из практики ПНР: когда гражданин хотел поехать за рубеж, то обращался к власти, чтобы та милостиво согласилась продать ему 100 долларов, а она могла и отказать. Так ограничивали его гражданскую свободу. Во-вторых, капитализм, иначе говоря, система, опирающаяся на частную собственность, представляет собой совершенно необходимое основание демократии.

— Вы писали, что демократия больше обязана капитализму, чем капитализм — демократии.

— Я имел в виду, что, как показывает опыт, случалось существовать капитализму без демократии, но никогда не бывало демократии без капитализма. В сегодняшней Польше мы наблюдаем довольно обширный импорт интеллектуальной дешевки с Запада. Многие привередничают, ругают рыночный капитализм и одновременно прославляют демократию. Это попросту непоследовательно и логически противоречиво. На Западе, как мы знаем, можно неплохо жить за счет критики капитализма. Большинство Голливуда настроено антикапиталистически. А вот при социализме никак нельзя было жить за счет критики того же социализма.

— Коль скоро рынок вознаграждает такие формы поведения голливудских звезд миллионными гонорарами, то зачем им менять поведение?

— Зато я не критикую рынок. А вот такие формы поведения критикую. Как можно одобрить восхваление Фиделя Кастро, Че Гевары или Чавеса некоторыми голливудскими режиссерами?

— Существует такой левый тезис, что раз рынок глобален, а политика локальна и ограничена отдельными конкретными государствами, то рынок берет над ней всё больший перевес. Его механизмы оказываются как бы вышестоящими. Другими словами, речь идет сегодня не о том, что Обама или Меркель — слабые политики, но о том, что они вообще мало что способны сделать.

— Начнем с разницы между демократической политикой и свободным рынком. На свободном рынке я добровольно покупаю выбранные мною продукты. А что мы «покупаем» в демократической политике? Пакеты предложений, программы действий. Нам претит один из элементов пакета, но второй перевешивает. Короче говоря, мы заранее приговорены к несовершенству выбора. Отсюда, понятное дело, не вытекает вывод, что нужно отменить демократию. Вытекает из этого иное — что свободный рынок лучше действует там, где он может действовать. И далее: если я покупаю что-либо для себя, для своей семьи, то обычно уделяю выбору немалое количество времени. В политике мы уделяем выбору меньше времени. Этому дает объяснение теория рационального выбора: если у нас 30 млн. избирателей, то каждый из них приходит к выводу, что его влияние на политику чрезвычайно мало и что нет смысла долго над этим раздумывать. С такой точки зрения демократические механизмы, т.е. механизмы коллективного выбора, тоже менее совершенны, чем рыночные.

Мы, разумеется, знаем, что невозможно или не нужно повсюду вводить рынок. Но отсюда следуют два вывода: во-первых, надлежит сузить сферу политики и максимально расширить сферу свободного рынка. А также гражданского общества. Во-вторых, исходя из предположения, что большинство людей будет посвящать анализу партийных программ мало времени, надо тем более усиливать те центры, которые пересылают отчетливые сигналы: говорят, что хорошо, а что плохо, и действуют в некоторой степени по принципу рейтинговых агентств.

— Люди действительно не читают партийных программ. Но объяснение тут наверняка проще: это вытекает из того, что политики говорят одно, а потом делают что-то другое.

— Это дополнительная проблема. Ежели поглядеть на результаты опросов общественности, а в них — на мнения людей в разных странах о политиках, то почти везде кривая их одобрения уже в течение длительного времени падает. Возникает очень интересный вопрос: почему? Некоторые утверждают, что нынче политики хуже, чем когда-то. По моему мнению, они не хуже. В XIX веке в политике было больше обманщиков или даже мошенников. Зато сегодня политику показывают совсем иначе — средства массовой информации, особенно телевидение, уплощают эмоции, выставляют их напоказ. Это следствие не злой воли, а их технической природы. Но существует и еще одна причина: чем активнее государство расширяет свои действия и обещания, тем больше оно оставляет разочарованных избирателей.

Беседу вели Петр Александрович и Мацей Новицкий

Newsweek POLSKA

Генрика Бохняж

КАК В ПОЛЬШЕ ВЕСТИ БИЗНЕС?

Несмотря на принятый недавно закон о «разрегулировании», который, в частности, заменил обременительные отчеты декларациями, несмотря на работу комиссии Сейма «Дружественное государство», несмотря на то, что одно правительство за другим обещает бизнесу льготы, — условия, в которых ведется в Польше экономическая деятельность, по-прежнему считаются самыми трудными в Европе.

Со времени принятия закона о свободе экономической деятельности (2004) и снижения налога на экономическую деятельность для юридических и физических лиц, а также небольшого снижения уровня пенсионных взносов в части, выплачиваемой предпринимателями, льготы, связанные с ведением экономической деятельности, не носят систематического характера, а во многих областях дело обстоит даже хуже, чем прежде.

В первую очередь потому, что законы носят хаотический характер, изменения происходят часто, быстро и непредсказуемо, а весь риск переносится на предпринимателей, и уровень пенализации экономической деятельности абсурдно высок. Если прибавить сюда неповоротливую административную и судебную систему, низкий уровень инфраструктуры (дорожной, железнодорожной, информационной), непоследовательность в осуществлении программ и выполнении обещаний, то возникает пессимистическая картина множества барьеров, с которыми ежедневно сталкиваются 900 тыс. работодателей и 800 тыс. индивидуальных предпринимателей, но последствия-то ощущаем мы все! Эти барьеры ослабляют конкурентоспособность польской экономики, и такое положение больше не будет компенсироваться, как это было прежде, за счет низкой стоимости труда, ибо она быстро растет и во многих секторах опережает производительность труда.

Ежегодные административные расходы, которые несут предприятия, составляют более 70 млрд. злотых. Это почти 50% их расходов на инвестиции. Если бы можно было сократить эти расходы вполовину, то прибыль предприятий выросла бы на 35 млрд. зл., что дало бы на 7 миллиардов больше поступлений в бюджет. Дефицит бюджета в будущем году сократился бы на одну пятую!

■ Польша позади Белоруссии

Поэтому вовсе не удивляет тот факт, что Всемирный банк в своем последнем отчете «Doing Business 2011» поставил Польшу — с точки зрения условий ведения экономической деятельности — на 70-е место в списке из 180 с лишним рассматриваемых стран. Польшу опередили такие страны, как Намибия, Гана и Белоруссия. Самые низкие оценки мы получили за процедуры (и время), необходимые для получения разрешений на строительство и связанные с выплатой налогов и началом экономической деятельности. В другом рейтинге Всемирного банка, касающемся только оплаты налогов, мы оказались на 121-м месте, в частности позади Танзании и Гайаны.

В рейтинге экономической свободы организации «Heritage Foundation» мы заняли 68-е место среди 179 государств и только 31-е — среди европейских стран. Утешаться остается лишь тем, что за последнее время наша позиция в этом сопоставлении постоянно улучшается.

Следует также отметить, что в 2010 г. в исследовании, касающемся индекса уровня социально-экономического развития (UNDP Human Development Index), Польша впервые включена в группу стран с самым высоким уровнем развития. Столь же высокое, шестое место, мы занимаем в рейтинге инвестиционной привлекательности A.T.Kearney's Foreign Direct Investment Confidence Index (улучшение на целых 16 позиций).

В рейтинге международной конкурентоспособности «World Economic Forum (WEF) Global Competitiveness Report» Польша оказалась в переходной группе стран с наиболее высоким уровнем кон-

курентоспособности. В свою очередь в сопоставлении, проводимом «The IMD World Competitiveness Scoreboard», наша страна оказалась в прошлом году на 32-м месте, а среди стран нашего региона уступает лишь Чехии (29-е место).

■ Плохое законодательство

Сделать всё возможное, чтобы облегчить ведение экономической деятельности, — вот что должно было стать фирменным знаком правительства Дональда Туска. Как на самом деле получается, видит каждый. Попытка ввести систему «одного окошка», где можно было бы быстро и без лишних формальностей зарегистрировать фирму, оказалась неудачной. Окошко вроде бы действует, но если им пользоваться, то время, потраченное на регистрацию фирмы, затягивается еще больше. Закон о разрегулировании рождался долго и болезненно, а принятый текст оказался сильно урезанным. Удалось, правда, смягчить наказания за экономические преступления, совершённые неумышленно или нанесшие незначительный общественный ущерб. Введены электронные фактуры, многовалютность, снижен обязательный объем уставного капитала для компаний с ограниченной ответственностью, введено учебное сетевое пособие «Компании-24», электронные суды, прекратились преследования по ст.585 Кодекса торговых компаний и внесено несколько десятков других, более крупных и более мелких изменений. Но этого всего слишком мало. Польшу по-прежнему душат бюрократические петли. Почему так происходит? Потому что в Польше происходит инфляция законов плохого качества, которые осложняют предпринимателям жизнь. Предлагаемые изменения, сделанные в духе малых шагов, часто тормозят предприимчивость и инициативу. От фирм мы требуем, чтобы они постоянно повышали качество, в том числе качество продуктов и услуг по системе «индивидуального заказа», требуем сегментирования рынка, инновационности, то есть чтобы потребности клиентов удовлетворялись все лучше. Почему же не потребовать того же самого от администрации, которая занимается подготовкой регулирования экономической деятельности, и политиков, которые за это регулирование отвечают? Несмотря на требование давать добросовестную оценку последствиям регулирования, эта оценка по преимуществу ограничивается формулировкой, что бюджет от изменения закона не пострадает.

С 1 мая 2004 г. изменено около 12 тысяч налоговых правил и принято свыше 300 дополнений к законам, в том числе 40 — в 2011 г., но в результате нововведений число налоговых барьеров не только не было ограничено, но даже возросло.

Правда, в последние годы в польское законодательство было внесено несколько важных положений, таких как ведомственные инструкции или принцип невыполняемости налоговых решений первой инстанции. В 2008 г. было принято также несколько решений, полезных для НДС, хотя бы льгота в отношении плохих долгов. Оставляя в стороне тот факт, что все эти изменения носят фрагментарный характер, этими решениями так или иначе смогут воспользоваться только и исключительно квалифицированные специалисты, ибо налоговые законы стали совершенно непонятными для граждан и предпринимателей. Более того, даже юристы, не специализирующиеся исключительно на налогах, судьи и бухгалтеры не в состоянии разобраться в этой сфере. Налоговые законы уже невозможно читать. Отсюда проблемы с их истолкованием, переменчивость линии судебных решений, сотни пояснений и комментариев.

Но даже там, где можно более или менее точно истолковать принципы налогообложения, трудно их признать способствующими предпринимательству. У нас существует налогообложение множества пособий, не входящих в зарплату; расчет основы налогообложения существенным образом отклоняется от действительного (балансового) способа расчета прибыли; список расходов, которые не сокращают дохода, по-прежнему насчитывает более 60 позиций, а НДС, несмотря на обязательную директиву, не стал полностью нейтральным. Государство не желает рассчитаться с энергетической сферой за незаконно исчисленные акцизы. Речь идет о 7 млрд. злотых.

В трудовом законодательстве мало что изменилось. Я положительно оцениваю дополнения, связанные с антикризисными действиями, особенно продление расчетного периода до 12 месяцев, но решения действуют только до конца 2011 года. Между тем из новейших исследований «Левиафана»

следует, что 40% работающих поддерживает применение этого решения, указывая, что продленный период расчетов дает работающим, в частности, гарантии занятости, уменьшает рабочую нагрузку и улучшает организацию труда. Хорошо, что становится рациональней регулирование занятости людей с ограниченными возможностями; нехорошо, что при плохом состоянии общественных финансов введен еще один праздничный день и ограничены расходы Фонда оплаты труда. Путь к получению разрешения на строительство не сократился. По-прежнему болезненно ощущается затяжной характер и непрозрачность административных процедур. Мы так и не дождались изменения закона о территориальном планировании, который должен был склонить власти органов самоуправления утверждать планы, облегчающие инвестиции. Несмотря на существование электронных судов, судопроизводство по-прежнему носит затяжной характер. Многочисленные изменения вступают в силу чуть ли не каждый день. Публикация фундаментальных законов в «Дзеннике устав» («Журнале законов») происходит за день-два до их вступления в силу. Как тут вести экономическую деятельность, если правила меняются как в калейдоскопе?

■ Отсутствие перспектив и приоритетов

Плохое законодательство имеет, однако, гораздо более глубокую причину — чересчур сиюминутное мышление о государстве, обществе и экономике. Вопросами срочного порядка, актуальными вытесняются более важные и долгосрочные. Каждое новое правительство вначале определяет собственные приоритеты, не учитывая того, что уже было хорошо сделано или запланировано предшественниками, предлагает собственные рецепты. И вдобавок само потом и эти приоритеты не соблюдает. Нет общего согласованного представления о целях, о том, что является ключевым для Польши и ее развития. Если даже такое представление появляется, то это, как правило, представление чиновников, которые лучше всех всё знают и любую консультацию рассматривают как никому не нужное необходимое зло, лишь тормозящее внедрение единственно правильных законодательных идей. Так вот и возникают очередные законодательные пустышки, которые наносят вред экономике (и бюджету государства), ибо чиновники настаивают на своем и не слушают практиков, то есть предпринимателей. Каждый день появляются всё новые и новые примеры. Так называемый закон о курортах запретил строительство телекоммуникационных мачт в зоне «А» курортов. Абсурдный запрет, такого нет нигде в мире. В проекте закона о чистоте в гминах муниципальные органы и политики предлагают такие положения, которые грозят тем, что распоряжаться отходами будут монопольно фирмы, принадлежащие гминам, а ведь не такой должна быть философия этих решений — гмина должна использовать рыночную конкуренцию. В законе об общественном заказе заказчик получит инструмент нажима (шантажа) на фирмы, ибо сам будет определять в условиях заказа, когда он может расторгнуть договор. Он может вписать туда мелкие причины, которые станут большим препятствием для исполнителей. Вместо того чтобы как следует подготовить тендер, заказчики смогут безнаказанно переводить риск своих ошибок на фирмы. Такое положение в законе обеспечит заказчику диктат над исполнителем. Можно с легкостью представить себе записанные в договоре причины отказа от него, которые для исполнителя на практике могут оказаться невыполнимыми.

В законах, связанных со строительством в области ядерной энергетики, требуется заранее дать гарантии финансирования инвестиций в целом, а это делает проект дороже на 1 млрд. евро, оплата же за будущую утилизацию отходов в таких электростанциях должна отчисляться в неприкосновенный депозит в течение 60 лет. Государство (читай политики) делает всё, чтобы как можно дольше сохранить государственную монополию почты или железных дорог. В законе о возврате НДС, вопреки единой позиции общественных партнеров, таилась угроза в виде нового налога на производителей лекарств. К счастью, в последний момент, уже в Сенате, правительство отказалось от этой идеи. Где же тут мышление в поддержку развития экономики и фирм? Почему же, хотя по каждому из этих вопросов предпринимательские круги возражали и предлагали поправки, чиновники упрямо стояли на своем?

Долг Польши растет, а правительству не хватает смелости и решимости провести реформы. Вину за трудное положение с государственными финансами правительство возложило на Открытый пенсионный фонд. Правительство не решается ни ввести изменения в работу Кассы сельскохозяйст-

венного социального страхования, ни отменить пенсионные привилегии для шахтеров и всех служб, носящих мундиры (армия, полиция и жандармерия, таможенники, пожарники и т.д.), равно как для прокуроров и судей, ни повысить эффективность социальных расходов. Зато охотно берет деньги из Фонда оплаты труда, Фонда гарантированных рабочих выплат и социальных выплат или Фонда демографического резерва — хотя первые два фонда финансируются за счет взносов предпринимателей — и расходует их на другие цели! Правительство также проигрывает битву с бюрократией. Премьер обещал сокращение административных органов, а между тем за три года количество чиновников возросло на 70 с лишним тысяч.

Можно ли удивляться, что, не имея стратегии, государство действует от случая к случаю, а во многих ключевых для экономики и граждан проектах — взять хотя бы электронизацию административной сферы, строительство дорог, широкополосный интернет, модернизацию железных дорог — оно не соблюдает никаких сроков?

Подобный метод действия влияет и на взаимоотношения между правительством и бизнесом. Правительство и политики не любят бизнес, так как он постоянно чего-то требует, чего-то добивается, а бизнес не в состоянии понять, как можно пренебрегать рыночными и экономическими реалиями, как можно растрачивать ресурсы, время, деньги, принимать решения, которые ежедневно меняют модель бизнеса и снижают его эффективность. Бизнес не может и согласиться с тем, что законодательство в Польше создается не с мыслью о тех, кто ежедневно тяжело работает, чтобы повышать капитализацию своих фирм и завоевывать новые рынки, а о тех нескольких процентах, которые сосредоточились на поисках юридических брешей в законодательстве и действуют на грани нарушения принципа порядочности. С другой стороны, всевозможные контрольные учреждения всё свое внимание обращают на контролирование зарегистрированных фирм, выплачивающих налоги и социальные взносы, и при этом совершенно не занимаются «серой» сферой. Таким образом, честные оказываются битыми дважды, а их расходы — несоразмерно больше. Общественный диалог становится пустым лозунгом (см. отсутствие консультаций по вопросам бюджета), в Сейме стараются любой ценой не дать слова общественности, а в законопроекте о лоббировании предлагается регистрировать лоббистов в Центральном антикоррупционном бюро, ибо у лоббирования именно такие коннотации.

■ Трудная правда

Рабочие места создает не правительство! Работу дают прежде всего предприниматели, но они дадут ее, если будут иметь хоть минимум гарантий рентабельности и стабильности. Увеличение занятости на 1 проц. пункт, по оценке министра Михала Бони, дает свыше 3,5 млрд. злотых поступлений в бюджет (без НДС). Если так, то, может быть, следует сосредоточиться на этой задаче и совместно с предпринимателями определить список действий, которые могли бы к этому привести и перестать относиться к ним как к банде нуворишей и подозрительных лоббистов или воров.

Автор — президент Польской конфедерации частных предпринимателей «Левиафан», вице-председатель Трехсторонней комиссии по социально-экономическим вопросам.

КАК ПОЖИВАЕТ ПОЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО?

Беседа с профессором Станиславом Флейтерским, завкафедрой банковского дела и сравнительных финансов Щецинского университета

— В какой сегодня форме польские банки? Какая доля их находится в наших, польских руках?

— Иностранный капитал контролирует в Польше около 70% банковского сектора. Это еще не рекорд, но один из самых высоких показателей в Европе. Есть страны, где этот коэффициент составляет почти 80, 90, а иногда даже и 100%.

Я смотрю на это прагматически и реалистически. В начале 1990-х Польша не располагала сколько-нибудь крупными капиталами. Благодаря иностранным деньгам мы смогли докапитализировать многие банки. Из этого проистекают многочисленные выгоды, и в результате у нас современная и относительно безопасная банковская система. Но тут есть и минус: прибыли попадают к акционерам, которые живут за границей, а не в нашей стране.

Короче говоря, прибыль вырабатывается в Польше, на польских клиентах, а потом в большой степени — в размере около 70% — возвращается, например, в США, Германию, Францию, Австрию, Италию, Испанию или Португалию.

Приходится также часто встречаться с мнениями, которые трудно доказать: что работающие в нашей стране иностранные банки отказываются кредитовать польский бизнес, предлагая свою финансовую помощь зарубежным фирмам, которые действуют в Польше. Если такие ситуации действительно встречались на практике, я счел бы их нежелательными.

— Какие опасности вытекают из этого для нас?

— Я вижу две большие опасности, связанные с чрезмерно высоким представительством зарубежного капитала в банковском секторе Польши. Я бы предпочел, чтобы здесь существовало, например, приблизительное равновесие, чтобы эти пропорции были решительно иными, скажем 49:51.

Одна из таких опасностей — трансферт прибылей, а вторая — тот факт, что главные решения, касающиеся польской банковской системы, принимаются за пределами наших голов и границ, где-нибудь в Мадриде, Лиссабоне, Милане, Париже, Франкфурте-на-Майне или Нью-Йорке.

Я хотел бы здесь высказаться как экономист, а не политик, да я и не политик. Банки, которые функционируют в Польше, должны соблюдать польское законодательство — и они его соблюдают. Иначе говоря, ничего плохого не произошло. В XXI веке ни один из коммерческих банков в Польше не разорился. Оказалось, что система регулирования и надзора за банками в нашей стране действует относительно эффективно.

— Какие изменения вы как экономист и банковский работник считаете самыми срочными и необходимыми?

— Мы живем во времена неуверенности, ненадежности, риска и несовершенных экономических знаний. Через полгода, два или три года нынешний кризис может рикошетом затронуть и нас, хотя еще три или два года назад мы могли с гордостью сказать о Польше, что представляем собой зеленый остров. Но не надо притворяться, будто нас кризис не коснулся или не касается. Дело обстоит не так. Мы же переживаем различные его последствия. Например, недавние экономические завихрения у нашего немецкого соседа могут отразиться и на нашей экономике. Этот западный локомотив разгоняет в значительной степени и нашу экономику. Каждый его успех — это в определенном смысле и наш успех, а каждое его замедление должно нас огорчать. Если в мире царит кризис, что невозможно отрицать, то германский экспорт уменьшается и германский локомотив замедляет ход.

Среди польских экономистов я особенно уважаю проф. Гжегожа Колодко*. Его взгляды близки мне. Он доказывает, что необходимо оторваться от неолиберальной доктрины, трактуемой догматически. Догматический неолиберализм повредил многим странам начиная со США.

У нас в Польше к этой теории относились в общем и целом с известной сдержанностью. Думаю, что на Западе в этом смысле поняли очень многое. Теперь там в экономике происходят большие и интересные процессы, в частности пришло хотя бы понимание того, что в числе виновников кризиса находятся и банки. Различные банки: американские и западноевропейские, коммерческие, ипотечные и инвестиционные — допустили много грехов. Но допускала их и неолиберальная экономическая политика. Америка довела до огромных затруднений и самое себя, и остальной мир.

— Вернемся, однако, к Щецину и региону...

— В 2003 г. бывший президент (мэр) города Марек Коцмель опубликовал книгу об упадке и крахе Щецинской судоверфи. Автор перечислил полтора десятка причин упадка холдинга, владевшего местным портом. И показал, что сделали в этом вопросе политики, что — Брюссель, что — банки, что — профсоюзы, а что — менеджмент... У успеха всегда находится много отцов, тогда как поражение неизменно остается сиротой... Культовой стала фраза профессора Колодко: «Дела происходят так, как происходят, потому что многие дела происходят одновременно».

Крах верфи был связан с глобальным финансово-экономическим кризисом. На это наслоилось много разных вещей. Могла ли Польша на протяжении стольких лет выпускать суда, доплачивая к их производству? Мне бы не хотелось, чтобы польские налогоплательщики год за годом доплачивали деньги на производство судов. Человека можно поднять, но нельзя его всё время носить. Удочка — да, рыба — нет...

Недавно меня огорчил очередной опубликованный рейтинг городов, в котором Щецин выглядел скорее скверно. Считаю, что изменения в Польше совершенно необходимы.

Мне посчастливилось два года назад, в августе 2009 г., получить от профессора Дариуша Зажецкого приглашение сотрудничать при создании актуализированной «Стратегии развития Щецина-2025». Мы разработали эту стратегию.

— Доводилось ли вам размышлять над тем, за счет чего жители Щецина, а также всего Западнопоморского региона будут жить через несколько лет?

— За счет чего мы будем жить? Это фундаментальный вопрос. Он меня весьма волнует.

Что можно сделать на протяжении ближайших нескольких лет в Щецине, в нашем регионе, чтобы мы выбрались из этого запаздывания? Считаю, что морская экономика в нашем регионе еще не демонтирована до конца. Осталась такая организация, как «Польское морское судоходство», которую в последнее время хотели силовым путем коммерциализировать, а затем приватизировать. Хорошо, что ничего такого пока еще не произошло. Остался также порт со своими проблемами, такими как доступность и глубина фарватера.

У нас нет теперь никакой крупной производственной судоверфи. И здесь возникает один спор, на мой взгляд, существенный. Можно ли питать надежду на возрождение того, что было? Принимая во внимание расположение Щецина и нашего региона, морская экономика чрезвычайно важна и сейчас, и в будущем. Каждый экономист неизбежно с этим согласится. Надо только позаботиться о ее новых формах и структурах. В Щецине по-прежнему продолжают действовать ремонтные и яхтенные верфи, здесь производятся разнообразные конструкции. Дело обстоит не так, что верфи, судостроительная промышленность полностью разорились и рухнули. В Щецине на территориях бывших судоверфей остался определенный потенциал. Имеются и специалисты. Я бы никогда от морской экономики не отказался.

— А каким вы видите будущее нашего региона?

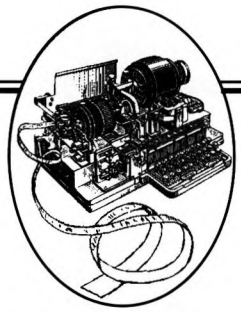
— Помимо морской экономики я верю в широко понимаемый сектор современных услуг. Оставляю в стороне туризм и сельское хозяйство, которые мы в любом случае будем по-прежнему развивать. Город Щецин со свойственным ему отсутствием центра, разбросанностью и демографическими про-

* Гжегож Колодко — вице-премьер и министр финансов в 1994-1997 и 2002-2003 в левых правительствах Павляка, Олексы, Цимошевича и Миллера. – *Пер.*

блемами — это большая проблема, которая нуждается в решении. Иначе обстоит дело с регионом. У нас сегодня имеется больше всего мест для ночлега. И появились они в последние годы. Не забудем хотя бы о большом количестве немцев, которые отдыхают в Колобжеге на протяжении всего года.

Нашему развитию сильно способствует поступление средств от поляков, работающих за границей, а также приток фондов из Евросоюза. Мне не очень-то известно, используются ли они надлежащим образом. Нельзя брать эти деньги только потому, что они есть. Вся игра заключается в том, каким образом добиться в Щецине появления того, что будет не только «made in Szczecin», но и «created in Szczecin». Как образовать здесь целую серию современных структур, проектов, а также личностей, вокруг которых всё это крутится: профессоров, докторов наук, разработчиков инноваций, умных людей, которые станут полюсами, генераторами, локомотивами роста?

Беседу вел Лешек Вонтрубский



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» После выборов мандаты в новом Сейме распределились следующим образом: «Гражданская платформа» (ГП) — 207, «Право и справедливость» (ПиС) — 157, Движение Паликота — 40, крестьянская партия ПСЛ — 28, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 27, немецкое меньшинство — 1. В Сенате ГП получила 63 места, ПиС — 31, ПСЛ — 2, комитет «Граждане — в Сенат» — 1, независимые кандидаты — 3. ***(«Жечпосполита», 12 окт.)***

» «Поляки выбрали продолжение прежнего курса вместо изменений, которые предлагали ПиС и СДЛС (...) Подавляющее большинство кандидатов от Движения Паликота — люди неизвестные (...) Имени лидера оказалось достаточно, чтобы обеспечить им значительную поддержку (...) Агрессивный антиклерикализм, ориентация на меньшинства и их права (...) дали поразительный результат (...) Вероятно, партия Паликота стала партией бунта против истеблишмента», — проф. Мирослава Грабовская, директор ЦИОМа. *(«Жечпосполита», 10 окт.)*

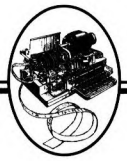
» «Тот факт, что Паликот провел в Сейм столько депутатов, свидетельствует о серьезных изменениях в обществе и публичной сфере. Многие партии руководствовались оборонительной стратегией, избегая конфликтов и даже дискуссий с Церковью. Паликот пошел в лобовую атаку, и оказалось, что это ему не повредило (...) Движение Паликота носит характер гражданской инициативы снизу, сосредоточенной вокруг харизматического лидера. Паликот увидел и использовал возможности самоорганизации граждан». ***(Михал Сутковский, «Газета выборча», 12 окт.)***

» «По официальным данным Государственной избирательной комиссии, Движение Паликота получило поддержку 10,2% проголосовавших избирателей. Это много (...) Мы спим, убаюканные мифом о католической Польше (...) а между тем секуляризация стала фактом (...) Церковь должна ответить себе на вопрос, какие из ее основ обветшали», — свящ. Павел Седляновский *(«Наш дзенник», 12 окт.)*

» «Только 9% поляков видят связь между действиями властей и тем, как им живется. Отсюда вывод, что участие в выборах не продиктовано личными интересами (...) Эти выборы носят аксиологический характер, они связаны с выбором системы ценностей (...) Программы играют незначительную роль и, по большому счету, никого в Польше не интересуют (...) Важно другое — за какие ценности выступает [например] СДЛС. На этом фоне и надо рассматривать феномен Паликота (...) Паликот никому не говорит, что у поляков в кошельках прибавится денег. Он говорит лишь, что будет стараться немного изменить систему ценностей польского общества (...) Его антиклерикализм подтверждает парадоксальность ситуации, когда католическая система ценностей подчиняет своему влиянию все остальные (...) Феномен Польши заключается в том, что у нас процесс секуляризации идет очень медленно и мелкими шажками», — проф. Януш Чапинский. ***(«Польска», 10 окт.)***

» «Почему незадолго до выборов меховское самоуправление при поддержке ГП в ускоренном порядке выделило 200 тыс. злотых на ремонт старинного храма? Потому что так сделало предыдущее, писовское самоуправление. И потому, что этого потребовал с амвона настоятель (...) На воскресных богослужениях он напоминал своей пастве, что прежний бурмистр из ПиС охотно жертвовал деньги на церковь, а нынешний, связанный с ГП, еще ничего не дал (...) Слова настоятеля подействовали (...) Депутаты выделили на ремонт храма еще 200 тыс. злотых. «Во время предвыборной кампании мы не могли себе позволить, чтобы верующие считали, будто наша партия против ремонта церкви» (...) — сообщили нам в штабе ГП». *(Бартломей Курась, «Газета выборча», 23 сент.)*

» «Мы живем в стране, где, несомненно, сильны католические традиции, которые нужно уважать. У партии, решительно подчеркивающей конституционный принцип мировоззрен-



ческой нейтральности, есть шансы получить голоса избирателей, но у антиклерикальной партии нет шансов на широкую поддержку — не в этой стране. Даже несмотря на все слабости Церкви», — Александр Квасневский, бывший президент. ***(«Тыгодник повшехный», 25 сент.)***

» «Лешек Миллер [СДЛС, бывший премьер-министр] поступил как джентльмен, когда первый пришел ко мне и сказал: «Я начинаю кампанию и знаю, что вы здесь кое-что значите. Я хочу сказать, что́ собираюсь сделать, но и вас хочу выслушать». У нас разная политическая ориентация, мы не соглашаемся друг с другом и никогда в жизни не согласимся, но существует плюрализм — значит, мы можем служить отечеству разными способами», — Лех Валенса. *(«Впрост», 28 сент. — 2 окт.)*

» **«В этом году предвыборная кампания совпала по времени с войной, которую премьер Дональд Туск объявил хулиганству на стадионах (...) Боевая риторика болельщиков приобрела политический оттенок, стадионы превратились в место политических манифестаций (...) Матчи отошли на второй план — все большее значение приобретали трибуны, а болельщики (...) показали властям, что они — сила, с которой надо считаться».** ***(Петр Пытляковский, «Политика», 5-11 окт.)***

» «Благодаря болельщикам я поверил, что в Польше еще не все погибло. В этой молодежи что-то тлеет (...) Оказалось, что в окружающей действительности их что-то не устраивает, что-то беспокоит. Это — драматически серьезный вопрос будущего Польши», — Марек Новаковский. *(«Газета польска», 8-9 окт.)*

» **«Сотое заседание Сейма было последним (...) Депутаты хотели рассмотреть семь законопроектов — начиная с защиты животных и кончая запасами нефти и обменом информации с правоохранительными органами стран ЕС (...) Между тем в саду (...) депутатской гостиницы шла подготовка к событию дня (...) На стене появился плакат «Праздник свинины» (...) Организаторы вместе с депутатом от ПСЛ Петром Вальковским приглашали спеть гимн производителей свинины: «Свинина в суп и на второе — ведь это чудо что такое» (...) На следующий день ровно в 22.06 (...) вице-маршал Эва Кешковская завершила последнюю сессию шестого созыва».** ***(Михал Маевский, Павел Решка, «Газета выборча», 24-25 сент.)***

» «Депутаты внесли в положение о выборах пункт, согласно которому избирательные комитеты кандидатов в парламент должны сообщать на своих сайтах обо всех жертвователях, предназначивших на кампанию сумму больше минимальной зарплаты, т.е. около 1300 злотых. Однако (...) эти ограничения касаются только избирательных комитетов лиц, не состоящих в политических партиях (...) Суровый закон, отпугивающий многих желающих пожертвовать деньги на кампанию, не коснулся избирательных комитетов, созданных политическими партиями». *(Иоанна Танская, «Ньюсуик-Польша», 12-18 сент.)*

» **Фонд Лешека Бальцеровича «Форум гражданского диалога» подсчитал, во что обошлось бы выполнение предвыборных обещаний различных партий: ГП — 14 млрд. злотых, ПиС — 67 млрд. зл., ПСЛ — 215 млрд. зл., СДЛС — 218 млрд. зл., «Польша прежде всего» — 112 млрд. зл., Движение Паликота — 6 млрд. зл.** ***(«Газета выборча», 1-2 окт.)***

» «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 18-24 августа, 65% поляков считают демократию лучшей формой государственного устройства. 17% опрошенных не согласны с этим мнением». *(«Газета выборча», 5 окт.)*

» **«Гости из Туниса, Египта и Ливии наблюдали за ходом выборов в Варшаве, Радомском и Плоцке (...) «Мы должны учиться на польском опыте демократии и выборов», — сказал председатель египетского центризбиркома Абдульмуиз Ахмед Ибрахим Мохаммед».** ***(«Жечпосполита», 10 окт.)***

» «Официально долг нашего государства составляет 790,7 млрд. злотых. Но одни только обязательства Управления социального страхования (УСС) достигают 2,07 трлн. злотых. Денег нет — их потратили на выплату пенсий. В общей сложности на каждого поляка приходится 80 тыс. злотых долга, а не, как утверждает правительство, 20 тысяч». *(«Дзенник — Газета правна», 13 сент.)*

» **«За последние 6 лет поступления в УСС уменьшились на 20%, а доходы бюджета от НДС — на 13%. Настолько же меньше получил Национальный фонд здравоохранения. Все это благодаря проведенным реформам — снижению НДФЛ и взноса на пенсию по**

инвалидности (...) «В карманах поляков дополнительно осталось 40 млрд. злотых (2,8% ВВП)», — объяснил Михал Мик, представляя «Первый предвыборный доклад Центра экономического анализа 2006-2011. Кто выиграл, а кто потерял»». ***(«Жечпосполита», 14 сент.)***

» Варшавский административный суд вынес приговор по иску Фонда гражданского развития (ФГР) Лешека Бальцеровича к президенту Брониславу Коморовскому. Суд пришел к выводу, что экспертизы и рекомендации, использованные президентом, представляют собой публичную информацию. Речь идет о рассекречивании рекомендаций, которыми Коморовский воспользовался при подписании дополнений к закону об Открытых пенсионных фондах (...) Президент проиграл подобный процесс уже в третий раз. Ранее, в начале августа, в том же суде он проиграл аналогичные процессы по искам фонда «е-Государство» и юриста Марека Домагалы. Еще один иск выдвинул сотрудник ФГР Миколай Барчентевич». *(«Газета выборча», 7 окт.)*

» **«Президент Бронислав Коморовский подписал спорный закон о доступе к публичной информации, который под предлогом защиты «важных экономических интересов государства» или заботы о его позиции на международных переговорах разрешает не предоставлять информацию заинтересованным гражданам или СМИ».** ***(«Тыгодник повшехный», 2 окт.)***

» «Страны со слабеющей экономикой представляют угрозу для польских фирм, производящих товары на экспорт (...) Предприниматели предпочитают дождаться развития ситуации и пока не инвестировать (...) В недалеком будущем сбавит обороты другой двигатель экономики — инвестиции в инфраструктуру». *(Мартин Пясецкий, «Дзенник — Газета правна», 22 сент.)*

» **«По данным о денежной массе, которые представил вчера Польский национальный банк (ПНБ), накопления поляков растут (...) В августе объем депозитов домашних хозяйств составил 445,1 млрд. злотых. За год они выросли на 10,6%. Объем кредитов вырос за это время на 12% — до 521,6 млрд. злотых. Растут также кредиты и депозиты предприятий».** ***(«Дзенник — Газета правна», 15 сент.)***

» «По данным фирмы «Нильсен», 40% поляков беспокоятся, что в течение ближайших шести месяцев подорожают продукты питания, 30% — что вырастут счета за электричество, газ и воду, 15% — что поднимутся цены на бензин. Покупательские настроения хуже, чем в 2008 г., когда разразился глобальный кризис. Только 7% поляков верят, что мы выйдем из кризиса в течение года». *(«Газета выборча», 5 окт.)*

» **«По решению правительства, минимальная зарплата вырастет на 114 злотых, т.е. на 8,2%. Ее размер составит 1500 злотых. Это самый большой рост за последние три года. Повлияет это и на другие выплаты (размер выходных пособий, надбавки за ночную работу и т.п.). По оценкам профсоюзов, минимальную зарплату получают около 600 тыс. человек».** ***(«Жечпосполита», 14 сент.)***

» «Согласно исследованиям Главного статистического управления (ГСУ), в прошлом году состоятельные семьи стали еще состоятельнее. В 2009 г. 20% самых богатых семей получали 41,3% доходов всех домашних хозяйств, а в 2010-м — уже 41,7%. (...) Положение беднейших слоев населения тоже несколько улучшилось. В 2009 г. 20% самых малоимущих получали 6,6% доходов всех семейных хозяйств, годом позже — 6,9% (...) Уже несколько лет общественное расслоение не увеличивается (...) Однако беднеет средний класс — стержень рыночной экономики (...) Социальная политика (...) эффективно защищает самых слабых (...) Однако социальные выплаты финансируются труженикамн (...) из средней группы (...) Если тем, кто работает, становится хуже ради улучшения положения неработающих, то (...) это стимулирует не труд, а более энергичные социальные требования, предъявляемые государству». *(Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 29 сент.)*

» **«Евросоюз — крупнейший покупатель польских продовольственных товаров. На страны Сообщества приходится почти 80% доходов от продажи за рубеж польских продуктов питания. Самым большим спросом пользуются мясо, молочные продукты, овощи и фрукты. Одну пятую доходов от сельскохозяйственного экспорта обеспечивает Германия: немцы покупают у нас прежде всего рыбу, соки, мясо птицы, печенье, сухое молоко, замороженную малину и клубнику, а также говядину».** ***(«Жечпосполита», 12 сент.)***

» «За 6 лет площадь экологических угодий выросла более чем в шесть раз (...) По данным

Инспекции качества сельскохозяйственных продуктов, в прошлом году производством продуктов питания без применения химических средств в Польше занималась почти 21 тыс. крестьянских хозяйств. Это на целых 20% больше, чем в позапрошлом году. Сами экологические угодья разрослись на 25% — в прошлом году они занимали 519 тыс. гектаров». *(Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 30 сент. — 2 окт.)*

» «К 2020 г. мы обязались получать 15% энергии из возобновляемых источников. Пока мы достигли уровня 9%. Наш экономический потенциал — это по меньшей мере 22%. С трудом дается и повышение энергетической эффективности, хотя мы можем экономить 25% энергии (...) Между тем во всепольском инвестиционном плане правительство предлагает построить полтора десятка новых угольных электростанций, что закрепит нашу зависимость от угля еще на полвека (...) Мы говорим, что возобновляемые источники энергии нерентабельны и в то же самое время соглашаемся дотировать угольную энергетику (...) Во всем мире возобновляемая энергетика становится всё более рентабельной — у нас ее рассматривают как угрозу». *(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 25 сент.)*

» «Вчера в районе Лебеня появился сланцевый газ — фирма «3Legs Resources», сотрудничающая с американским концерном «ConocoPhillips», начала пробную добычу. В Польше у «3Legs Resources» 6 лицензий». *(«Жечпосполита», 9 сент.)*

» «Каждая пятая лицензия на разведку в Польше сланцевого газа принадлежит российским фирмам. Они добились этого, поглотив компании, получившие разрешение (...) До сих пор министерство охраны окружающей среды выдало 101 лицензию 25 фирмам (...) Министерство не в состоянии проверить, участвует ли в компаниях российский капитал (...) Польше будет трудно проверить, чем вызваны задержки разведки, а затем разработки — стечением обстоятельств или злым умыслом. А в случае разоблачения риск невелик: лицензия стоит 500 тыс. злотых, что для гиганта вроде «Газпрома» — сумма небольшая». *(Мариуш Станишевский, «Дзенник — Газета правна», 22 сент.)*

» «На этой неделе Европарламент занялся вопросом разработки месторождений сланцевого газа (...) В понедельник в комиссии по вопросам окружающей среды был представлен критический доклад о добыче газа (...) На среду дискуссию о сланцевом газе запланировала комиссия по проблемам энергетики, исследований и технологий. Участие в ней примет вице-президент концерна «Польская нефте- и газодобыча» (...) Франция первая в мире запретила не только добычу газа из сланцевых скал методом гидроразрыва, но и его разведку». *(Анджей Кублик, «Газета выборча», 5 окт.)*

» «В ближайшее время Еврокомиссия не намерена разрабатывать чрезвычайные предписания по ограничению разведки и добычи сланцевого газа — заявил на вчерашней дискуссии в Европарламенте ответственный за безопасность поставок в Генеральной дирекции по вопросам энергетики Жан Арнольд Винуа». *(«Жечпосполита», 6 окт.)*

» «Мы занимаем третье место в мире (после Китая и США) по привлекательности производственных инвестиций. В этом году благодаря иностранным инвесторам было создано 47,5 тыс. рабочих мест — главным образом в секторах автомобилестроения и электроники». *(«Дзенник — Газета правна», 21 сент.)*

» «В рейтинге экономической свободы за текущий год Польша заняла 53-е место среди 141 государства, набрав 7 баллов из 10 возможных. Год назад мы получили 6,9 балла и заняли 65-е место. Лучше нас оказались, в частности, Гватемала, Ямайка, Гондурас и Уганда. Отчет подготовила Сеть экономической свободы (Economic Freedom Network), объединяющая независимые институты из 85 стран под председательством Института Фрейзера из Ванкувера в Канаде. Польский член Сети — Центр им. Адама Смита». *(«Дзенник — Газета правна», 21 сент.)*

» «Фильм «Замкнутая система» выставляет прокуратуру и налоговое управление, мягко говоря, не в лучшем свете. Он может вызвать страх или показаться политически некорректным, неудобным. Но бизнесмены пришли на помощь и финансировали «Замкнутую систему» (...) Этот фильм защищает их интересы. Им постоянно приходится иметь дело с налоговым управлением, и, читая мой сценарий, они признают, что управление больше напоминает преступную организацию, чем учреждение, хотя бы в минимальной степени помогающее

гражданам (...) Сценаристы Мирослав Пепка и Михал Пруский (...) наткнулись на историю двух краковских бизнесменов по фамилии Рей и Езёрный, разоренных прокуратурой и налоговым управлением (...) Суд оправдал их. А я в фильме попытаюсь выяснить, какие действовали механизмы и почему эти двое невинных предприимчивых парней были буквально раздавлены (...) История этих двух бизнесменов — не единичная. Сценаристы обнаружили по крайней мере 20 подобных случаев», — Рышард Бугайский, кино- и телережиссер, сценарист и писатель. ***(«Ньюсуик-Польша», 26 сент. — 2 окт.)***

» «Более 2,6 тыс. представителей бизнеса, политики и финансового мира, в т.ч. 1,2 тыс. зарубежных, приняли участие в XXI Экономическом форуме в Кринице (...) Оценивая итоги форума, председатель его программного совета Рышард Бердыховский сказал: (...) «Нам удалось создать традицию встреч политических и экономических лидеров Центральной и Восточной Европы» (...) Традиционно состоялся также инвестиционный форум в Тарнуве. В нем приняли участие более 300 человек: представители правительств, ответственные за приватизацию в Центральной Европе, президенты крупнейших компаний, директора бирж и банков». *(Эльжбета Гляпяк, «Жечпосполита», 22 сент.)*

» **«Восточное партнерство — это разработанная польскими и шведскими дипломатами программа сотрудничества Евросоюза с (...) Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной (...) Основная цель — (...) привлечь восточных соседей ЕС в Европу, помочь им в строительстве демократии, способствовать экономической интеграции (...) ЕС рассчитывает также, что, развивая программу Партнерства, обретет новых поставщиков нефти и газа».** ***(«Газета выборча», 29 сент.)***

» «Варшавский саммит [Восточного партнерства] — это шаг в сторону расширения Евросоюза (...) В принятой декларации говорится, в частности, что Восточное партнерство должно вести к интеграции (...) У Украины есть шанс подписать соглашение об ассоциации еще в декабре, переговоры об ассоциативном членстве с Молдавией и Грузией начнутся уже вскоре (...) Государства-члены ЕС приняли специальную декларацию, осуждающую нарушение прав человека и демократии в Белоруссии (...) Дональд Туск представил проект пакета по модернизации Белоруссии (...) Пакет включает гранты и кредиты (на сумму несколько миллиардов долларов), механизм стабилизации белорусской валюты и смягчение визового режима. Его принятие обусловлено амнистией и реабилитацией политзаключенных, началом переговоров с оппозицией и парламентскими выборами, отвечающими стандартам ОБСЕ». *(Петр Косцинский, «Жечпосполита», 1-2 окт.)*

» **Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»: «Мы расцениваем Партнерство как проект, который нам уже не угрожает. И чем более этот проект будет становиться пустым и неконкретным, тем охотнее мы к нему присоединимся (...) У Партнерства нет ни серьезных денег, ни реального политического плана. А сегодняшнее состояние ЕС таково, что любому понятно: они сейчас не думают ни о чем другом, кроме решения собственных, причем нарастающих проблем (...) Саммит в Варшаве подтвердил, что все обстоит именно так: он прошел с помпой, с шумом. Много деклараций, а кроме них, по сути, ничего. Формальность».** ***(«Газета выборча», 3 окт.)***

» ««В результате экономического кризиса под вопросом оказалась европейская общественная модель, сущностью которой было равновесие между свободой, равенством и солидарностью, — сказал вчера в Европарламенте президент Бронислав Коморовский. — Благодаря этой модели жизнь в Европе считалась самой достойной. ЕС переживает переломный момент, быть может, самый трудный с начала интеграции», — отметил президент в своей страсбургской речи по случаю польского председательства в Совете Евросоюза». *(«Газета выборча», 14 сент.)*

» **«Высказывание министра финансов Яцека Ростовского в Европарламенте о нынешней слабости ЕС и возможной войне в случае его распада вызвала в Польше бурю эмоций (...) Оно прозвучало как серьезное предостережение. Для Евросоюза наступил поворотный момент, ему грозит величайший в истории кризис (...) Мы переживаем бунт самых богатых обществ против европейской экономической солидарности (...) В гипотетической новой ситуации на свет Божий, несомненно, вылезут демоны прошлого, такие как национализм,**

шовинизм, реваншизм, нетерпимость и агрессия (...) То и дело мы узнаём о новых антисемитских, антицыганских или антимусульманских выходках в разных странах Евросоюза (...) Пример Югославии вызывает тревогу. Правда, еще существует своего рода смирительная рубашка в виде НАТО (...) И все же мы помним, что наша часть Европы может уподобиться кипящему котлу (...) Нет, пожалуй, другого государства в ЕС, которое было бы так заинтересовано в его успехе, как мы (...) Поэтому предостережения министра Ростовского как нельзя более кстати», — Януш Ролицкий. ***(«Ньюсуик-Польша», 26 сент. — 2 окт.)***

» «Как сообщил МИД, в четверг вступил в силу подписанный в 2008 г. польско-американский договор о размещении в Польше элементов американской ПРО (...) Система должна использовать ракеты средней дальности СМ-3». *(«Польска», 16-18 сент.)*

» **«В Устку прилетела новая смена американских солдат с батареями ракет «Пэтриот» (...) Американцы продолжают обучать польских военных обслуживать эти ракеты».** ***(«Польска», 19 сент.)***

» «Старший рядовой Рафал Новаковский погиб в результате взрыва мины-ловушки под транспортером (...) Это 30-й поляк, убитый в ходе операции НАТО [в Афганистане], начиная с 2007 года (...) В настоящее время в провинции Газни находятся 2,6 тыс. солдат подходящей к концу девятой смены польского контингента. Десятая смена должна быть на сто человек меньше: начался вывод польских войск из Афганистана, который завершится к декабрю 2014 года». *(«Газета выборча», 5 окт.)*

» **«Польский военный контингент в Афганистане посылает секретную информацию о своей деятельности через спутник, принадлежащий «Газпрому» (...) В том числе информацию об афганских ячейках польской военной разведки и контрразведки».** ***(«Жечпосполита», 23 сент.)***

» «Самолет Ту-154 с президентом Польши Лехом Качинским на борту был сбит, — считают независимые эксперты, авторы отчета под названием «Смоленское преступление» (..) Специалисты не называют себя, возможно, опасаясь за свою жизнь». *(«Газета польска», 27 сент.)*

» **«Президента убили. Он погиб за свободную Польшу (...) Мы не знаем, кто совершил покушение, но знаем, кто несет за него политическую и моральную ответственность: российское и польское правительства», — Томаш Сакевич, главный редактор «Газеты польской».** ***(«Газета польска», 8-9 окт.)***

» «Польшу распродают. Кто владеет польскими фабриками? Кому принадлежат польские газеты? (...) Скоро придется спрашивать: кому принадлежит наша земля и стоящие на ней дома? (...) Если то, что сейчас происходит, — не раздел Польши, — то как это еще назвать? Все, что мы имели, выскальзывает у нас из рук (...) Идет война (...) Будем же бороться за нашу свободу», — Ярослав Марек Рымкевич, поэт, прозаик, публицист. *(«Газета польска», 14 сент.)*

» **«Состояние умов многих наших соотечественников вызывает изумление и беспокойство. Оно свидетельствует о явлении, которое Джозеф Конрад назвал «слепым ожесточением взглядов» (...) Удивительно, что сегодня (...) в свободной и демократической Польше мы слышим о «смертельной угрозе нашей стране», об «уничтожении польского духа и Польши», об «угрожающем нам разделе», о «новой Тарговице» [Тарговицкая конфедерация, созданная в 1792 г. противниками Конституции 3 мая при поддержке России, стала синонимом измены, предательства государственных интересов. — Пер.], «упадке нравов», «потере человеческого облика», и все это, надо полагать, — одно большое обвинение в адрес правящей Польшей «Гражданской платформы»», — Казимеж Орлось, прозаик, публицист, сценарист.** ***(«Газета выборча», 4 окт.)***

» «Сегодня в Польше разыгрывается подлинный конфликт. Он касается понимания демократии, аксиологии, иерархии моральных и государственных приоритетов. Это цивилизационный, культурный, нравственный конфликт (...) Идет, возможно, самая важная за многие годы дискуссия (...) Но изящные рассуждения можно пока что услышать лишь в кругу единомышленников (...) Борьба становится первобытной и примитивной, интеллигентные люди прибегают к грубому языку (...) христиане ненавидят врагов и гордятся этим, поэты переходят на идеологическую прозу, а люди с профессорским званием подвержены эмоциям, как школьники». *(Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 21-27 сент.)*

» **«В Польше после всего, что она пережила, есть как бы два полюса. Первый — традицион-**

ный, патриотический, на котором воссел, как на троне, Ярослав Качинский (...) Это полюс, который притягивает людей идеей национального самосознания, польским Папой, польскими повстанцами, гордостью и славой. Второй полюс, занятый Туском, — модернистский. Он притягивает обещаниями, что у нас будет как на Западе (...) Когда у поляков дела идут хорошо, их больше привлекает полюс модернизации. Когда им становится плохо, они вдруг надевают на рукава бело-красные повязки. Очень характерно, что национальные цвета появляются у нас на забастовках и во время траура. А если нет повода бастовать и ничего страшного не происходит, никому и в голову не придет вывешивать флаги», — Рафал А. Земкевич. ***(«Польска», 7-9 окт.)***

» «В Польше (...) выросло чувство общественной угрозы (...) Многие думают, что уважаемые, достойные люди подвергаются беспричинным нападкам со стороны людей аморальных, бесчестных, плохих (...) Опросы показывают, что люди в Польше не стали хуже. Однако из них ясно следует: поляки очень плохо думают о других», — проф. Кристина Скаржинская, заведующая лабораторией политической психологии Института психологии ПАН. *(«Пшеглёнд», 25 сент.)*

» **«Лех Валенса (68 лет), бывший президент, первый лидер «Солидарности» навестил в больнице генерала Войцеха Ярузельского (88 лет) [тоже бывшего президента — В.К.]! Он пожал руку и пожелал здоровья инициатору военного положения, которому обязан арестами, допросами, тюрьмой без судебного приговора и жизнью на подслушке! (...) Фотографии с этой встречи Валенса разместил в своем блоге. И подписал: «Доброго здоровья, господин генерал» (...) Ярузельский (...) попал в больницу с воспалением легких. Это следствие химиотерапии, которой он подвергался последние полгода. Ярузельский страдает лимфомой — злокачественной раковой опухолью».** ***(«Факт», 26 сент.)***

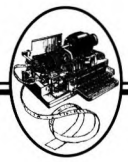
» «Президент Бронислав Коморовский (...) вернет семье бывшего премьер-министра Винцента Витоса регалии ордена Белого Орла. Винценты Витос — деятель крестьянского движения, трехкратный премьер-министр Второй Речи Посполитой — в частности во время польско-советской войны. В 1926 г. его правительство было свергнуто в результате военного переворота Юзефа Пилсудского (...) В 1930 г. Витос был арестован (...) и приговорен к полутора годам заключения (эмигрировал в Чехословакию). После вынесения приговора он как судимый лишился права на орден Белого Орла, полиция конфисковала регалии во время обыска. В 1939 г. Витос и другие приговоренные были амнистированы эмигрантским правительством». *(«Газета выборча», 23 сент.)*

» **Согласно опросу ЦИОМа, президенту Брониславу Коморовскому доверяют 73% поляков. Его работу одобряют 66% опрошенных. Другие лица, пользующиеся общественным доверием: Дональд Туск (56%) и Вальдемар Павляк (54%). Самое большое недоверие вызывают Ярослав Качинский (50%), Януш Паликот (43%) и Антоний Мацеревич (36%).** ***(«Газета выборча», 22 и 27 сент.)***

» «Туск (...) установил стандарт управления Польшей (...) Это первый политик, который сумел создать стабильную систему власти премьер-министра. Раньше (...) либо входящие в коалицию партии отказывали премьеру в поддержке, либо кабинет возглавлял человек, зависимый от партийного лидера (...) Это делало невозможным реализацию долгосрочных проектов. Изменил такую ситуацию лишь Туск. Он прекрасно освоил технику управления, что позволило ему стать солидным, стабильным премьером (...) Историки будут ценить его прежде всего за то, что он положил начало успешной практике отправления власти. Он ликвидировал анархию, царившую раньше в правительствах и партиях». *(Роберт Красовский, «Польска», 7-9 окт.)*

» **«Это правительство сделало многое. В период мирового кризиса Польша не пришла в упадок. У нас наблюдается рост национального дохода. Это серьезный успех, хотя надо быть готовыми к тому, что придут месяцы и годы, когда будет трудно. Мы хорошо использовали европейское финансирование для регионального развития. Мы открываем школы для шестилетних так, как это происходит во многих странах», — Тадеуш Мазовецкий, премьер-министр первого некоммунистического правительства.** ***(«Газета выборча», 7 окт.)***

» «17 сентября по случаю годовщины [советской агрессии против Польши] сторонники «Газеты польской» провели в Варшаве демонстрации перед российским посольством, резиденцией



премьер-министра и президентским дворцом. Демонстранты кричали, что премьер и президент «предатели» (...) Толпа скандировала: «Хочешь быть слугой немца и русского — поддержи Дональда Туска». *(«Газета выборча», 19 сент.)*

» **«В 72-ю годовщину советского нападения на Польшу два 19-летних харцера (...) перечеркнули табличку с русской надписью (...).на памятнике благодарности советской армии в Скарышевском парке в Варшаве (...) Памятник польско-советскому братству по оружию на ул. Тарговой они дополнили надписью «Красная чума» (...) Им предъявлено обвинение в порче и осквернении двух памятников».** ***(«Газета выборча», 21 сент.)***

» «Президент Бронислав Коморовский выражает сожаление в связи с осквернением в подваршавском Оссуве могилы 22 солдат Красной Армии, погибших в 1920 г. во время Варшавской битвы, — сообщила канцелярия президента. В субботу за осквернение памятника советским солдатам в Катовице был задержан Адам Сломка (...) На памятнике он нарисовал нацистские и коммунистические символы». *(«Жечпосполита», 19 сент.)*

» **«58% российских граждан заявляют, что относятся к Польше хорошо, а 21% — плохо (...) В 2008 г. эти цифры составляли соответственно 49% и 21% (...) В 2000 г. 76% россиян отзывались о нас хорошо и только 13% — плохо».** ***(«Жечпосполита», 15-16 окт.)***

» «Варшавско-пражский епископ Генрик Хосер встретился с группой около 200 священников своей епархии (...) Архиепископ Хосер напомнил о завещанном блаженным Иоанном Павлом II деле охраны следов войны 1920 г., рассеянных по территории епархии (...) Об оскверняемой уже много месяцев Оссувской могиле большевиков не было сказано ни слова (...) Точно так же он избегал называть семью Липшицев (в которой пребывала св. Фаустина) еврейской семьей. Улыбающиеся лица пастырей из Оссува и окрестных приходов указывали на то, что епископ правильно угадал ожидания собравшихся», — свящ. Войцех Леманский, настоятель прихода в Ясенице. *(«Газета выборча», 19 сент.)*

» **«В сентябре 1939 г. в рядах Войска Польского сражались более 100 тыс. евреев, а также 200 тыс. украинцев и белорусов (...) Это позор, что на военных кладбищах нет их символов, — считает Адам Аптович (...) В Катыни помещены рядом символы четырех религий Польши: католический крест, звезда Давида, православный крест и исламский полумесяц. Аптович хотел бы, чтобы то же самое было сделано и на военных кладбищах в Польше».** ***(Пётр Зыхович, «Жечпосполита», 28 сент.)***

» «Верховный суд поддержал оправдательный приговор деятелям «Национального возрождения Польши», обвинявшимся в разжигании расовой ненависти. Верховный суд счел, что лозунги типа «Наш святой закон — из Польши черных вон» — это призывы к сохранению «особенностей своего народа, его неповторимой красоты»», — Збигнев Носовский, главный редактор журнала «Вензь», зам. председателя Польского совета христиан и евреев. *(«Газета выборча», 15 сент.)*

» **«В Белостоке (...) в сквере на месте бывшего еврейского кладбища (...) неизвестные уничтожили кусты самшита, посаженные в форме звезды Давида. Из вырванных из земли кустов они уложили свастику. (...) Полиция установила личности подростков, которые в Крынках и Озеранах намалевали на домах фашистские лозунги (...) Прокуратура в Белостоке предъявила им обвинения в пропаганде фашизма».** ***(«Жечпосполита», 13 сент.)***

» «На капоте машины Дариуша Либёнки, сотрудника Центра изучения Катастрофы еврейского народа, неизвестные нарисовали свастику. Ранее люблинский дом ученого (выступающего также в качестве эксперта на процессах неонацистов) забросали камнями, к которым были прикреплены петарды». *(«Тыгодник повшехный», 2 окт.)*

» **«Польша — толерантная страна, особенно для антисемитов (...) Незримое присутствие евреев в Польше продолжает расти. Количественно их немного, но они в центре внимания — и живые, и мертвые (...) Прошлое никогда не проходит, вопреки морфологии этого слова (...) Мертвые живут с нами, в нас, мы не можем о них забыть, в этом заключается их загробная жизнь», — Генрик Гринберг, прозаик, поэт, эссеист.** ***(«Газета выборча», 13 окт.)***

» «Двуязычные таблички с названиями населенных пунктов снимают, так как их закрасили вандалы. Войт гмины Пунск сообщил, что новые будут только по-польски. Литовцы, составляющие большинство жителей гмины, говорят, что они отказываются от [литовских] надписей, опасаясь нападений поляков, а также

из солидарности с властями Литвы. Последние не позволяют польскому меньшинству в Литве вешать такие двуязычные таблички. Литовцы в Польше имеют на них право согласно закону о нацменьшинствах. Этим правом они не хотят воспользоваться (...) Войт Пунска Витольд Лясковский (...) объясняет, что к этому шагу их вынудила волна ненависти (...) Литовцы — одно из самых малочисленных меньшинств в Польше (5,8 тыс.). Поляки — самое многочисленное меньшинство в Литве (около 6,7% населения)». *(«Жечпосполита», 15 сент.)*

» **«Граждане Литвы польского происхождения, поляки по самосознанию и культуре, должны пользоваться государственным языком страны проживания. Так же, как в Польше существует единый выпускной экзамен, так и в Литве его стандарт должен быть для всех одинаковым, при условии, что литовская образовательная программа не будет противоречить принципу сохранения языка меньшинства», — министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский.** ***(«Ньюсуик-Польша», 26 сент. — 2 окт.)***

» «В четверг консульский отдел посольства Польши в Вильнюсе начал выплачивать финансовое вспомоществование в размере 230 евро родителям первоклассников из польских школ (...) В Литве это вспомоществование (...) было воспринято отрицательно. Оно интерпретируется, в частности, как переманивание детей из литовских школ в польские». *(«Польска», 7-9 окт.)*

» **«Учителя из Польши едут в Казахстан, где живет не менее 40 тыс. поляков, депортированных с Украины в 1936 г., а также их потомков (...) Поедут девять учителей. Это намного меньше, чем, например, в 1995 г., когда учителей было сорок»,** ***(Петр Косцинский, «Жечпосполита», 26 сент.)***

» «В государственной начальной школе (...) им. Белого Орла учительница польского языка, объясняя правила орфографии, в качестве примеров приводит слова «загулять» и «блядство». Наша дочь, ученица 4-го класса, вместе с другими детьми получила таблицу с правилами орфографии, которую должна выучить наизусть, — там и были эти примеры... Дочь вернулась домой, учила это и задала нам неловкий вопрос: «Мама, что такое «загулять»?» Мы ей велели спросить об этом учительницу», — написали родители десятилетней девочки. *(«Газета выборча», 22 сент.)*

» **«Владелец блога или форума под угрозой наказания должен цензурировать комментарии перед размещением их в сети, — постановил суд в Тарнуве (...) Если такая интерпретация закона приживется, владельцы форумов и блогов, желая избежать процессов, денежных наказаний и тюрьмы, должны будут заблокировать возможность комментариев или нанять цензоров. Это смогут позволить себе только крупные фирмы. Вдобавок на всякий случай они могут заблокировать критические высказывания. Так что конец свободе обсуждения на серверах, зарегистрированных в Польше».** ***(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 6 окт.)***

» «Когда пилот президентского Ту понял, что погибает, он в отчаянии крикнул: «О, блядь!» (...) Слово «блядь» настолько прочно вошло в язык поляков, что, возможно, это и не слово уже, а неартикулированный звук, возглас, как гусиное «га-га-га» или утиное «кря-кря-кря», коровье «му-у-у», собачье «гав-гав» и т.п. Я уверен, что погибающий пилот во времена ПНР крикнул бы: «О, Боже!» А если бы успел, то еще и: «Матерь Божья!»» — проф. Бронислав Лаговский». *(«Пшеглёнд», 25 сент.)*

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НА ВЫБОРАХ

Из беседы с Дональдом Туском, премьер-министром, главой партии «Гражданская платформа»

— Случилась вещь, в польских условиях беспрецедентная: победа, причем с высоким результатом, после четырех лет правления. Выборы 2007 г. больше носили характер плебисцита, а теперь это всё-таки была оценка качества правления. Какая из этих побед для вас важнее, и вообще — есть ли победы более важные и менее важные?

— Мы с вами разговариваем на следующий день после выборов, еще сегодня утром я критически оценил собственные действия и подвел для себя итоги. Даже если кое-кто крутит носом — одни считают, что слишком медленно, другие, что слишком быстро, но нам удалось большое дело, и мы достигли крупного успеха. После четырех чрезвычайно трудных лет нам продлили мандат на правление. Я испытываю удовлетворение: молодцы поляки, они справились достойно — невзирая на все обстоятельства, невзирая на стихийные бедствия, смоленскую катастрофу, финансовый кризис, а правительство оказалось хорошо скроенным для таких обстоятельств, обладало верой в себя и оптимизмом.

— Бывали ли у вас моменты сомнения в победе?

— Да. Даже в день выборов, причем уже где-то ближе к вечеру, я отнюдь не был уверен в победе, но был уверен в том, что волновало меня сильнее всего, — в сильной позиции «Платформы». Еще ночью, когда данные опросов превращались в настоящие результаты, я тоже держал в памяти разные свои приключения в политике. Минуты сомнения были растянуты во времени — случались

даже целые недели капризов и привередничанья, а потом и самых настоящих поношений, чуть ли не проклятий, «Платформы» и правительства от самых естественных кругов избирателей нашей партии, иначе говоря, той части польской интеллигенции, которая формирует общественное мнение.

— Чем вы объясняете эту интеллигентскую неудовлетворенность и разочарования?

— Быть может, ближе всего к правде тезис, что в этих сообществах самые большие запросы и устремления, а следовательно — и требования тоже. У меня, однако, есть такое чувство, что в финале я все-таки получил от них весьма солидную поддержку. Боялся, что это уже слишком поздно, но, к счастью, оказалось, что нет. В кругах людей, особенно ангажированных и обладающих самыми высокими устремлениями, представления о хорошей власти сильно идеализированы. Я ценю эти идеалы, но сегодня в Польше нет и, вероятно, не будет никого, кто мог бы соответствовать таким максималистским запросам насчет того, как может выглядеть хорошее правительство, и в конечном итоге победило благоразумие. Четыре года назад существовал энтузиазм, теперь эта волна поддержки прохладнее, но она продолжает оставаться очень мощной. Мы достигли того, о чем перед выборами мечтает любая власть: что люди воспринимают ее как стабильную, безопасную, предсказуемую. На исходе срока своих полномочий власть никого не поразит свежестью, гениальной идеей, не возбудит необычайных эмоций; это уже опытное супружество, в котором стороны либо понимают друг друга, либо отчетливо хотят развода. Для меня высшая награда такова: нам удалось убедить общество, причем без помощи каких-то ловких трюков и ухищрений, что — цитируя вице-премьера Павляка — мы гарантируем безопасное развитие.

— Довольно широко повторялось, что Ярослав Качинский на самом деле не больно-то и заинтересован в победе.

— Он был очень даже заинтересован. Каждому, кто его знает — а я знаю его очень давно, — известно, что любое поражение он воспринимает как личное унижение. Это, разумеется, не означает, что его интересовала власть. Сценарий был довольно прост: выиграть выборы с высоким преимуществом, оказаться не в состоянии сформировать правительство и на протяжении последующих лет создавать такую атмосферу, что вот, мол, его снова обманули, свергли. Иными словами, холодно рассчитанное привлечение полного набора эмоциональных клише: подлинный победитель снова обманут враждебной элитой, немцами и русскими — и тем больше должна стать через несколько лет та окончательная победа, тот вожделенный, взлелеянный в мечтах Будапешт*. При нынешнем результате выборов этот план становится попросту неактуальным. Я не говорю, что через четыре года «Право и справедливость» не сможет выиграть выборы, хотя мне это кажется очень маловероятным. Но я знаю следующее: сегодня рассыпался в прах и рухнул план, имевший целью показать, что истинная национальная сила не пришла к власти из-за гнусного шарлатанства разных продажных типчиков. И хорошо, потому что благодаря этому они не смогут так эффективно отравлять людям сердца.

— В итоге никакой сколько-нибудь серьезной революции не будет.

— В молодости я придерживался радикальных взглядов, но для государства безопаснее, когда правительством не владеют революционные страсти. К счастью, лишь немногие на старости лет становятся революционерами, но их надо особенно остерегаться.

— И здесь мы возвращаемся к проблеме, которая присутствовала в течение нескольких лет и уже появилась после выборов, например, в комментарии профессора Магдалены Сьроды: то ли продолжать эту гнилую стабилизацию с «тормозным кондуктором» в виде крестьянской партии ПСЛ, то ли ринуться в современность с Паликотом.

— Когда я смотрю на то, что происходит сегодня в Голландии, то Паликот с его требованием легализовать наркотики выглядит архаичным, а вовсе не современным. Там, где позволили себе освободить оборот наркотиками, жалеют и идут на попятную, отказываясь от этого решения. Это такие идеи, современность которых мнима, иллюзорна.

---

* Туск ссылается здесь на слова о Будапеште, произнесенные Качинским сразу после объявления предварительных результатов выборов и намекавшие на победоносный приход к власти в Венгрии Виктора Орбана, взгляды которого в значительной мере близки к идеологии Качинского. — *Пер.*

— Как же вы тогда опишете феномен Паликота, раз он являет собой успех этих выборов: 10% поддержки после года существования, совершенно новое движение — и в первом же старте на выборах оно становится третьим.

— Тут, несомненно, личный талант Паликота, его большая решимость, очень крупные инвестиции, причем не только финансовые, но и состоящие в тяжелой работе. При этом играл он жестко, часто с нарушениями правил, и подобным способом построил себе репутацию. Предварительный социологический портрет его избирателей таков: это, наверно, люди разочарованные, желающие досадить и «врезать» власти, ценящие хеппенинг, а не мыслящие в политических категориях, настроенные индивидуалистически (потому что в каждом обществе существуют такие позиции) — так вот выглядят избиратели Паликота. Их, разумеется, не следует недооценивать или пренебрегать ими — точно так же, как не следует пренебрегать настроениями, сопутствовавшими возникновению самого движения Паликота.

— У этого движения есть будущее?

— Считаю, что нет. Будущее есть у отдельных мыслей, порывов, рефлекторных реакций либо указаний, которые продемонстрировали избиратели, голосуя за это движение, но сама политическая организация или структура, которую создали нынешние выборы, не представляется мне перспективной. Отдельные идеи, особенно о светском характере государства, могут подействовать в качестве ускорителя тех процессов, которые уже происходят.

— Закончилось время отговорок, упреков и оправданий, уважаемая «Платформа», беритесь за настоящую работу — такие комментарии появились тотчас же после выборов.

— Я не позволю себя склонить к изменению способа моего мышления о политике, о том, что в Польше важно. За границей никто не испытывает сомнений, кто в Польше представляет умеренное, реформаторское, либеральное в экономическом плане направление. Только в Польше не все видят и ценят, что это мы создаем оптимальные условия для разумного реформирования страны, иными словами, даем ощущение элементарного порядка, стабильности, предсказуемости. В этот состоит основное условие того, чтобы двигаться вперед. Я верю, что мы были и будем хорошим правительством на трудные времена.

Вела беседу Янина Парадовская

POLITYKA

НЕТ ОДНОЙ ПАМЯТИ

Беседа с профессором Анной Вольф-Повенской

Профессор Анна Вольф-Повенская

— Так что же, госпожа профессор, с этими немцами? С одной стороны, они считаются в Европе примером того, как рассчитаться с преступным прошлым, с другой — сами признаются, что этот расчет был в разных послевоенных констелляциях очень дырявым. Вы назвали свою книгу о немецких муках с собственной памятью «Бремя и освобождение». То есть у них получилось?

— В общем и целом получилось. Хотя всё же такой процесс не подразумевает окончательно ясного итога. Это понимаешь сразу, как только попробуешь проследить долгий, тянущийся свыше 60 лет, процесс борьбы нации с собственной виной, с пленом механизмов тоталитарной системы, с обвинениями. Претыкаться о прошлое приходилось на различных исторических сценах — сначала в оккупированной Германии, потом в двух отдельных немецких государствах и наконец в Федеративной Республике Германии, объединенной в 1990 году. Бои вели самые разные люди: политики, интеллектуальная элита, но и простые смертные. Культура коллективной памяти в демократической стране — это прежде всего культура дискуссии. Постоянному обновлению и умножению памяти служил количественный и качественный прирост научной, мемуарной литературы, публикаций документальных источников. По ходу развития исследований вновь и вновь выявляется, что мотивации преступников и поведение свидетелей существуют в комплексе. Память о нацистских преступлениях должна осваивать новые знания, плоды различных научных дисциплин, принимать во внимание взаимосвязь направлений исследований, а также контексты различных областей жизни в Третьем Рейхе и в оккупированных странах. Необходима дистанция времени, возможность сравнить разные тоталитарные режимы. Думаю, что тридцать лет назад я не была готова написать такую книгу...

— ...в начале 1980-х — безусловно.

— Дело даже не в тех временах, а больше во мне. Требовалось эмоциональное отчуждение, освобождение от взгляда на западных соседей преимущественно сквозь призму польской мемуарной литературы, кинофильмов о войне. Я должна была посмотреть на разные поколения немцев с их стороны, познакомиться с интерпретациями философов, социологов, специалистов по культурной антропологии, психологов. Когда мы имеем дело с проблемами, где сцеплены правовые, этические, политические и мировоззренческие оценки, вопросы справедливости, национального духа, патриотизма, — недалеко до упрощений. Молодой человек бескомпромиссен, склонен к поспешному морализаторству, в своем радикализме всё видит сквозь черно-белые очки. Поэтому я подчас с подозрением отношусь к резвости юных ученых-«экзекуторов» и к тому, как они охаживают своих

героев моральной дубинкой. Я не хочу этим сказать, что исследователь постарше способен понять всё и вся. Просто до некоторых тем надо дозреть. В свое время я постоянно выставляла оценки, хотя у меня было мало предпосылок для достоверного диагноза. А 1976 г., когда я в первые побывала в ФРГ, то в каждом пожилом мужчине высматривала нацистского преступника. Сегодня я хочу понять определенные механизмы и процессы, прояснить поведение индивидуумов и групп, в частности для того, чтобы вовремя распознать симптомы новых угроз и политических катаклизмов. Меня больше занимает связь настоящего с прошлым.

— Опыт показывает, что оценка, какой поступок был правильным, а какой неправильным, зависит не только от момента, в который кто-то когда-то принимал решение, но и от того, когда историк формулирует свои оценки.

— Разумеется, важен исторический и политический контекст, идейная атмосфера времени, в которое мы живем и интерпретируем прошлое. Необходимо знать и понимать взаимозависимость эпох. Движение «Солидарность», падение Берлинской стены, крах Советского Союза — все эти события дали возможность сравнить дилеммы двух немецких государств и нацистского и коммунистического тоталитаризма. Раскрытие многих архивов, свободная от цензуры дискуссия в восточной части Европы показали всю многомерность политики Третьего Рейха в оккупированных странах и степень коллаборационизма. Да, сравнение преступлений двух тоталитарных режимов возмущает и по сей день многих. Ими руководит опасение релятивизации гитлеровских преступлений. Эксплуатация понятия «тоталитаризм» во время холодной войны служила релятивизации нацистских злодеяний. Некоторые участники дискуссии хотели приуменьшить сталинские преступления и представить их как функциональные. В целом, однако, сопоставительное изучение необходимо. Важен только вопрос: с какой целью мы сравниваем — с исследовательской или по политическому заказу? Какую функцию выполняют сравнения?

— Когда я слышу, что ПНР, ГДР, СССР и Третий Рейх — это одно и то же, т.е. тоталитаризм, у меня складывается впечатление, что это пропаганда, а не историческая наука. Одно дело СССР периода больших чисток 1937-го, другое — времен XX съезда КПСС (1956), совсем иное — при Горбачеве в 1988 году.

— Из механического объединения получается мешанина. Однако разве не нужно рассматривать, например, мотивы повседневных поступков в тоталитарном государстве: в чем они похожи, в чем различаются? От рейтинговых оценок поступков в Третьем Рейхе или ГДР в общенациональном контексте меня оберегает такая мысль: что придется ответить на вопрос внучки, почему я ничего не предприняла, чтобы противостоять беззаконию коммунизма? Какое я найду объяснение? Это заставляет не только оглядываться кругом, но прежде всего посмотреть вовнутрь, вглубь себя.

— Но ведь может быть и так, что через десяток лет оценки послевоенного периода станут более дифференцированными и беспристрастными, что повсеместно принятым познавательным принципом станет тезис Анджея Валицкого, утверждавшего, что нельзя говорить о структурном подобии разных видов тоталитаризма без учета огромной разницы в способах выхода из него. Третий Рейх был разбит союзом западных демократий со сталинским СССР. А СССР распался изнутри. И далее: Третий Рейх и СССР были суверенными державами, Гитлер пришел к власти законно. В то же время ПНР и ГДР были несуверенными государствами и имели историю как своей зависимости от гегемона, так и революционной эмансипации от него. Всё это требует очень деликатного дифференцирования вопросов вины и заслуг, правильных и неправильных поступков.

— Оценки собственной истории постоянно изменяются. Немцы по-разному думали и говорили о себе после 1945-го и после 1989-го, когда была произведена оценка коммунизма. В течение десятилетий историки почти единогласно заявляли, что ФРГ в первые два десятилетия определялась молчанием. «Неспособность к трауру» немцев считалась бесспорным фактом. Однако уже в 1980-е раздавались голоса, говорившие о том, что политика вытеснения и экстерриториализации памяти была неизбежной платой за эффективную демократизацию. Сегодня даже Норберт Фрай, который очень критично

оценивает послевоенный расчет немцев с нацизмом, пришел к выводу, что «политическая амнистия и общественная реинтеграция всей этой армии сочувствующих национал-социализму были в равной мере и необходимы, и неизбежны».

— Аденауэр говорил, что не следует выливать грязную воду, пока нет чистой. Это, впрочем, философский вопрос. Сколько памяти и сколько забвения нужно человеку или обществу в целом, чтобы иметь возможность нормально функционировать?

— Желая улучшить будущее, Аденауэр должен был отсечь прошлое и интегрировать как нацистов, так и ветеранов Вермахта и принудительно выселенных с востока. Он должен был строить демократию, имея в стране не слишком много демократов.

— Результаты этого извилистого освобождения от бремени памяти бывали иногда раздражающими, как хотя бы приведенный вами пример нацистки, осужденной в ГДР к заключению, а после объединения Германии признанной жертвой коммунизма и получившей компенсацию многократно больше той, которую получают узники нацистских концлагерей.

— Интересно, что несмотря на накопленный опыт разных этапов и форм денацификации в обоих немецких государствах так называемая дештазификация в бывшей ГДР после 1989 г. сталкивается с похожими препятствиями психологического характера. Так же, как когда-то западные немцы сочли Нюрнбергский трибунал формой отмщения на основе «права победителя», так теперь восточные немцы возмущались высокомерием в оценке их собственных биографий западными соотечественниками.

Трудно сравнивать и два процесса смены верхушек. Различие было обусловлено разницей между политикой Третьего Рейха и диктатурой СЕПГ в ГДР, а также тем фактом, что конец нацистской диктатуре положил крах Германии во Второй Мировой войне, а конец ГДР — мирная революция. В сравнении попыток наказать различные военные и политические преступления выявляется беспомощность демократии. Мы это видим, в частности, в бывшей Югославии, а к востоку от нас всё еще остаются без воздаяния сталинские чистки. Анализ немецких расчетов с прошлым показывает, что не существует некой универсальной исторической справедливости. Это горькая констатация. Причин такого положения, как я показываю в книге, очень много. В основе всего процесса расчета с прошлым лежит внутреннее противоречие. Главная установка — ограничения для лиц, «зараженных» нацизмом или коммунизмом, — трудно согласуется с созданием открытого общества в демократическом государстве. Демократия требует сознательных и активных граждан, приемлющих новый порядок. Всё еще остаются актуальными вопросы: если демократия опирается на доверие к человеку, что делать, когда он это доверие не оправдывает? Как следует правовому государству расквитаться с неправовым государством? Историю нельзя отдать под суд, а виновных не удастся выслать на Мадагаскар, так что новый порядок строится с тем же самым народом, его опытом, навыками, но и его достижениями. Осознание обществом вины и приятие этого осознания требуют времени. Миллионы сочувствующих и статистов старого режима не переродятся за одну ночь в ревностных демократов.

— Вывод получается минорный. Пограничник ГДР, как и охранник гитлеровского концентрационного лагеря, прикрывается приказом. Чиновник — политикой государства. Те, кто отдавал приказы, как Гитлер или Гиммлер, покончили с собой. Те же, кто предстал перед судом, говорили, что они невиновны. А те, кто бил себя в грудь, как Альберт Шпеер и Ганс Франк, похоже, хотели сохранить голову на плечах.

— «Изобретательность» виновных не знала границ. Преступление было столь невообразимым, что его раскрытие стигматизировало бы на всю жизнь. Взгляните, пожалуйста, сегодня на этих из «Штази» — главных актеров амплуа рафинированных издевательств и ликвидаций неугодных ГДР людей — или на осужденных международным трибуналом в Гааге преступников из бывшей Югославии. Все невиновны! Историк, занимающийся вопросом вины и ответственности за преступления, оказывается перед непростым вызовом. С одной стороны, перед ним всё больше данных. Но при этом уходит поколение свидетелей. В то время, когда историки ведут теоретический диспут о том, возможна ли вообще объективность в историографии, нарастает мощная конкуренция — пресса, телевидение, кинематограф с собственной наглядной интерпретацией.

— И политики...

— ...которые обладают огромной силой в насаждении собственного патриотического видения истории. У них богатый инструментарий. Они определяют сценарии ежегодных торжеств. Они произносят речи, открывают музеи. Вот, с одной стороны, музей Варшавского восстания, а вот — музей Второй Мировой войны, словно бы восстание не было ее частью. Доминирует политическая, а не историческая правда. Местные власти сносят и устанавливают памятники, переименовывают улицы. В Познани одна из самых длинных улиц теперь носит имя не Ярослава Домбровского, а Яна Генрика Домбровского. Чем не угодил Ярослав? Был слишком левым. Парижская коммуна сегодня не котируется. В 2005-2007 гг. общественному мнению пытались внушить, что вся польская гуманитарная наука после 1989 г., все школьные хрестоматии, учебники истории — непатриотичны, насаждают критический патриотизм вместо безоговорочного. Не было недостатка в ученых и журналистах, которые продемонстрировали, как можно делать политику с помощью истории, какие картины прошлого требуются для укрепления «национального самосознания». У этих сил серьезная амуниция, и историк в конфронтации с ними имеет мало шансов пробиться с обширной книгой, снабженной научным аппаратом.

— Но ведь есть историки, чьи книги расходятся в сотнях тысяч экземпляров. У нас — Норман Дэвис или Ян Томаш Гросс, а в Германии — хотя бы Даниэль Иона Гольдхаген. Историк — по-прежнему учитель?

— Важно еще, кто его слушает. Но история как наука давно уже перестала быть наставницей народов. Вы говорите о Гроссе и Гольдхагене. А помните, как возмущался весь цех историков — и в Польше, и в Германии? Аргументы «против» были схожи. Со всею силой проявилась проблема, как писать историю. В Германии задумались после успеха Гольдхагена в масс-медиа, можно ли для эффекта упрощать материал, дискутировали о форме подачи. Гольдхагена признали своего рода звездой, шоуменом. Однако должно ли это служить историкам примером для подражания? Телевидение и интернет дают неограниченные возможности подчеркнуть зрелищность истории. Я эти медийные мероприятия не критикую. В них своя образовательная ценность.

— Есть разные исторические мероприятия. В 2005 г. президентская кампания «Права и справедливости» открывалась в Национальном музее перед картиной Матейко — словно бы война всё еще идет. В 2010 г. она открывалась Катынью, но и Грюнвальд был тоже в программе... Хотя можно и по-другому. В 2009 г. во время празднования 2000-летия битвы в Тевтобургском лесу Ангела Меркель без триумфаторства говорила, что германцы и в самом деле победили римлян, но вовсе не стали от этого более цивилизованными. Так что мероприятия могут подавать и разумные политические сигналы. А некоторые выставки, такие как «Преступления Вермахта» или когда-то проходившая у нас «Автопортрет поляков», вызывают масштабные общенациональные дебаты.

— Выставка «Преступления Вермахта» с триумфом прошла по всей Германии и вызвала шок. Она попала прямо в национальный нерв, стала, что называется, гвоздем в сапоге.

— Как у нас Едвабне.

— Однако у нас реакция на Едвабне была другой. Письма, которые получили Гольдхаген и организаторы выставки «Преступления Вермахта», показывали, что ветераны стремятся защитить свои биографии, свое достоинство и честь, молодые же благодарили за то, что была показана неизвестная сторона их собственной семейной истории. А сколько рядовых поляков поблагодарили Гросса за то, что в их сознание вошла проблема, о которой они ничего не знали?

— Наверное, немногие, но всё-таки. Очень разные культуры — польская и немецкая. У немцев есть действующее общественное мнение, еще со времен Реформации. У нас оно намного слабее, в том числе из-за разделов. Во-вторых, у нас другая проблема с самоопределением, чем у немцев. Немцы знают, что они многое внесли в европейскую историю и мировую цивилизацию. У них есть также осознание греха геноцида во Второй Мировой войне. А у нас проблема, на что опереться, — на военные победы? Даже если мы повлияли на ход истории, то в сравнении с военным триумфом великих держав это немного. А если не военный подвиг, то что тогда?

Конституционный патриотизм не закрепился в обыденном сознании, осознание многокультурной унии было начисто уничтожено пониманием нации у национал-демократов, перманентной борьбой эгоистических интересов и враждебностью к соседям.

— Кажется, что канон все время один и тот же: Грюнвальд, Конституция 3 Мая, чудо на Висле, Варшавское восстание, «Солидарность». А кто-нибудь спрашивает о последствиях? Чему мы научились?

— Я тоже сжимаюсь, когда вижу, что когда немецкий историк пишет эссе об истории европейских государств и народов, то упоминает Польшу два раза: в связи с выборами и восстаниями XIX века. Соседство с нами в немецком сознании начинается с краха в 1918 г. и «версальского позора».

— Не для всех. Кристоф Клесман, Ганс-Адольф Якобсен отошли от старой историографической интерпретации, в которой Восточная Европа представлялась немцам монолитом, континентом без обликов отдельных народов. А ненужные комплексы — сами по себе. А у наших соседей они тоже есть?

— У венгров — безусловно. А мы, поскольку у нас есть комплексы, бросаем на весы миф о народе-жертве: разделы, Сибирь, Гитлер—Сталин, Варшавское восстание, Катынь — и соревнуемся за титул главной жертвы невнимания мировой общественности.

— Как долго история будет играть первостепенную роль в наших отношениях с соседями? Это, пожалуй, зависит от добросовестности диалога памяти. В самом деле, в отношениях с немцами мы уже многого достигли. А вот рассчитаться с прошлым нашего соседства с русскими — это еще предстоит. В Германии происходит революция во взгляде на Польшу. Есть прекрасные работы молодых адептов истории, которые изучают польский язык, посещают польские архивы. Растет интерес к истории Восточной Европы, ее народов, свободный от багажа Ostforschung*. Переломным пунктом стало 70-летие начала Второй Мировой войны — 2009 год, когда, спустя десятилетия, в первый раз столько внимания уделялось Польше. Но нельзя не сказать, что немцам потребовалось слишком много времени, чтобы заметить и почтить первую жертву агрессии гитлеровского государства. Стало каноническим выступление Рихарда фон Вайцзеккера. Сентября 1939-го до этого не замечали. Всё больше и больше польских мемориальных мест в Берлине.

Политика может некоторые вещи упростить, позитивно мобилизовать на историческое просвещение. Мы также должны принять во внимание тот факт, что немецкое общество становится все более многокультурным и многонациональным и значительная его часть не будет себя отождествлять с немецкой историей, ибо это не его вина, не его заслуга.

— Хотя в книге вы приводите пример немецкой турчанки, которая воспринимает эту историю как свою собственную. Она даже высказывается как потенциальная жертва: «С нами вы то же самое сделаете!» Правда, сразу же признаётся, что как немка стыдится этого эпизода немецкой истории.

— Трудно сегодня предсказать, в каком направлении будет развиваться немецкое общество и его историческое сознание. Мои прогнозы развития польско-немецких отношений после 1990 г. оказались ошибочными. Я идеалистически полагала, что на волне энтузиазма мы преодолеем старые травмы. Я не могла предвидеть «исторической политики» «Четвертой Речи Посполитой».

— Ну хорошо, однако это был только пятилетний эпизод, если считать и сокрушительную трехлетнюю избирательную кампанию с 2003 года. Исследования Агнешки Лады показывают, что эта национал-демократическая реконкиста не нашла поддержки в обществе.

— То, что польское общество не поддалось на запугивание новой Хакатой** и германизацией, — это не заслуга политиков, а прежде всего результат инициатив снизу. После 1989 г. возникла столь мощная сеть контактов и связей, что партийные сеятели страха не нашли прочной почвы. Желание

* «Восточные исследования» (нем.) — название исследований восточных территорий Германии и Центральной и Восточной Европы в XIX в., связанное с идеей «цивилизаторской миссии» немцев, а также название организации в нацистской Германии, занимавшейся обоснованием «расового превосходства» над восточными соседями. — *Пер.*

** Общее название немецких националистических организаций на польских территориях в конце XIX — начале XX в. — *Пер.*

сотрудничества и совместного бизнеса оказалось сильнее. Победил повседневный прагматизм. Весь этот шум в СМИ вокруг Эрики Штейнбах не произвел на людей впечатления. Так что я в своей книге не занималась этой фигурой. И сама председательница Союза изгнанников, и ее активные соратники не внесли ничего нового в польско-немецкий дискурс. А их интерпретация прошлого была рупором и эхом того, что еще в самом начале провозглашали функционеры изгнанных. Слепые к политическим реалиям, они хотели сколотить капитал на реваншистских лозунгах, а ни одна правящая партия не хотела терять их голоса на выборах.

— В самом деле, в девяностые годы мы продвинулись дальше, коль скоро Хупка мог получить почетное гражданство Ратибора.

— Очень стыдно, что Сейм позволил себя вовлечь в эту спираль претензий. Экспертов не слушали. А ведь профессор Ян Барч вместе с Иоганном Фровейном доказывали, что претензии изгнанных и призывы прусского землячества в юридическом отношении безосновательны. Зато внимательно выслушивались тезисы о том, что немцы отказываются от своей истории и ответственности за войну, — и это тогда, когда в объединенной Германии происходили самые важные исторические дебаты. Наши правые требуют гармоничной картины истории, единообразия памяти.

— Они хотели бы вбить в головы высеченный в граните канон, но, как говорит знаток культуры памяти Алеида Асман, египетские пирамиды после четырех тысяч лет имеют иное значение, нежели то, которое им хотели придать строители.

— Всегда на первом плане перспектива современности. Почему и ради чего в тот или иной момент мы оживляем память об одном событии и усыпляем — о другом? Безусловно, уже через 40 лет новое поколение совершенно иначе взглянет на прошлое. Мы не знаем, какие вопросы будут волновать. Будут ли немцы только одним из элементов европейской мозаики, выйдем ли мы за пределы чисто национального повествования, сумеем ли мы создать связную картину истории Европы? В глобализированном мире система взаимозависимостей столь многообразна, что прогнозировать всегда рискованно.

— Внешние вызовы подталкивают европейцев друг к другу.

— Но и антагонизируют, как в случае оценки интервенции США в Ираке и способов борьбы с терроризмом.

— Я бы не переоценивал этих противоречий. В вопросе об Ираке мы разделились, но в то же самое время были вместе в Афганистане. Шрёдер действительно братался с Путиным, но поддался нажиму Квасневского и в конце концов поддержал «оранжевую революцию» в Киеве. Все наши конфликты были всегда уравновешены интенсивным сотрудничеством. Это «прибавочная стоимость», привнесенная Евросоюзом и НАТО.

— Это только подтверждает тезис, что текущие события всё время верифицируют коллективную память. Несколько лет назад балтийский газопровод был новой версией пакта Гитлера со Сталиным, а сегодня об этом и речи не идет.

— «Бремя и освобождение» — это рассказ о меандрах немецкой памяти и о немецких расчетах с прошлым. Читая книгу, я одновременно представлял себе ее вторую часть — польский рассказ о польских спорах после 1945 года. В сороковые годы осуществлялись, в том числе и в эмиграции, расчеты с сентябрьским крахом, и это, как в «Польской осени» Яна Юзефа Щепанского, затрагивало вопрос не только о понесенных жертвах, но и о вине за крах, а также за поражение Варшавского восстания. Этот шок подтолкнул не одного молодого человека из Армии Крайовой к новой власти, Тадеуша Конвицкого — даже к компартии. Потом было несколько лет сталинского повествования...

— Я тоже думала о наших и не только наших расчетах с прошлым. Основное различие между западными немцами и нами вытекает, однако, из всей инфраструктуры дискурса памяти. Они вспоминали в демократическом государстве. Даже если, пораженные громадностью преступлений, немцы забегали вперед, то оккупационные державы-победительницы вынуждали обращаться к процедурам переучивания, создавали институты политического воспитания. Страны-победительницы и народы — жертвы уничтожения и оккупации не позволяли забывать. Полякам удобно было в условиях дик-

татуры ПОРП замалчивать собственную вину по отношению к евреям. Мы сращивались с героическим повествованием. Сегодня пересмотр картины истории наших отношений с немцами, евреями, восточными соседями наталкивается на политические барьеры. Мы хотим, чтобы наше самосознание зиждилось на безукоризненном мраморном фундаменте. Нам всё кажется, что надо гармонизировать и задабривать память. Многие политики до сих пор верят, что наши исторические заслуги создадут нам авторитет в Европе.

Но мы в мире не исключение. В Европе столько памяти, сколько этнических, национальных, конфессиональных общностей. На книжной ярмарке в Лейпциге в 2004 г. литовский министр Сандра Калниете вызвала скандал, когда сравнила сталинские преступления с гитлеровскими. Такие проблемы будут нарастать по мере того, как государства и общества, выделившиеся при распаде СССР, будут проводить расчеты со своей историей и историей взаимоотношений с советским гегемоном. Им придется собственными силами расквитаться со Второй Мировой войной и вовлеченностью в механизмы коммунистической системы.

— Я читаю немецкие статьи, связанные с семидесятой годовщиной плана «Барбаросса» и улавливаю в них сожаление: мир был бы в порядке, если бы Гитлер не двинулся на СССР. Неожиданно мир, основанный на «дьявольском пакте» Гитлера со Сталиным, предстает достойным status quo, которого надо было держаться. А мне вспоминаются сообщения из оккупированной Варшавы, где летом 1941-го с плёсов Вислы люди со злобной надеждой смотрели на немецкие эшелоны, идущие на восток. Вермахт никого не освобождал, но он разрушал преступный строй.

— Таких антагонистических повествований не счесть. Рассказы евреев, бегущих на восток, или русских, которые из немецкого плена попадали прямо в лагеря...

— Надо ли все эти повествования показывать рядом друг с другом, как это делает Клята, который сводит на сцене польских репатриантов и немецких изгнанников. Из этого еще не рождается никакого взаимодействия.

— Это только вопрос художественной условности. Память палачей и память жертв никак нельзя примирить. Историк же должен хранить смирение. Он сталкивается с человеческой трагедией, драмой жертвы, а с другой стороны — с определенным бессилием обычных граждан, которые хотели только выжить, а оказались вовлеченными в механизмы преступной системы. Их не хватило на героизм. Задача историка, которого отделяет дистанция времени и который располагает разнородными источниками, — указать на социальную, политическую, культурную, хозяйственную, юридическую обусловленность мотивов. Важно, чтобы мы не просмотрели простой истины: нет хорошей и плохой памяти. Есть только хорошие и дурные мотивы ее оживления. Сейчас время памяти Армии Крайовой; идейное и политическое время памяти Армии Людовой прошло. Но актуальным остается вопрос: почему, во имя каких интересов, что из этого следует?

— Вы упоминаете израильского социолога Бар-Она, который сталкивал детей палачей с детьми жертв, и это имело терапевтическое значение. О похожей встрече в Кшижовой мне рассказывал сын нацистского бургомистра Лодзи.

— Такие встречи, в том числе межпоколенческие, не единичны. Из исследования Элизабет Нёлле-Нойман следует, что молчание и отсутствие доверия между поколениями в ФРГ имело далеко идущие последствия для психического состояния граждан. Она считала, что вина и стыд негативно отражаются на атмосфере в семье. Вывод: «Хватит преодолевать прошлое». Немцы должны обрести оптимизм и веру в будущее, для того чтобы быть лучшими гражданами и демократами. Она не одна пришла к убеждению в необходимости подвести под прошлым жирную черту, объявить «час ноль», перестать уродовать немецкое самосознание. Однако параллельно мощному хору, возглашающему, что копание в прошлом уничтожает хрупкую немецкую демократию, прибывает и защитников тезиса, что важнейшее достижение демократии — это интеграция негативных и позитивных элементов исторического опыта. В книге я стремилась показать, каким образом эти три аспекта — поколенческий, преобразование системы и международное окружение — влияли на ход публичной дискуссии о нацистском прошлом.

— И вы полагаете, что незачем определять канон исторической памяти?

— Да, я так считаю. Невозможно сегодня установить нормативный канон. Практика показывает, что он всегда политически управляем, а последствия плачевны. Демократия и государство создают необходимые рамки, в которые вписываются различные исторические повествования. Следует хранить бдительность гражданского общества, политическую чуткость, чтобы противостоять неонацистским и неототалитарным тенденциям. Любые запреты, например постановка вне закона Национал-демократической партии Германии, не дают результата. То, что мы загоним в подполье, проявится с удвоенной силой в соответствующей нише. Необходимы демократические процедуры и инструменты, которые позволят противостоять зловредным идеологиям и одолевать их. Анализ поведения в Третьем Рейхе склоняет к выводу о необходимости быстро реагировать на идеологию исключительности. Вы, конечно, помните фрагмент воспоминаний Себастьяна Хаффнера, где он, который терпеть не мог нацистских штурмовиков, признаётся, что тоже вытянул руку в нацистском приветствии, когда весной 1933 года в библиотеку ворвались штурмовики с криками: «Есть здесь евреи?» Ему было стыдно, но он поднял руку. Это позволяет понять систему порабощения и адаптации рядового простого смертного.

— Я бы пошел дальше. Штауффенберг, который в 1930-е увлекся идеями Третьего Рейха, а после оккупации Польши писал о поляках с пренебрежением как о сброде, — это дитя своего времени, «версальского шока» и упоения тем, что немцы вновь сильны. Отрезвление пришло к нему только в России. В конце книги вы задаетесь вопросом, почему у немцев нет ключа к Польше.

— Почему народ, который первым подвергся нападению, немецким общественным мнением оказался замечен в последнюю очередь? Сначала был памятник Катастрофе, потом в соревнование жертв включились цыгане. Думаю, что едва ли это хорошая мысль — каждой группе жертв воздвигать отдельный памятник. Разве установка памятника полякам изменила бы память о сентябре 1939-го? 1945 год не мог быть цезурой в немецко-польских отношениях, и причин тому было много. Чтобы немецкие граждане поняли, почему от их имени гитлеровское государство уготовало своим соседям такую судьбу, нужны были и время, и знание. Холодная война законсервировала враждебность, а железный занавес надежно отгораживал друг от друга людей и народы.

— А ведь поляки, получив границу по Одре и Нисе, стали для немцев исполнителями самых болезненных наказаний после проигранной войны. Что же вызвало перемены? Письмо епископов 1966 года, польский 1989-й и успех польских преобразований в девяностые? Или, может быть, даже выпады братьев Качинских?

— «Право и справедливость» в Германии ничего не добилось, кроме неприязни к себе. Процесс сближения был медленным, осложненным гримасами истории. Наибольшие заслуги здесь принадлежат отдельным личностям, просвещенным христианам по обе стороны границы. Небольшая группа людей терпеливо откалывала кусочки стены. Руку приложила и восточная политика Вилли Брандта. Вы неоднократно обращали внимание, что Гельмут Коль по отношению к польским делам вел себя мы знаем как. Считать Коля самым большим другом Польши — миф и недоразумение.

— «Солидарности» требовался свой анти-Брандт, так как Брандт в 1985 г. не встретился с Валенсой.

— Это уже следующая страница политической конфронтации. ФРГ, помимо прочего, считалась с советской державой. Несмотря на обильное финансирование восточных исследований, в ней не увидели колосса на глиняных ногах. Брандт боялся, что «Солидарность» дестабилизирует «порядок» в Европе.

— Иногда я задумываюсь, как могла пойти история, если бы западные союзники сказали Аденауэру в 1949-м: «Ты получишь эту свою республику при условии, что признаешь западные границы Польши». Ведь если бы эта граница была признана — под принуждением, как мы должны были признать линию Керзона...

— ...Не знаю, не дошло ли бы до вооруженной конфронтации. Вы только подумайте о миллионах принудительно выселенных.

— А наш отказ от восточных окраин?

— Это был диктат Сталина и диктатура коммунистов.

— Но дело было бы сделано, никаких иллюзий, господа. Даже если бы Сталин включил Польшу в СССР.

— Это фантазия!

— Это кошмар! Но и умозрительный ключ для понимания немецкой проблемы границы. Эта проблема терзала немцев двояко: как утрата одной пятой довоенной территории Рейха и как утрата в пользу слабого — соседа, которым пренебрегают. Если бы эти земли отхватил СССР, то немцы прижали бы уши в соответствии с иерархией. Сильный берет, что ему принадлежит, мы хотели прибрать себе Европейскую часть России, но не получилось, ну так теперь они берут. Но поляки? Ведь мы их раздавили за 17 дней, и по какому праву они берут, если не завоевали?

— Эрика Штейнбах никогда не касалась Кенигсберга.

— И в этом была суть польско-немецкой проблемы после войны: как создать партнерские отношения асимметричных соседей, отягощенных не только военной травмой, но и более чем столетним отсутствием формального соседства?

— Поэтому я считаю, что признание границы с Польшей требовало времени и стечения условий. Нас после войны не считали партнером. Мы были слишком слабы. Но это уже совершенно другая история.

— Генрих-Август Винклер утверждал даже, что для того и понадобилась Берлинская стена. Немцы должны были понять, что условием объединения Германии будет признание границы с Польшей. Это было основой польско-немецкой общности интересов в 1989 году. Для меня этот год — разрыв с фатальным курсом XIX века, курсом «крови и железа». Бисмарк, а через полстолетия после него Пилсудский объединили — один Германию, а другой Польшу — в результате пограничных войн с соседями. Оба государства заплатили за этот путь объединения будущим своих граждан. Мирная революция 1989 года не только перечеркнула русскую революцию 1917-го, но и представила в ином свете революцию 1789-го и одновременно построила польско-немецкие отношения не на принципе «кто кого», а на сотрудничестве и компромиссном разрешении фундаментальных конфликтов эпохи.

— Можно дискутировать, произошла ли в 1989-м революция. Хотя последствия этого года, возможно, пойдут даже дальше, чем последствия того, что произошло в 1789-м. Мирная революция означает, что позитивные последствия будут видны только в отдаленной перспективе. После катаклизмов, которыми явились две мировых войны, человек был не в состоянии осуществить перемены в своей картине мира. Он видел только свои обиды, ожидал за них воздаяния и компенсаций.

— А сейчас вопрос. В какой момент послевоенной истории Европы начался этот 1989 год: во время доклада Хрущева? Осенью 1965 го, когда польские епископы писали письмо немецким?

— Я не ищу одного момента. Их было много, но они тогда не осознавались. Это мог быть 1956, 1965, 1970 год. Тут были, между прочим, венгры, чехи, словаки, люди из «Pax Christi» и «Движения за примирение и мир», «Тыгодника повшехного» и «Знака», была русская интеллигенция. Нельзя назвать и перечислить все зёрна этих четок. Сегодня не время искать равновесия сил, мы ищем равновесия интересов, а для этого нужно партнерство. Сознаём ли мы с немцами общность интересов, как хотел Кшиштоф Скубишевский? Может, было бы лучше, если бы мы создали общность ответственности.

— Но как скоординировать интересы асимметричных партнеров? Потенциалы экономики Польши и Германии когда-то соотносились как 1:7, сейчас, возможно, 1:4, но никогда не будут равными.

— Жан Монне говорил, что ничто не движется без человека, но ничто не существует без институтов. Такой институциональный якорь — это Европа. Именно Евросоюз должен создать рамки, в которых постепенно будет преодолеваться национальный эгоизм. Жаль, что некоторые наши евродепутаты все время высчитывают, что причитается нам из Брюсселя, и меньше интересуются, что мы можем ему предложить. В свою очередь, меня преследует вопрос, сумеем ли мы создать общую картину истории Европы.

— Я думаю, что это возможно. Примером может служить «Европа» Дэвиса, хотя ее трудно назвать чтением для школьников. Другой пример. Когда я в Лиссабоне слышу от португальского

писателя о тяжкой судьбе retornados, возвращающихся после векового пребывания из Анголы, мне вспоминаются французские «черноногие» из Алжира, немецкие Vertriebene или наши репатрианты. Сопоставимы европейские судьбы XX века, наш опыт — общий. Сегодня уже повсеместно говорится об иудео-христианском наследии в Европе, что сто лет назад нельзя было вообразить. Эта имплантация будет идти дальше, сегодня уже возникло понятие «евроислам». Более того, в связи с Грецией ведется дискуссия о прививке православию протестантской этики и духа капитализма. Мы и в самом деле становимся системой сообщающихся сосудов.

— Нет одного движения. В польской литературе, польской мысли присутствует прежде всего обращение к корням европейского христианского единства: греческой и латинской античности. Мы охотно в этом признаёмся. Было ли и когда было это единство, для каких целей создавалось — это очередные исследовательские вопросы, которые ждут своего историка. Немецкие расчеты с прошлым учат, что качество диалога с минувшим зависит в большой степени от качества осуществления власти и от политического класса. Борьба немцев с нацизмом в смысле коллективного познания его сути, эффективности и механизмов осведомления масс, — это процесс, который важен, прежде всего, его воздействием на современность. Коллективная память — огромный политический потенциал. Поэтому качество европейской интеграции в значительной мере и долгое время все еще будут предопределять политики национального государства. В любом случае, нет пока категории «европейский политик».

— Может, таковых создаст, условно говоря, скорее «греческий кризис», чем политические игры с историей.

Беседу вел Адам Кшеминский

NOWE KSIĄŻKI

Роберт Журек

КНИГИ ЕДИНЕНИЯ

В 1960-х годах в ГДР католический священник Курт Рейтер организовал акцию пересылки книг в Польшу. «Посылкой книг я хочу дать знаки любви, ибо немецкая вина перед польским народом велика и стара, старше нас обоих, но не следует, чтобы она нас пережила», — писал он одному польскому епископу. Деятельность Рейтера не только реально помогла польской Церкви, но и способствовала перемене отношения к немцам среди польских католиков.

Священник Курт Рейтер

После войны он хотел остаться в Польше, но летом 1946 г. коммунисты изгнали его из прихода в Свиноустье. Следующие 14 лет он кочевал как разъездной пастырь расселившейся на обширных территориях бранденбургской диаспоры. Когда в 1960 г. он осел в Эберсвальде, городе к северо-востоку от Берлина, то начал раздумывать, как споспешествовать польско-немецкому единению. Замысел, который ему пришел, он записал на своем не вполне совершенном польском языке: «Немецкий епископат заявлял, что немецкий народ должен воздать еврейскому и другим народам. Также захотели наши епископы капелланов и верующих с молитвами видимые действия объединить. Пересылкой книг я мог бы исполнить долг искупления».

Так началась одна из самых необычных инициатив в послевоенных отношениях поляков и немцев. Священник Курт Рейтер начал свою акцию скромно, с отправки отдельных книг нескольким польским духовным лицам. Но с течением времени число пересылаемых изданий систематически росло. Так, в феврале 1963 г. он спрашивал примаса кардинала Вышинского, «сколько экземпляров нового малого требника на скорбные и заупокойные чины было бы нужно для самых важных надобностей в Польше: 500, 1000, 2000 или больше». В октябре того же года он информировал одного из своих друзей, что за последние 12 месяцев выслал в Польше свыше тысячи посылок с книгами, «в том числе 200 требников, 600 малых заупокойных требников, 90 богословских ежегодников и много других книг по богословию». А знакомые священника дополнительно выслали еще 300 посылок...

Пересылке книг сопутствовал оживленный обмен письмами. В январе 1964 г. Рейтер информировал своего епископа, что ведет корреспонденцию «со всеми ординариями и их викарными епископами, с профессорами и доцентами и со многими пастырями». Хранящееся в архиве Берлинской епархии наследие священника Рейтера подтверждает правдивость этих слов: переписка с польским епископатом, ректорами большинства польских семинарий, многочисленными ксендзами, клириками, монахинями и светскими лицами занимает восемь больших коробок. А ведь деятельность Рейтера продолжалась только пять лет...

В ее апогее он писал по несколько писем ежедневно, причем исключительно по-польски, открыто признавая, что это требует от него много времени и усилий. «По-польски писать — это не так просто для меня», — признавался он одному из польских епископов. Несмотря на это он никогда не поддавался соблазну вести переписку по-немецки, хотя польские партнеры не раз писали ему на этом языке. Он последовательно придерживался польского, а чтобы лучше им пользоваться, начал ездить в Восточный Берлин и брать уроки в тамошнем Центре польской культуры.

Своих побуждений он никогда не объяснял в первом письме. Просто посылал книги и просил их принять и заказать следующие, прилагая к посылкам издательские каталоги. Только когда шокированные адресаты спрашивали, чем они обязаны такому жесту и как могут за него отблагодарить, он отвечал, что ничего взамен не нужно и даже не должно быть, так как передаваемые в дар книги — это символ раскаяния и стремление к искуплению. «Посылкой книг я хочу дать знаки любви, ибо немецкая вина перед польским народом велика и стара, старше нас обоих, но не следует, чтобы она нас пережила», — писал он одному из польских епископов.

Осознание вины перед поляками было у Рейтера очень сильным. Когда он пожертвовал пельплинскому кафедральному собору требники, то сообщил, что делает это в день 24-й годовщины убийства тамошнего капитула немецким СС, в знак траура, как жест доброй воли и стремления к искуплению. «Поскольку собственной кровью мы не можем смыть этих всех преступлений, пусть заменит нас искупление, которое Христос Сам на кресте пожертвовал и которое будет повторяться каждый день на алтаре Пельплинского собора», — написал он. А лично ничего дурного Рейтер полякам не сделал, даже напротив, посвятил им почти всю свою священническую жизнь, как заверял в одном из писем.

Рейтер родился в Берлине, в 1908 году. «Ни отец, ни мать не были польского происхождения, и никто из них не говорил по-польски», — сообщал он позже. Польскому языку он учился в духовной семинарии, «так как эти знания были нужны в нашей епархии, где жило много людей польского происхождения и куда приезжало много сезонных рабочих из Польши». Чтобы лучше овладеть их языком, он воспользовался возможностью провести год в духовной семинарии в Познани. Там примас Польши, кардинал Август Хлёнд рукоположил Рейтера в сан дьякона, «только для рукоположения в священники возвратился в Берлин».

Возведенный в сан в 1933 г., он служил в течение семи лет в берлинских приходах Девы Марии и св. Пия. В обоих было много католиков польского происхождения, и Рейтер окормлял их, «а то аж война началась», и священнослужение на польском языке было запрещено гитлеровскими властями. Годом позже он был переведен в независимое тогда от берлинской епархии Свиноустье, где не только служил в местном приходе, но и работал «среди пленных и рабочих из Польши, Голландии и Франции». За эту деятельность он был в 1943 г. арестован и брошен в тюрьму в Свиноустье. К счастью, ему не пришлось разделить судьбу своего пробста, отправленного в концлагерь в Дахау. Рейтер сравнительно быстро вышел из тюрьмы и вернулся в свой приход.

Он оставался в приходе и после того, как через него прошел фронт и город отошел к Польше. Из документов Епархиального архива в Зеленой Гуре следует, что Рейтер подчинился верховенству назначенного примасом Хлёндом польского апостольского администратора этих территорий, ксендза прелата Эдмунда Новицкого и больше года окормлял прибывающих польских католиков не только в Свиноустье, но и на всем острове Волин. Однако вскоре начались проблемы. Присланный апостольским администратором в помощь польский ксендз настраивал верующих против Рейтера, чтобы занять его место. «Положение сложилось здесь тяжелое, — информировал Рейтер Новицкого. — Только теперь до людей дошло, что я немец. Правда, я никогда этого не скрывал, и каждый мог это понять по моим речевым недостаткам, но до сего времени во мне видели прежде всего священника и духовника. Теперь хотят себе, однако, опеки польского ксендза».

Реакция Рейтера на сложившуюся ситуацию свидетельствует о масштабе его нравственности. Вместо того чтобы протестовать против неэтичных действий прибывшего ксендза и стремиться к его смещению, Рейтер попросил Новицкого «в интересах здешних прихожан» передать власть над приходом польскому священнику, а самого его понизить до ранга помощника. Чтобы развеять возможные сомнения в искренности своих намерений, он добавлял: «Заверяю Ваше Преосвященство, что вновь назначенному администратору прихода я не доставлю никаких хлопот». Новицкий встал на сторону Рейтера, но это уже не помогло, потому что тем временем польские власти отказали немецкому священнику в польском гражданстве и вынудили его покинуть Польшу.

■ Покаяние и воздаяние

Вот так священник, который много лет помогал полякам и попал за это в гитлеровскую тюрьму, был воспринят как враг польским ксендзом, отвергнут польскими верующими и изгнан властями. Он имел право почувствовать себя разочарованным и не выказывать желания дальнейших контактов. Откуда же чувство вины, стремление к покаянию и воздаянию? Это тем более принципиальный вопрос, что большинство немцев стремилось в те времена указать на обиды, понесенные от поляков, а не признать громадность немецких преступлений в Польше. И среди немецких католиков повсеместной была скорбь о судьбе немцев, изгнанных с территорий к востоку от Одера и Нейсе, и весьма редкими — размышления о страданиях поляков в годы Второй Мировой войны. Повсеместным было желание пересмотра польско-немецкой границы, и явно не доставало готовности к воздаянию польским жертвам. Должно было пройти 15 лет с окончания войны, чтобы берлинский епископ Юлиус Дупфнер первым из немецких иерархов публично признал, что немцы виновны в страшных преступлениях против поляков и должны быть готовы к большим жертвам, чтобы после всего этого достичь мира и единства. Отклик большинства немецких католиков на такое заявление был далеко не восторженным...

Почему же Курт Рейтер не пошел за непримирённым большинством соотечественников, а стал пионером единения? Трудно однозначно ответить на этот вопрос, но можно допустить, что причин было две. Во-первых, он очень серьезно относился к христианству, что неустанно доказывал своим повседневным напряженным пастырским трудом и деятельностью в пользу единения с Польшей. В письмах вновь назначенным польским епископам и пресвитерам Рейтер часто цитировал слова Ежи Аблевича: «Согласно прекрасному замыслу Божию, священник — это второй Христос, но при условии, что по примеру Христа он станет слугой людям». Неустанным вниманием к потребностям других Рейтер подтверждал веру в эти слова. Во-вторых, в отличие от большинства своих соотечественников, среди которых были живы глубокие антипольские предубеждения и стереотипы, Рейтер «с детства уже любил польский народ», о чем писал во многих письмах. «Я всегда нежно вспоминаю Польшу», «постоянно думаю о Польше, с самого утра до позднего вечера», «хотел бы заверить Ваше Преосвященство, что и немец умеет любить поляка и Польшу» — вот только некоторые из его признаний. К сожалению, так и останется загадкой, как зародилась эта любовь и чем она была вызвана.

Деятельность Рейтера вызвала с польской стороны огромную признательность. Письма с благодарностью священнику из Эберсвальде можно считать сотнями. Благодарность была тем больше, что немецкий священник угадал действительную, настоятельную, большую потребность польской Церкви. Один из получателей книг написал: «У нас такие вещи нельзя нигде раздобыть». Другой же утверждал: «У нас почти недоступна богословская литература, а тем более новейшие издания». Благодаря Рейтеру сотни приходов были снабжены недоступными в Польше литургическими изданиями, а десятки молодых богословов, многие из которых позже выросли в ведущие фигуры польской Церкви, получили необходимую им научную литературу. Это были издания не только из ГДР, но и из ФРГ, которые Рейтер получал благодаря помощи западных друзей.

Вместе со словами признательности поступали вопросы о том, как можно его отблагодарить. «Я в самом деле очень озабочен тем, как отблагодарить Вас, дорогой святой отец, тем более что с Вашей стороны не получаю в этом отношении ни пожеланий, ни советов», — писал один из облагодетельствованных. В самом деле, Рейтер объяснял, что благодарности не ждет, а дальнейшие замечания по этому вопросу последовательно обходил молчанием. Только в исключительных ситуациях он просил об оказании какой-либо услуги, но чаще не для себя, а для других. Так, лодзинского викарного епископа он попросил оказать финансовую помощь одной бедной женщине из Нижней Силезии, а ченстоховского викарного епископа — о переводе на польский одного текста, нужного членам «Движения за мир и примирение». Деятельность Рейтера не только реально помогала польской Церкви, но и служила изменению отношения к немцам со стороны польских католиков. Конечно, жесты священника из Эберсвальде были для польских ксендзов очень важны. Ведь почти все они на собственном опыте знали преступления немецких оккупантов, и дары Рейтера были для них первым после

войны знаком скорби и солидарности из-за Одера и Нейсе. Примас Стефан Вышинский, отношение которого к западным соседям было довольно прохладным, после первой посылки передал Рейтеру вежливую «сердечную благодарность» и «отцовское благословение», но после следующих писал уже о «братской благодарности», «преданности» и даже «особой чести».

Дух единения и общности священник из Эберсвальде смог особо почувствовать в 1963 г., когда впервые, через 17 лет после отъезда, посетил Польшу, причем пятикратно. Он побывал в Варшаве, Познани, Ченстохове, Вроцлаве, Катовице, Люблине, Легнице, «и каждый раз только как поездка на уик-энд, очень изматывающая и дорогая». Одновременно, однако, Рейтер заявлял, что тяготы были оправданными, ибо «все встречи несли на себе знак самого сердечного служения любви».

Деятельность Рейтера была связана с огромными издержками. Хотя книги были в ГДР товаром относительно дешевым, но даритель снабжал ими целую армию польских получателей. Кроме того особым спросом в Польше пользовались римские требники, которые стоили в десять раз больше, чем обычная книга. Откуда же пастырь маленького прихода в провинциальном городе черпал средства на столь широко проводимую акцию? Известно, что Рейтера поддерживал круг друзей и берлинский епископ, однако львиную долю расходов он покрывал из собственного кармана. «Я живу экономно и могу себе это позволить, я чувствую себя даже обязанным к этому», — объяснял он лодзинскому епископу. Никакой подробной информации о масштабе своих расходов и связанных с ними ограничений он не давал. «Остается тайной каждого любящего, сколь велика его жертва возлюбленной», — написал он другу.

Но дары священника Рейтера не ограничивались закупкой и высылкой книг, связанными с этим временем, усилиями и расходами. Другие его начинания — это, например, посредничество в контактах священников из Польши и ГДР, анонимный духовный семинар в Эрфурте для привлечения внимания к развитию польского богословия, пастырское окормление польских рабочих в ГДР. Не случайно Рейтер находился в тесном контакте со всеми католическими группами ГДР, которые действовали в пользу единения с Польшей: с семинарией в Эрфурте, с ораторием в Лейпциге и прежде всего с работавшим в Магдебурге католическим лидером экуменической организации «Движение за мир и примирение» Гюнтером Зархеном. Одновременно Рейтер пробовал привлечь к делу примирения новых людей и общины, особенно епископов. С этой целью он регулярно информировал иерархов ГДР о католической жизни в Польше, в особенности о тех событиях, которые могли быть импульсом к сближению обеих Церквей. Стоит также указать, что священник Рейтер поминал Польшу в молитвах. Архиепископу Коминеку он писал, что часто служит молебен «за благо Святой Церкви в Польше», а кардинала Вышинского заверял: «Я молюсь в Tertia за отца-настоятеля, в Sexta — за нашего ординария, а в Nona — за примаса Польши»*.

■ Знак человеческого понимания

Когда деятельность Рейтера достигла своего апогея, она была прервана коммунистическим властями. 21 апреля 1964 г. таможенная служба ГДР информировала священника, что граждане страны имеют право высылать только 12 посылок в год, а поскольку Рейтер исчерпал уже этот лимит, очередная его посылка реквизируется. В последующие дни такая же судьба постигла следующие 66 отправлений. Священник письменно опротестовал решение таможни и вновь начал высылать книги. Однако после того, как его протест был отклонен и очередные посылки подверглись реквизиции, Рейтер вынужден был отказаться от дальнейших попыток. В последующие месяцы он высылал книги через посредство дружественных священников и прихожан, но уже не смог этого делать в таком масштабе, как ранее.

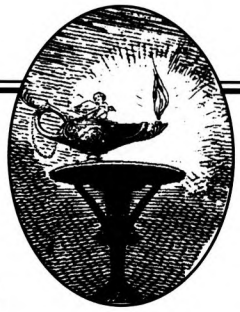
Одновременно, после поездок 1963 года, ему запретили очередные выезды в Польшу. В одном из писем Рейтер жаловался, что ему не дали разрешения на поездку во Вроцлав, так как «нет уверенности, что я достойно представляю ГДР в Польше». Он был чрезвычайно огорчен этим фактом, потому что очень хотел встретиться с архиепископом Коминеком. «Многое у меня на сердце, что надо обсу-

* Tertia, Sexta, Nona — утренняя, полуденная и дневная молитвы в католической литургии часов. — *Ред.*

дить», — писал он будущему кардиналу, с которым, вероятно, хотел проконсультироваться о своих очередных намерениях. Только осенью 1965 г. власти смягчились. В декабре Рейтер информировал друзей, что неожиданно для себя на месяц едет в Люблин, где хотел бы усовершенствовать свои знания польского языка. Вскоре после возвращения Рейтер попал в не очень, казалось бы, опасную автомобильную аварию. Неожиданно перед Новым годом священник умер в результате осложнений от полученных травм. Ему было 57 лет.

Незадолго до его смерти польские епископы направили своим немецким братьям во епископском служении послание с историческими словами: «Прощаем и просим о прощении». Многие из польских иерархов подписали этот документ со смешанными чувствами. Некоторые считали, что инициатива в диалоге единения должна исходить от немецкой стороны, другие опасались репрессий коммунистических властей и негативной реакции польских католиков. Однако же в результате все решили поставить подписи под этим письмом, которое должно было стать путевым столбом на дороге польско-немецкого единения. Возможно, чашу опасений и сомнений перевесили книги некоего скромного священника из Эберсвальде и слова, которые он повторял в очень многих письмах: «Каждый знак людского понимания, дружбы и любви безмерно ценен и радость и доверие пробуждает, особенно среди нас, капелланов Иисуса Христа».

Роберт Журек, историк, богослов, замдиректора Берлинского центра исторических исследований Польской Академии наук.



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Лауреатом литературной премии «Нике» нынешнего года стал Мариан Пилот за роман «Плюмаж» («Выдавництво литерацке»). Автор (р. 1939), отмеченный за творческое объединение деревенской прозы с традициями Гомбровича, получил премию (100 тыс. злотых и статуэтка Нике работы Густава Землы) 2 октября на торжественной церемонии в библиотеке Варшавского университета. Председатель жюри, профессор Гражина Борковская, оглашая вердикт, привела слова Яна Гондовича: «Это не уютная, соблазнительная, шикарная, гламурная книжечка; это книга жесткая, дерзкая, ошеломляющая, широкая и искусная». В основе книги — история послевоенного детства: великопольская деревня, задиристый мальчик из семьи деревенских «бедняков», его столкновение с негодяями. Неграмотный отец попадает в сталинскую тюрьму как «враг народа», а сын пишет и пишет прошения об освобождении арестованного родителя — так он вступает на писательскую стезю. Язык романа Пилота столь колоритен, что переводчикам придется нелегко...

Во время церемонии объявлен также лауреат премии читателей «Газеты выборчей». Им стал Славомир Мрожек за первый том своих записок 1962-1969 гг. («Выдавництво литерацке»).

» Мрожек не появился в университетской библиотеке, хотя и прибыл в Варшаву из Ниццы, где живет с 2008 года. Но двумя днями позже, 4 октября, он лично принял премию имени Яна Парандовского. Премия присуждена ему «в знак почтения к величию писательского труда, который в традициях черного юмора сражается с драмой зла и абсурдом вечной трагедии, который силой жизни и слова свергает племенных идолов, преодолевает пропасти торжища и театра, который серьезной шуткой участвовал в формировании современной эпохи польской культуры».

— Это главная награда польского ПЕН-клуба за совокупность творчества, — сказал председатель Клуба Адам Поморский. — Оценивалась вся деятельность Славомира Мрожека в сфере литературы: проза, драматургия, все остальные формы и жанры, которыми он занимался. Не подлежит сомнению, что мы чествуем и награждаем одного из крупнейших современных польских писателей; ценность сделанного им не подлежит сомнению.

» Еще одной причиной визита писателя в Польшу был выход книги переписки, которую он в течение многих лет вел с автором «Соляриса». «Письма» Станислава Лема и Славомира Мрожека выпущены в свет 5 октября («Выдавництво литерацке»). Лем и Мрожек писали друг другу не только о литературе и большой политике, но и о повседневной жизни, особенно же — об автомобилях, которыми оба увлекались. Переписка писателей — это настоящий кладезь анекдотов, здесь много злословия о коллегах по перу. Особым недружелюбием оба автора дарили Иренеуша Иредынского.

» Но настоящая сенсация содержалась в интервью, которое Славомир Мрожек дал журналу «Плейбой»: нас ждет новая пьеса. Ее название «Карнавал и первая жена Адама».

— Над этой темой я начал задумываться еще в Мексике, — признался писатель журналистам «Плейбоя». — Как-то мы поехали со знакомыми в ночной ресторан на Юкатане. Среди прекрасных песен, которые я тогда услышал, одна произвела на меня огромное впечатление. Это была песня Лилит — первой жены Адама. Есть такой миф, который вы, конечно, знаете, что Ева не была его первой женщиной.

— И вы двадцать лет готовились к написанию пьесы о сексе? — заинтересовались журналисты.

— В Мексике, безусловно, я был еще слишком молод. Теперь мне 81 год, и вопросы секса

наконец начали меня интересовать. В первом акте вы увидите обнаженную женщину, которая ничего не говорит. Согласитесь, в этом что-то есть.

Пьесу можно будет прочесть или даже увидеть весной будущего года.

» Присуждены литературные премии города Варшавы за 2011 год. В прозе — «На дамбе» Эустахия Рыльского, в категории «Поэзия» — сборник «Разбитые стаканы» Ярослава Миколаевского, лучшей книгой для детей жюри признало «Асюню» Иоанны Папузинской, а в категории «Варшавское издание» награждены Магдалена Стопа и Ян Брыкчинский, авторы книги «Оставшиеся. Варшавские дома и их жители». Главная награда, титул «Варшавский творец», присуждена Янушу Гловацкому за совокупность творчества. Этот писатель, как отметил председатель жюри Анджей Маковецкий, «делит время между двумя континентами, будучи эталонным экземпляром нью-йоркского варшавянина и варшавского ньюйоркца. Однако улица Беднарского остается самой малой из малых родин Гловацкого». Автор «Антигоны в Нью-Йорке» поблагодарил за награду в своем неповторимом стиле: «Я премии подразделяю на те, которых не получил и которые глубоко презираю, и те, которые получил и высоко ценю».

» Юбилей девяностолетия отмечал 10 октября Тадеуш Ружевич, один из крупнейших здравствующих польских писателей, — поэт, драматург и прозаик. Автор многих сборников стихов и таких замечательных пьес, как «Картотека», «Старая дама высиживает», «На четвереньках» или «Непорочный марьяж». Предшественник авангарда в поэзии и драматургии, новатор. Независимый творец, сторонящийся политики, великий затворник.

» Вроцлавское «Бюро литерацке», с которым поэт связан с 2007 года, издает «Беседы с Тадеушем Ружевичем. Вопреки себе». Подготовка книги не была простой: хорошо известно, как автор «Картотеки» не любит интервью, сторонится контактов с журналистами. Наряду со всеми прежними интервью поэта в томе помещены неопубликованные беседы Тадеуша Ружевича с Чеславом Милошем, записанные на пленку Ренатой Горчинской в июле 1999 г. в Кракове. Публикуются также беседы писателя с его другом — профессором Мечиславом Порембским, а также с создателем Вроцлавского театра пантомимы Генриком Томашевским. В книжных магазинах издание появится в ноябре.

» Юбилей в октябре праздновался также в Радомско — родном городе писателя. Там был организован «Открытый фестиваль Ружевичей» — единственный в Польше фестиваль, связанный с творчеством трех братьев — Тадеуша, Станислава (кинорежиссера, умершего в 2008 г.) и старшего из братьев Ружевичей, Януша, — поэта, бойца Армии Крайовой, расстрелянного немцами в августе 1944 года.

» Стали уже известны семь финалистов Центральноевропейской литературной премии «Ангелус» 2011 года. Четыре женщины, трое мужчин, в том числе один поляк — Войцех Тохман, автор романа «Сегодня мы нарисуем смерть». Остальные финалисты — это Светлана Алексиевич из Белоруссии («У войны не женское лицо»), Наталка Бабина, тоже из Белоруссии («Город рыб»), Исмаил Кадаре из Албании («Слепой фирман»), Мария Матиос с Украины («Сладкая Даруся»), Дженни Эрпенбек из Германии («Ключ от сада»), Драго Янчар из Словении («Катарина, павлин и иезуиты»). Победителя узнаем в начале декабря.

» 3 декабря в музее «Манга» в Кракове состоялось торжественное вручение Анджею Вайде международной премии им. Примо Леви, присуждаемой Культурным центром им. Примо Леви в Генуе тем, кто запечатлевает в искусстве тему Катастрофы. Премия учреждена в честь родившегося в Турине итальянского писателя-еврея, во время войны узника Освенцима, автора потрясающих книг о лагерях уничтожения (например, книги «Разве это человек»).

— Неоднократно я обращался к истории польских евреев и теме Катастрофы, в первый раз за свою долгую жизнь отмечен столь необычной наградой, — сказал взволнованный Вайда.

В прежние годы лауреатами премии были, например, Эли Визель, Вилли Брандт, Стивен Спилберг, Надин Гордимер, Амос Оз, Симона Вейль.

» 21 октября во время торжественной церемонии, посвященной началу нового учебного года, в Люблинском университете им. Марии Кюри-Склодовской главному редактору «Новой Польши» Ежи Помяновскому был вручен диплом доктора honoris causa этого учебного заведения.

Высшего академического отличия Ежи Помяновский удостоен за «выдающиеся научные достижения в области политической публицистики, отстаивание идеи восточноевропейского партнерства, а также за многолетнее, плодотворное сотрудничество с университетом».

В произнесенной по этому поводу речи заведующая кафедрой журналистики факультета политологии профессор Ивона Гофман отметила, что литературные интересы Ежи Помяновского — переводчика Чехова, Ахматовой, Солженицына, Бабеля и других — стали эманацией его отношения к России, «отношения, отличающегося пониманием имперской истории, отразившейся в истории государства и народов России XX века. В этом смысле можно сказать, что Помяновский был одним из создателей восточной программы «Культуры», привнесшим сильные собственные акценты в эту пламенную программу, которая непосредственно связывала польско-российские отношения после Второй Мировой войны с принятием во внимание интересов ближайших к современной Польше и традициям Речи Посполитой соседей — Украины и Литвы». (См. стр. 79-84)

» С 14 по 22 октября в Люблине проходил XVI международный фестиваль «Театральные конфронтации». «Фестиваль уже несколько лет зондирует Восток и не намеревается оттуда в ближайшее время уходить», — заявил директор «Конфронтации» Януш Опрынский. Было показано два спектакля Свободного Белорусского театра: «Eurepica. Challenge» и «Быть как Гарольд Пинтер». Второй спектакль основан на мотивах пьес английского нобелевского лауреата и письмах политзаключенных из белорусских тюрем. Центр современного искусства «Дах» из Киева показал спектакль «Эдип. Собачья будка» — художественный комментарий к современной ситуации на Украине, использующий миф об Эдипе и пьесу русского драматурга Клима. Грузинский Театр драмы и музыки им. Васо Абашидзе представил современную постановку «Макбета» Шекспира, а московский театр «Практика» показал «Бабушек» — композицию живых рассказов жителей сибирских деревень.

Польшу представлял, в частности, Театр Восьмого Дня со спектаклем «Заключенные. Млынская, 1», поставленном в сотрудничестве с заключенными следственного изолятора в Познани. Показаны были также работы люблинских театров, в частности «Камни в карманах» Сцены предпремьер «In Vitro» и «Братья Карамазовы» театра «Provisorium».

Фестиваль завершился в Люблинской филармонии первым концертом «Culture Orchestra», специально созданного в связи с председательством Польши в Евросоюзе. В концерте приняли участие 111 музыкантов из Польши и стран «Восточного партнерства». Ансамбль под руководством Павла Котли с солистом Петером Яблонским исполнил произведения Сергея Прокофьева, Кароля Шимановского и Дмитрия Шостаковича.

» Победителем XXVII Варшавского кинофестиваля стал польский фильм «Роза» режиссера Войцеха Смажовского. Фильм получил Гран-при в международном конкурсе, где за главную премию конкурировало двадцать лент со всего мира. Напомним, что «Роза» оказалась главным разочарованием в решении международного жюри кинофестиваля в Гдыне нынешнего года: зарубежные судьи явно не поняли этого выдающегося фильма.

» Довольно прохладно была встречена первая в истории польского кино полнометражная трехмерная картина «1920. Варшавская битва» Ежи Гофмана (в кинотеатрах с 30 сентября).

«Это все та же самая эпическая байка о Польше — в раздорах, легкомысленной, безрассудной, которая отваживается на порыв, несет жертвы и одолевает врага, — написал в «Газете выборчей» Тадеуш Соболевский. Конармия Буденного скачет во всю ширь экрана, как татары в «Пане Володыевском» или в «Огнем и мечом». Насупротив этой безликой массе встает улан Янек (Борис Шиц), бравый сорвиголова, который с сабелькой управляется столь же ловко, как Володыёвский. За мнимые просоветские симпатии Янека сочтут изменником-большевиком. Попав в плен, он волей-неволей станет приближенным демонического и гнусного чекиста (Адам Ференци)».

От фильма-колосса Гофмана камня на камне не оставил Кшиштоф Варга. «Вообще-то фильм, по привислинским меркам, масштабный: тысячи статистов, табуны лошадей, взрывы и вылезающие из животов внутренности, а прежде всего — первое в польском кино знаменитое 3D. Только всё это ни к чему: получилась какая-то военизированная комедия, на которой зритель смеется, когда видит ампутацию руки, когда гнусность развлекает наравне с героизмом, а чтобы этот фильм с его претенциозностью и неувязками выдержать, надо смеяться, иначе остается зарыдать над польским историческим кинематографом. Поэтому просмотру «Битвы» сопутствовал печальный стон, которым я и защищался от преобладавшего чувства неловкости».

» 1 октября, в Международный День музыки, на торжественной церемонии в варшавской концертной студии Польского радио имени Витольда Лютославского, были названы лауреаты премии «Корифей польской музыки-2011». В категории «Личность года» награжден молодой дирижер Лукаш Борович, художественный руководитель оркестра Польского радио. В категории «Событие года» — XVI Международный конкурс пианистов имени Фредерика Шопена. Почетную премию за совокупность творчества получил Ян Кренц, дирижер и композитор.

» Победителем XIV Международного конкурса скрипачей имени Генрика Венявского стала Сойонг Йон из Южной Кореи. В качестве награды она получила 30 тыс. евро и золотую медаль Общества имени Генрика Венявского. Вторую премию завоевала японка Мики Кобаяси (20 тыс. евро и серебряная медаль), а третью — Штефан Тарара из Германии (12 тыс. евро и бронзовая медаль). Дипломы (и награды в 5 тыс. евро) получили Айлен Притчин (Россия), Ержан Кулибаев (Казахстан) и Арата Юми (Япония).

В течение двух недель октября в зале Познанского университета им. Адама Мицкевича жюри под председательством Максима Венгерова прослушало 46 скрипачей из 17 стран мира.

В первый раз в истории конкурса в группе финалистов не было ни одного поляка! В таких обстоятельствах Максим Венгеров великодушно учредил утешительный приз — личные уроки для польской скрипачки Марии Влощовской.

» Шеф польского Национального балета Кшиштоф Пастор принял обязанности художественного руководителя балета Вильнюсского национального театра оперы и балета.

» В сентябре-октябре мы стали свидетелями обострения конфликта польского меньшинства в Литве с литовскими властями. Камнем преткновения стал новый закон об образовании, согласно которому с этого учебного года увеличивается количество уроков на литовском языке в школах национальных меньшинств, а в будущем предусматривается единообразные экзамены на аттестат зрелости. Поляки в Литве протестуют, — по их мнению, реформа приведет к литуанизации польской общины. Со своей стороны, литовские власти подчеркивают, что полагают ненормальным, чтобы в польских школах литовский язык сдавался как иностранный. Несколько ранее эмоции накалил вопрос написания польских фамилий в литовской версии.

В связи с нарастающим конфликтом 21 октября ПЕН-клубы Польши и Литвы выступили с совместным заявлением. В нем, в частности, отмечается: «Проблемы польской общины в Литве и литовской в Польше требуют чуткости и терпимости, нельзя позволить, чтобы во взаимоотношениях царили риторика дурных воспоминаний, предубеждения и фобии. Во времена кризиса очень часто вопросы экономического положения и цивилизационной ситуации придают общественной фрустрации формы национальной обиды. Особого внимания требуют тогда символические акты, но и любое высказывание, правительственное действие или хулиганская выходка может приобрести символическое значение.

Польше и Литве сегодня необходима не только современная железная дорога Вильнюс—Варшава, но согласие и понимание. Инструментом этого служит культурный обмен — здесь нам предстоит многое сделать. Нам нужны совместные художественные мероприятия, сотрудничество учреждений культуры, науки и просвещения, нужны переводы литературы, обогащение знаний, нужны образовательные и стипендиальные программы. Необходим молодежный обмен, развитие туризма, расширение сотрудничества литовских и польских неправительственных организаций. Литовско-польские отношения должны наполниться общественным содержанием. Наше

общее будущее — это гражданское общество, а не национальные распри».

Прощания

» 20 сентября на перевале Заврат в Татрах трагически погиб Ян Дзячковский, художник, фотограф, автор коллажей, иллюстраций для музыкальных, общественных и художественных журналов, дизайнер обложек книг и пластинок. Ему было 28 лет.

» 27 сентября в возрасте 90 лет в Тель-Авиве умерла Ида Финк, польская писательница-еврейка. Она родилась в 1921 г. в Збараже (нынешняя Украина), училась во Львовской консерватории. В 1941-1942 гг. была в гетто, откуда ей удалось спастись, выбравшись на «арийскую сторону». С 1957 г. она жила в Израиле, в 1985-м была отмечена голландской литературной премией им. Анны Франк и итальянской — им. Альберто Моравиа. Писала она исключительно об опыте Катастрофы (сборники рассказов «Ломтик времени», «Путешествия», «Следы»). Вспоминает Ханна Краль: «Ида Финк, помимо того, что была прекрасной писательницей, была настоящей дамой. Она происходила из давнего милого довоенного мира, из очень культурного, зажиточного дома. Прекрасно играла на фортепьяно, знала несколько иностранных языков, — положено было знать языки и играть на фортепьяно. Мы бывали вместе на нескольких авторских встречах в разных местах Европы. Меня удивляло, что Ида каждую из таких встреч вела на языке этой страны. Я не знала никого, кто бы, в такой мере пострадав от войны, сохранил в себе прежний, довоенный мир».

» 3 октября в Варшаве в возрасте 73 лет умерла Зофья Насеровская, художница-фотограф. Она была женой кинорежиссера Януша Маевского. Насеровскую называли королевой портрета польских звезд («на ее снимках все получаются красивыми»). Фотографии, выполненные Зофьей Насеровской, украшали обложки самых популярных еженедельников в сермяжной ПНР.

» 19 декабря в возрасте 91 года в Мысленице умер Богдан Осадчук, украинский историк и политолог, друг Польши, сотрудник парижской «Культуры».

Он родился в 1920 г. в Коломые, в прежней Речи Посполитой (сегодня Украина). После войны жил в Берлине, был одним из наиболее известных в Германии обозревателей событий в странах советского блока. Преподавал новейшую историю Восточной Европы в берлинском Свободном университете. За заслуги в деле польско-украинского единения в 2001 г. был отмечен польским орденом Белого Орла, а в 2007 г. — премией имени Ежи Гедройца. Вспоминает Марек Кравчек из Общества попечительства над архивом «Института литерацкого» в Париже: «Крупная фигура, жаль, что он ушел. Это был один из последних великих сотрудников Ежи Гедройца, с которым тот работал с 1950 г., когда они познакомились в Берлине на Конгрессе за свободу культуры. Это был человек, исполненный чувства юмора, самокритичный, всегда щедрый на анекдоты из своей богатой событиями жизни, полный нерастраченной энергии. Невероятно яркая фигура и авторитет в польско-украинских делах».

Эугениуш Соболь

ОЧЕРКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Умом Россию не понять...» — под таким названием вышел сборник рецензий Петра Фаста, известного в Польше историка русской литературы и переводчика, ранее печатавшихся в журналах, главным образом в «Опцъях», а также в «Твурчости», «Одре», «Пшеглёнде русицистычном». Автор разбирает в них новые книги русских писателей, переведенные на польский язык, а также литературно-критические работы. Важнейшая черта творчества Фаста как рецензента — добросовестность. Готовя свой текст, он старается собрать, используя ресурсы интернета, как можно больше мнений других, главным образом русских критиков. Он хорошо понимает, что сейчас, когда русская литература в Польше не пользуется особой популярностью, его рецензия может оказаться единственным критическим откликом, который предопределит судьбу книги, поэтому тщательно выверяет каждое слово. Имея дело с противоположными мнениями, он скрупулезно анализирует их в своей рецензии и только потом представляет читателю свои выводы. Так, прочитав очерк «Постмодернизм ретро», в котором Фаст разбирает книги Бориса Акунина («Азазель», «Турецкий гамбит», «Левиафан», «Смерть Ахиллеса»), читатель может узнать, что одни критики считают этого писателя великодержавным шовинистом, а другие — либеральным западником. Автор полемизирует с упрощениями, носящими политический оттенок. По мнению рецензента, главная черта творчества Акунина — постмодернистская игра с условностями, которую он использует на разных уровнях, благодаря чему его книги отвечают вкусам как массового, так и более утонченного читателя. Такую стратегию, в основе которой лежит формирование обобщения на базе антиномии, мы можем обнаружить в рецензии «Владимир Сорокин — разрушитель мифов или наивный моралист», а также в рецензии на книгу Светланы Василенко «Дурочка». Выделяя две противоположные позиции, в которых роман этой писательницы трактуется либо как пример феминистской прозы, либо как апология христианства, Фаст, вступив в резкую полемику с русскими критиками, приходит в результате к выводу, что в романе скрыт целый мир универсальных ценностей. Анализируя мнения о новых книгах, рецензент очень часто сталкивается с беспардонной рекламой издательств, которые с помощью шумихи, организованной в СМИ, стремятся убедить читателя в выборе той или иной книги. Он отмечает, что так происходило с получившим шумную известность романом Ирины Денежкиной «Дай мне!», а также с романом Виктора Пелевина «Шлем ужаса». Если в первом случае Фаст признаёт прозу российского автора действительно хорошей и качественной, то проза Пелевина, по его мнению, ближе к банальности и кичу. Иногда автор очерков, предлагая читателю интересное теоретическое обобщение, не замечает очевидных фактов. Именно об этом свидетельствует рецензия «Человек на войне», посвященная книге «Патологии» Захара Прилепина. Фаст воспринимает этот роман в категориях экзистенциализма и утверждает, что именно на войне, в пограничных ситуациях, происходит процесс формирования личности. Фаст совершенно не замечает нравственного аспекта российско-чеченской войны. А картина этой войны в книге Прилепина дана, по моему мнению, весьма искаженно.

Петр Фаст — прекрасный переводчик и знаток вопросов, связанных с переводом. Он с сожалением отмечает, что на протяжении последних десятилетий катастрофически снизилось качество переводов

произведений русской литературы. В своих бескомпромиссных рецензиях он без всяких колебаний, невзирая на авторитеты, отмечает ошибки переводчиков и редакторов. Очень часто, рассматривая в своих очерках ту или иную проблему, он наглядно демонстрирует свою эрудированность. Но академизму Фаста не свойственна искусственность и претенциозность. В рецензии на сборник поэзии Анны Ахматовой в переводе Збигнева Дмитроцы Фаст занялся, в частности, сравнительным анализом метрических различий между русской и польской поэзией. Он уловил тонкие нюансы, существующие между оригиналом и переводом. Фаст отметил, что переводчику удалось придать статичной поэзии Ахматовой в определенном смысле больший динамизм. Также очень интересна рецензия, касающаяся тома переводов Виктора Ворошильского «Мои русские. Избранные переводы русской поэзии от Пушкина до Ратушинской». Здесь рецензент сосредоточил свое внимание на вопросе выбора переводчиком стихотворений, отмечая субъективность его решений. Он подчеркнул, что Ворошильский был прекрасным переводчиком, обладавшим тонким стилистическим и просодическим слухом. У меня сложилось впечатление, что вообще поэзия в большей степени, чем проза, дает Фасту возможность проявить себя и применить свои переводческие знания. К сожалению, присутствие русской поэзии на польском рынке просто ничтожно. Что же касается литературной критики, то автор написал интересные рецензии на книги Томаса Венцловы «Несокрушимый ритм. Эссе о литературе», Эвы Зажицкой-Берар «Бурная жизнь Ильи Эренбурга», Ирены Грудзинской-Гросс «Милош и Бродский — магнитное поле», Алиции Володзько-Буткевич «От перестройки до лаборатории net-литературы: перемены в современной российской прозе», Анджея Турчинского «Этот безумец Пушкин. Слово о страдании».

«Русская литература представляется полякам такой, каков рынок ее польских переводов», — написал Фаст в предисловии. Сравнивая современную русскую литературу и ее польские переводы, он с грустью отмечает, что сотни достойных внимания произведений остаются недоступными для польского читателя. При чтении его рецензий у меня возникло ощущение, что литература в России динамично развивается и находится в активном поиске соответствующих форм для описания той новой реальности, которая наступила после падения коммунизма. Литература эта гораздо больше, чем, например, польская, открыта для экспериментов в области прозы, которые вдохновлены постмодернизмом и функционируют в истории мировой литературы. Хотя, признаваясь в том, что его собственный вкус традиционен, Фаст подчеркивает, что целью любых художественных поисков должна быть демонстрация новых способов понимания мира и его универсальных смыслов. Следовательно, функция литературы в эпоху эксперимента остается неизменной.

Петр Фаст — автор книг о творчестве Ильи Эренбурга, Михаила Булгакова, Иосифа Бродского, Анатолия Кима. Он написал несколько монографий о соцреализме в русской литературе. Он один из авторов возобновляемой «Истории русской литературы XX века» под редакцией Анджея Дравича. Переводчик русской поэзии и прозы. Главный редактор «Пшеглёнда русицистичного».

Piotr Fast. «Rozumem Rosji nie ogarniesz...». Szkice o książkach. Mikołów: Inst. Mikołowski, 2010. (Biblioteka Arkadii — Pisma Katastroficznego. T.51).

Эва Зюлковская

КТО ТАКОЙ ЧЕБУРАШКА...

Кто такой Чебурашка, что рассказывают о современной России фильмы Андрея Звягинцева, каковы краеведческие примечательности Сахалина и Камчатки — обо всём этом, а также о многих других, столь же интересных вещах можно узнать на занятиях Открытого университета, действующего в рамках Варшавского университета. Программа курсов, предлагаемых кафедрой русского языка Школы иностранных языков, весьма обширна и становится всё богаче от триместра к триместру. Да и число слушателей растет.

Занятия проводятся в рамках действующего с осени 2008 г. при Варшавском университете Открытого университета, который реализует идею непрерывного образования, то есть учебы на протяжении всей жизни. Слушателями могут стать взрослые люди в любом возрасте. Образование, социальный статус или политические взгляды не имеют значения. Это прекрасный способ пополнить свои знания за небольшие деньги (один час занятий стоит всего лишь 7,67 злотых), развить желаемые направления интересов, найти ответ на свои запросы и, что не менее важно, установить новые дружеские контакты.

Курсы русского языка значились в программе Открытого университета с самого начала. Начиналось всё скромно, с двух курсов: «Россия и русский язык для путешественников» и цикла лекций на польском языке «Разные облики России». Теперь, в первом триместре 2011/2012 учебного года, предлагается на выбор 21 курс русского языка на всех уровнях обучения иностранному языку — от

А1 до С2. Вот названия некоторых курсов: «Русский язык от «а» до «я». Курс практического изучения русского языка и русской культуры для начинающих», «Грамматика русского языка на кухне», «Русский язык для бизнес-контактов» на двух уровнях, «Россия и русский язык для путешественников» на трех уровнях, «У самовара и в русской бане, или Быть с русской культурой на «ты»».

Основная цель курсов, как определяют преподаватели, — «повысить уровень языковой компетентности слушателей». Начинающим предстоит овладеть основами русского языка и знаниями о России, что позволит общаться в обстоятельствах повседневной жизни. Более продвинутым — приобрести умение пользоваться русским языком письменно и устно при личных контактах, а также в контактах профессиональных, в сфере бизнеса и права.

Что отличает эти курсы от большинства занятий иностранным языком? Прежде всего то, что постигающим тайны лексики и грамматики русского языка одновременно дается значительная порция сведений о России. Причем речь тут идет вовсе не о тех сведениях, которые могут пригодиться во время путешествий по странам, где просто говорят по-русски. Слушатели знакомятся с русской культурой в самых различных ее проявлениях — и с традиционной, и с современной. Они изучают те ее элементы, которые позволяют лучше понять Россию и русских. Узнают, например, что такое русская *баня,* что такое *чаепитие* и как жестикулировать «по-русски». Речь идет о том, чтобы «сформировалось ощущение погруженности в культуру», разумеется, насколько это возможно.

Программы курсов весьма разнообразны. Участники знакомятся с реалиями жизни, с важнейшими историческими фактами, с хитросплетениями советской и российской политики, с географией и природным своеобразием России. Знакомятся с произведениями русского искусства: кинофильмами, живописью, музыкой. Читают литературные тексты, прессу, смотрят документальные фильмы и видеоклипы. Приобщаются к увлекательной сфере обычаев и нравов, учатся выражать эмоции. Настоящим хитом оказался курс «Любовь по-русски — интерактивный курс русского языка для потенциально и реально влюбленных. Занятия в четыре руки и два сердца». Для любителей балета тоже есть нечто особое: курс «Вечера в Большом театре — русский язык через либретто». А в репертуаре — классика с самой высокой полки: «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Бахчисарайский фонтан». Что касается русской кухни, то в этом курсе действует как бы двойное соглашение. Хочешь знать рецепт приготовления ухи или солянки — пожалуйста, но при этом выучи глаголы второго спряжения и правила повелительного наклонения. Бóльшую часть курсов ведут два академических преподавателя — Магда Тульская-Будзяк и Войцех Сосновский, предлагающие свою авторскую методическую концепцию.

Для преподавателей это тоже новый, интересный опыт. Занятия показывают, что можно учить иностранный язык не только так, как принято считать сегодня, в группах по несколько человек, но и так, как это было прежде, в полных классах. Необходим лишь иной подход. О разработанном в реалиях Открытого университета так называемом эклектическом методе написано уже и опубликовано немало научных работ. Слушатели, часто занимаясь в группах, склоняют, спрягают, смотрят шедевры советского и российского кинематографа, дискутируют, даже поют, а также делятся своим опытом знакомства с Россией. И всё это в свободной, раскованной форме, хотя учеба идет самым серьезным образом, проводятся контрольные работы, задаются домашние задания (с их выполнением дело, конечно же, обстоит по-разному, как в любой другой школе).

Кто же слушатели этих курсов? Это студенты, матери, учительницы, работники центральных учреждений. В университетских классах собираются и двадцатилетние, и пенсионеры. Хотя следует признать, что преобладают всё-таки женщины, и это особенность Открытого университета (но это уже вопрос для специалистов по гендерным исследованиям). Одни намерены выучить русский язык начиная с азов, другие не хотят утратить контакт с языком, который учили когда-то в школе, причем в отличие от западных языков занятия русским продиктованы скорее увлечением, чем практическими соображениями.

На сегодняшний день среди посещающих курсы русского языка — и это настоящий феномен — немало горячих его поклонников. Есть энтузиасты, которым удается в течение одного триместра прослушать три, а то и четыре курса. Можно даже говорить о возникновении своего рода фан-клуба любителей русского языка и русской культуры. Курсы подготовили группу постоянных «клиентов», которые от курса к курсу повышают уровень своей языковой подготовки. Группа энтузиастов растет, ибо одни рекомендуют занятия другим, приводят родственников и знакомых. Возникают и дружеские связи. В интернете идет обмен информацией, распространяются песни и клипы. Вот уже в течение двух лет проводятся также совместные поездки на время каникул, организованные при участии Российского центра науки и культуры в Варшаве и Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина в Москве.

Успех этим курсам обеспечен не только привлекательностью программ, но и личными качествами преподавателей: все они необыкновенно открытые люди, умеющие создать атмосферу интерактивности и импровизации. Слушатель при этом становится не учеником, а партнером. И вообще на занятиях всегда царит очень приятная атмосфера.

Не будет преувеличением сказать, что курсы выполняют также терапевтическую роль.

Агнешка: «Отработав восемь часов в офисе, я на этих занятиях просто отдыхаю, расслабляюсь после повседневной беготни, и при этом меня не покидает ощущение, что я делаю что-то полезное для себя, для собственного развития».

Бася, учительница польского языка в одном из известных варшавских лицеев, добавляет: «Для меня это тоже нечто выходящее за рамки повседневной рутины. А кроме того, о чем-то подобном этим курсам я мечтала всю жизнь. Честное слово. Я принадлежу к тому поколению, у которого изучение русского языка в школе было обязательным. К счастью, у меня были хорошие учителя. Спустя годы я наконец открыла для себя такую форму занятий, которая меня устраивает. Каждый очередной курс — это для меня как фрагмент головоломки, из которых складывается языковая картина мира. Это дает мне возможность открывать современную русскую культуру, о которой мы ведь так мало знаем. А еще для меня очень важны дружеские контакты между людьми разных поколений, дружба с теми, кто моложе. Для меня это стало чем-то вроде профессионального опыта. Я наблюдаю, как можно без стресса изучать язык».

«Желающие, заинтересовавшиеся проектом, попав сюда впервые, быстро входят во вкус. Теперь жизнь без Открытого университета некоторым участникам кажется менее интересной. Преподавателям — тоже, ибо это своего рода вызов — представать перед столь требовательной и уважаемой публикой», — подводит итог один из преподавателей.

Януш Джевуцкий

Перевод Игоря Белова

СТИХИ

Варшава в тумане

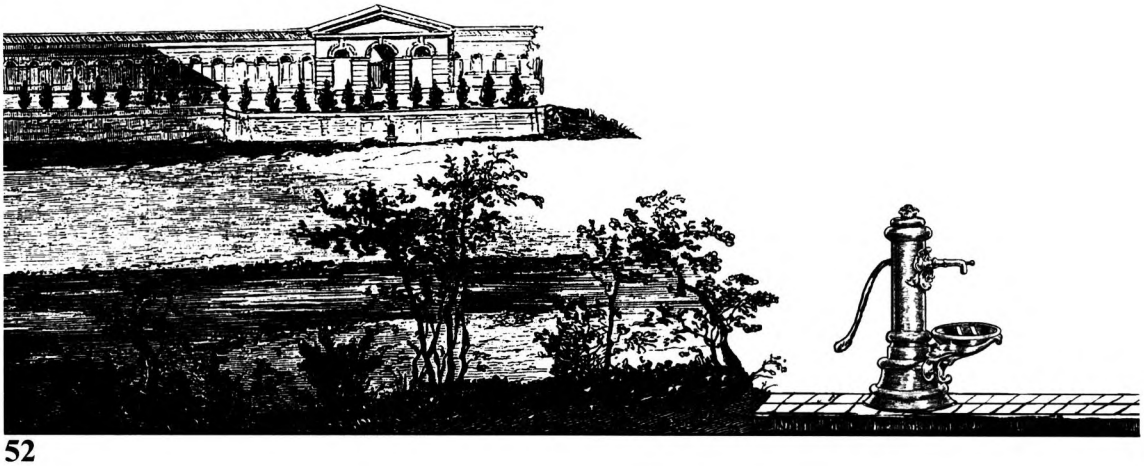
Конец ноября, декабрь налегает на весла,
отступают дожди, морозы уже на подходе,
как в прошлом году, в колодцах вода замерзла,
окно в ледяном белье, по последней моде.

В Лазенках листва попадала замертво,
озябший тополь к ели пушистой льнёт,
на востоке тлеет холодное зарево,
воробьиное сердце рвется в тайный полёт.

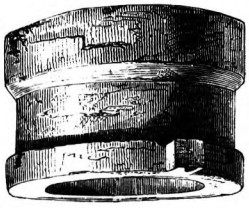
В такие дни денег совсем не жалко
на армейскую куртку и банку с русской икрой,
вчерашние новости ждет городская свалка
и «Легия» не вдохновляет скучной игрой.

По Новому Свету едут верхом чьи-то тени,
Млечный путь стекает на шоколадный торт,
вдоль крепостной стены несется глухое пение,
в очередь в кинокассу пристроился Харрисон Форд.

И я отдаю себя воздушным потокам этим,
ночью бунтует Висла и спать не дает земле,
а я ничего не чувствую, только поёт южный ветер,
и, наклонившись на бок, Варшава тонет во мгле.

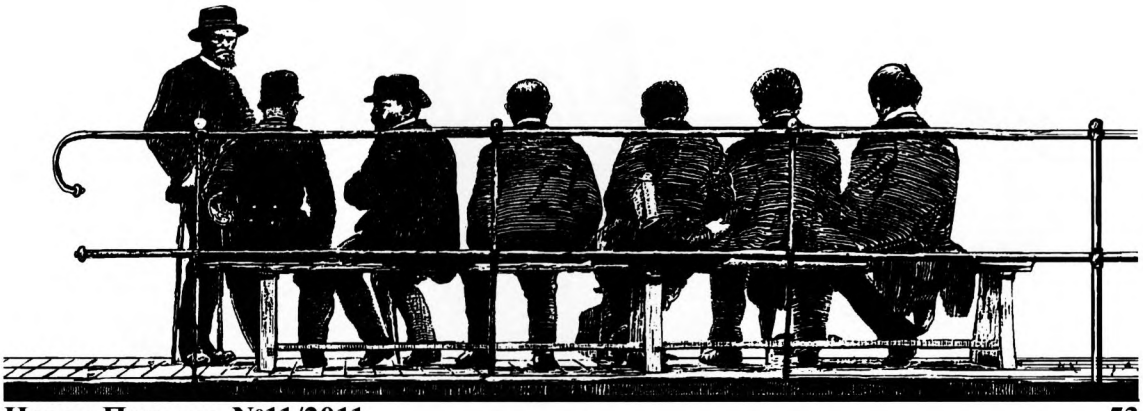


Paulina Zielona



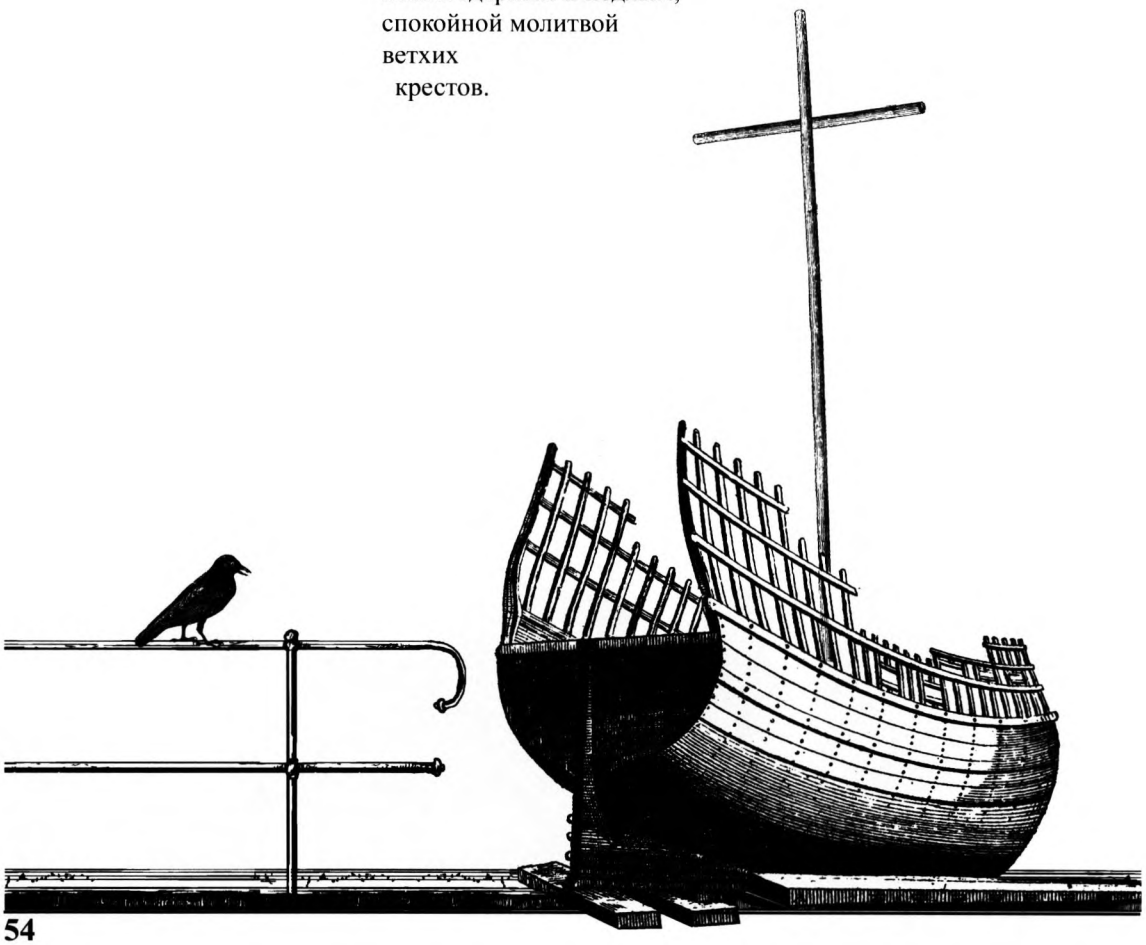
Колодец

Художники
и поэты
встречаются
возле
колодца.
Их лица
всегда
упрямы,
а вода опять
ядовита.
А рядом
летают голуби.
Садятся людям
на плечи.
Художники
и поэты
встречаются
возле
колодца.
И ждут.
Кто-то
из них
еще ждет.



Ты — моя единственная тайна

С книги, лежащей передо мной,
я стряхиваю хлебные крошки. Вот и весна,
хотя деревья еще поводят плечами
в сверкающем инее. Когда я остаюсь один
в темной комнате, видно, как на ладони:
ты — моя единственная тайна, доставшаяся
мне. Нет никого, кроме
тебя. И хотя кажется иногда,
что кроме нас ничего нет, ни лжи,
ни правды, ты явишься нам, слабым,
неблагодарным и подлым,
спокойной молитвой
ветхих
крестов.



Арканджело Корелли. Саксонская каденция

Осень приходит всегда слишком рано,
ржавыми письмами в желтых конвертах,
в окраинном парке голые статуи,
опираясь о ветер, играют на скрипках.

Из бездны молчания льются звуки,
юный бродяга скулит в подворотне,
хриплый щебет схватился за ветку,
горьким плачем пытаясь разжалобить вечер.

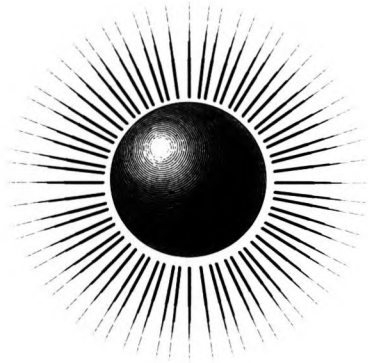
Деревьям под кожу врывается холод,
и белая кровь под корой струится,
мертвые пчелы в мертвых фонтанах
разложили полный загадок пасьянс.

По крыльцу монастырскому бродит инок,
старик без лица в перепачканной рясе,
он грызет свой молитвенник скороговоркой,
и холодное эхо тает в стенах костела.

Нищий замерзший ищет, где спрятаться,
котомка его в ненасытных прорехах,
крысы ныряют в ущелья помоек —
вкушать с господских столов объедки.

В придорожном трактире расселись евреи,
отрешенно глядят на коптящее пламя,
то и дело стих выпадает из книги,
медленно сидр остывает в кувшине.

Осень приходит всегда слишком рано,
ржавыми письмами в желтых конвертах,
в окраинном парке голые статуи,
опираясь о ветер, играют на скрипках.



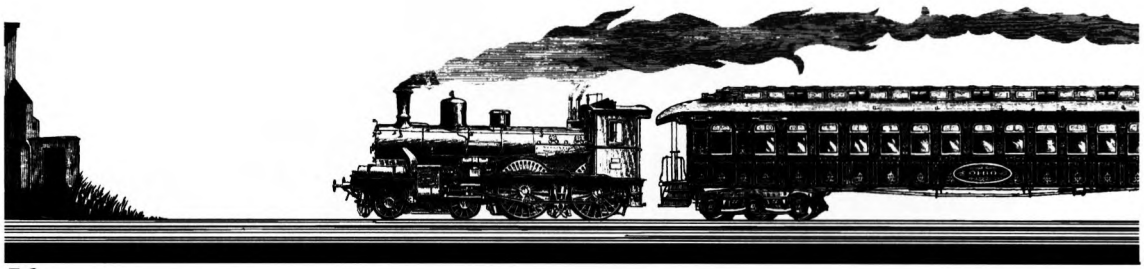
Бруно Ясенский. Заговор равнодушных

Перестань дышать с последним ударом сердца.
Запрети дыханию драться до последней капли крови.

Найди подходящее, безболезненно убивающее
слово, единственное слово, кроме молчания; надежду,

которой не скроешь, даже если ты веруешь в ангела
Сибири, на самом деле знаешь не намного больше;

ничего ты не видел, ничего ты не помнишь.
Идут сердечным приступом стихи твои на рекорд.



Лешек Шаруга

НЕУЛОВИМАЯ КРАСОТА МИРА

Свежеизданная книга «Избранных стихотворений» Януша Джевуцкого с интересным предисловием недавно скончавшегося Мариана Гжещака подводит итоги и одновременно предсказывает дальнейшую эволюцию этой лирики. Автор (г.р. 1958) уже давно прочно воспринимается не только как поэт, но и как критик, чьи эссе, посвященные современной поэзии, позволяют отнести его к приверженцам классической традиции. Что-то подобное происходит и в его оригинальном творчестве, которое охотно демонстрирует свою «литературность», передвигаясь по хорошо знакомым культурным тропинкам, чтобы иногда именно этим — отчужденностью от сиюминутных проблем или даже презрением к ним — провоцировать читающего, как в стихотворении «Мы мечтатели»:

О да, мы мечтатели, мы
ветреники, мы взваливаем на себя невесомые
дилеммы пылающей повседневности.

Сказанное, однако, не означает, что повседневность не имеет к этой лирике никакого отношения, как, к примеру, в стихотворении «Двадцать минут одиннадцатого», которое описывает привычный быт жителей Сандомежа: «один покупает аспирин, другой / газету, кто-то спрашивает, как пройти к кинотеатру. // Мясник клянет похмелье, к портному / придирается аптекарь». Однако эта повседневность сразу оказывается вписанной в своего рода изначальную гармонию: «всё идет так, / как было предсказано. // (...) на часах ратуши двадцать минут / одиннадцатого, глаз черной звезды». Текст написан свободным стихом, но при этом откровенно ритмизованным, не обязательно регулярно, но, как в музыкальной композиции, всегда с выразительной доминантой, отправной точкой которой служит тринадцатисложник — эквивалент этой гармонии (даже в таких произведениях, как, например, «Похвала джазу», где, казалось бы, происходит отказ от короткого графического стиха — тем не менее ритм улавливается в процессе чтения). Нельзя не заметить при этом, что образ «черной звезды» несет апокалиптические отзвуки.

Это поэзия рукотворной дистанции, сосредоточенности и медитации над искусством преходящего, которым и является жизнь. Об этом напрямую говорится в одном из новых стихотворений, озаглавленных «Октябрьская ржавчина»:

В распухшей тишине перекликаются
голоса, это мы, мы ищем себя
и находим себя; ничего при этом
не понимая, я становлюсь тем,
кто я есть, я не буду больше
никем, разве что горстью песка.

Это развитие рефлексии из более раннего текста «Элемент и атом», в котором «боль существования» постигается благодаря соприкосновению с грубой однозначностью: «Нужно отыскать в себе элемент и атом, / часть целого, однозначную, как гекзаметр, / очевидную, как дорическая колонна, беспощадную и непримиримую, как неуверенность или испуг». Существование осложнено ужасом предназначения, от которого невозможно уклониться. Но если дела обстоят таким образом, если это вплетено в исходную и неизменную ткань бытия, можно отыскать надежду в попытке охватить смысл целого, которое есть часть чего-то другого. Только тогда можно понять красоту реальности: «Поражает // красота мира, в самом деле, она оглушает, / когда гул земли, бесконечная битва, // оказываются всего лишь водой и воздухом». Дело в том, что красота мира, которая в этих стихах выражается при помощи множества способов, остается явлением сродни фотовспышке — непродолжительным, неуловимым и хрупким.

Юстина Соболевская

ЧИТАЕМ ПОЛЬСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Какова ситуация нашей литературы за границей? Кого и где издают? О чем зарубежные читатели хотели бы прочесть в книгах наших авторов?

Британский писатель Тим Паркс недавно заявил, что на международной арене шансы на успех имеет лишь литература доступная и оперирующая стереотипами о той стране, откуда родом книга. «Если хочешь продать авторские права на голландский роман за границей, то он должен отвечать тому образу, который сложился в мире о Голландии», — пишет Паркс. По его мнению, писатель должен иметь «интересный, сугубо отечественный продукт для продажи на международном рынке: скандинавскую меланхолию, ирландский гротеск, южноамериканскую народность. Или — что дает вообще-то самые лучшие шансы — показать политическое давление в той или иной форме». Польская литература, пожалуй, не может стартовать в категории мировых бестселлеров, зарубежным издателям она представляется экзотической.

— Во время переговоров с зарубежными издателями у меня часто возникает впечатление, что польскую литературу они в основном воспринимают как литературу из некой ниши, как трудную, даже герметичную, и, как следствие, редко берутся за широкое продвижение польских книг, — говорит Агата Пенёнжек, занимавшаяся в свое время продажей авторских прав в издательстве «W.A.B.», а теперь занимающаяся теми же вопросами, но в фирме «Свят ксёнжки» («Мир книги»).

Бум на польскую литературу давно уже прошел. Наибольшим интересом она пользовалась в 80-е годы минувшего столетия по политическим причинам. Потом всплеск интереса можно было отметить еще в 2000 г., когда Польша была почетным гостем на большой книжной ярмарке во Франкфурте.

— В то время издатели, прежде всего из Западной Европы, закупили права на перевод многих польских книг и издали их, — говорит Агата Пенёнжек. — Теперь этот интерес несколько ослаб, появились новые моды и тренды, например скандинавская литература.

— Искать какую-нибудь польскую книгу в списке бестселлеров во Франции не имеет смысла, — утверждает Зофья Бобович (переводившая, в частности, «Польско-русскую войну» Дороты Масловской), которая наряду со своей переводческой деятельностью вела в парижском издательстве «Бернар Лафон» серию литературы из стран Центральной и Восточной Европы. — Так было всегда и так остается по-прежнему. На протяжении вот уже нескольких лет редко когда можно продать более тысячи экземпляров польской книги. Но это явление носит более общий характер, такова вообще тенденция на французском рынке.

К счастью, это не мешает малым и средним издательствам предпринимать всё новые попытки (только крупные издательские концерны не берут на себя такой риск).

■ Необходима надежда

Немецкий рынок для нас самый важный, так как в других странах переводят книги, уже переведенные на немецкий. Хотя переводов появляется достаточно, польских книг в книжных магазинах вы не обнаружите на видном месте. По мнению публициста Дороты Данелевич-Керской, это отражает состояние польской литературы:

— Польская проза переживает кризис. Новые авторы часто уходят в коммерцию. В 1990-е происходило открытие новых тем: малая родина, расчеты с прошлым и коммунизмом. Сегодня польская проза предлагает те же темы, которыми занимается западная проза, — проблемы, связанные с капитализмом, тут уже отработаны. Отталкивает также «турпизм» новой литературы — мы живем во времена, когда совершенно необходима надежда, а между тем польская литература только и делает, что бередит раны.

Разумеется, есть авторы, которые завоевали популярность в Германии: Ольга Токарчук, Анджей Стасюк, книга которого «Дукла» попала в серию бестселлеров книжного издательства газеты «Зюддойче цайтунг». На авторские встречи собираются толпы читателей. Однако правда заключается в том, что знает авторов лишь узкий круг людей, ориентирующихся в литературных вопросах.

— Моя соседка, немка, которая много читает, никогда этих фамилий не слышала, — добавляет Керская. — Несколько лет тому назад Дорота Масловская действительно имела успех в СМИ, о ней писали рецензии, брали интервью для крупных газет; разумеется, это было элитарное чтение, но я видела иногда молодых людей, читавших в поезде ее «Польско-русскую войну».

При этом во многих странах с Масловской познакомились прежде всего как с драматургом («У нас все хорошо») — хотя бы в Швеции и России.

В Германии сегодня покупают исторические романы, биографии, интерес вызывает литература факта. Однако там нет традиции издавать репортажи в виде книги, как у нас. Зато очень популярен репортаж в прессе. Очень понравился изданный недавно «Готтланд» Мариуша Щигела и книга Влодзимежа Новака «Окружность головы».

Большим успехом пользуется в Германии литература иного жанра — книги фантаста Анджея Сапковского, причем их еще и превосходно издают. Сапковский сегодня, несомненно, один из самых известных польских авторов. В прошлом году на книжной ярмарке в Чехии он был звездой, к которой выстроилась самая длинная очередь читателей.

А в России ярче всего сверкает звезда Януша Леона Вишневского. В списке бестселлеров одного из крупнейших книжных интернет-магазинов «Озон», в разделе «польская литература», значится целых шесть его книг.

— «Постель» Вишневского сначала вышла в переводе на русский и лишь потом — по-польски, — говорит переводчица Полина Юстова из Польского культурного центра в Москве.

■ Их знают, читают, награждают

Чем руководствуются зарубежные издательства, обращающиеся к произведениям польских авторов? Они ищут лауреатов премий (прежде всего «Нике»), но их также интересуют книги, особенно читаемые в Польше.

— Издатели подходят весьма осторожно к новым названиям. Они берут книги либо очень популярных в Польше авторов (например, прекрасно продающееся в Польше «Бикини» Януша Л. Вишневского было продано в полтора десятка стран), очень известных и премируемых (Ежи Пильх, Ханна Краль, Михал Витковский, Януш Гловацкий, Войцех Кучок), либо связанные с именами людей, хорошо известных в мире. Книга Марека Эдельмана «И была любовь в гетто» продана в восемь стран, его биография — в три. «Капустинский non-fiction» — в шесть стран. Эта работа Артура Домославского вышла в Испании, вот-вот выйдет во Франции, — подводит итог Агата Пенёнжек.

А вот в Венгрии издают не только известных авторов.

— Быть изданными в Польше имеют шансы лишь те венгерские авторы, которые сделали очень заметную международную карьеру, для венгерского писателя перевод на польский остается десятым по счету, зато венгры иногда печатают и дебютантов (Миколай Лозинский или Дорота Масловская — ее международная карьера началась в Будапеште), — рассказывает переводчик Лайош Палфалви, знаток польской литературы.

На сайте польского Института книги можно найти множество названий польских книг, изданных в Венгрии. Вот несколько примеров этого года: «Ведьмак» Сапковского, «Правек и другие времена» Токарчук, «Таксим» Стасюка и «Песчаный холм» Иоанны Батор. «Гуляш из туруля» Кшиштофа Варги вызвал интерес венгерских СМИ. Венгры уже открыли для себя польский репортаж — переводится новая книга Мариуша Щигела. Его «Готтланд» покорил читателей, он стал открытием также в Италии и во Франции.

Есть темы, вызывающие интерес в отдельных странах.

— Во Франции много говорится о еврейской тематике, — говорит Майя Шимановская из действующего там Польского культурного центра. — Поэтому можно было предполагать, что в этом году книга Агаты Тушинской о Вере Гран вызовет читательский интерес.

Действительно, залы на встречах, посвященных этой книге, были полны. Итак, что представляет собой перечень самых популярных авторов за границей? Знают Анджея Стасюка, а также Ольгу Токарчук.

— В прошлом году на встречу с ней в Швеции собралось 350 человек, в этом году мы рассчитываем на 600. Очень много пишут о каждой ее книге. Тут имеет значение также переводчик Ян Хенрик Сван, сам известный шведский писатель, — сообщает Катажина Тубилевич из Польского культурного центра в Стокгольме.

Очень хорошо приняли в Швеции последний том Загаевского «Антенны» в переводе Андреса Бодегарда. В Швеции и Германии всё более известным становится Михал Витковский.

■ Умберто Эко завидовал Шимборской

Какие польские авторы все же наиболее популярны?

— На вопрос, какой польский автор известен в Германии или Франции, я чаще всего слышу в ответ: Гомбрович, Шульц, Капустинский, — отмечает Агата Пенёнжек.

Можно еще добавить: Станислав Лем, Славомир Мрожек, Чеслав Милош, Вислава Шимборская. В Италии, по словам Ярослава Миколаевского, который возглавляет там Польский культурный центр, Капустинского и Шимборскую хорошо знают и любят:

— На встречу с Шимборской пришли две тысячи человек, а Умберто Эко робко спрашивал, можно ли и ему прочесть одно стихотворение. К авторам, особенно ценимым итальянцами, относится также Капустинский. Его «Черное дерево» формирует общественное восприятие, показывая, каким может быть взгляд на близкую Африку и на приток эмигрантов.

В Швеции возникали периоды очередного увлечения Витольдом Гомбровичем. Сейчас ценятся главным образом наши поэты.

— У Шимборской здесь множество поклонников, в этом году выйдут большой сборник поэзии Ружевича и большое избранное Херберта. С современной литературой дело здесь обстоит несколько хуже, и в значительной мере потому, что современная шведская (и шире — скандинавская) литература настолько богата, что рынок не в состоянии принять слишком большое количество переводов, — говорит Тубилевич.

То же происходит и в других странах. В России по-прежнему лучше знают классическую польскую литературу (Сенкевича, Пруса), очень хорошо известен и по-прежнему популярен Станислав Лем. Однако это относится прежде всего к старшему поколению, для которого во времена коммунизма Польша служила неким выходом на Запад. Теперь, принимая во внимание обилие российского книжного рынка, польская литература занимает, к сожалению, лишь скромную нишу.

— Польские новинки выходят прежде всего в серии издательства НЛО под редакцией Ксении Старосельской. Хотя надо сказать, что польская литература занимает гораздо более заметную позицию по сравнению с литературами других славянских стран, — говорит Полина Юстова.

В Америке к польской литературе также проявляется больше интереса, чем к другим литературам из нашей части Европы, даже больше, чем к современной русской литературе.

— В 90-е годы мне было довольно сложно привлечь внимание американских издателей к польской литературе, — говорит переводчик Билл Джонстон. — Бытовало мнение, что если в Польше уже наступила свобода, то эту литературу издавать не стоит. Были известны и ценились поэты: Ружевич, Милош и Шимборская. И только лет десять тому назад начали замечать новое поколение польских писателей, к которому принадлежат Стасюк, Пильх, Токарчук, Хвин, Тулли.

Несмотря на отсутствие моды на польскую литературу, число переводов растет. Важную роль в этом деле играет Институт книги, который в 1999 г. сформировал несколько программ с целью поддержки переводов польской литературы: прежде всего Переводческую программу, покрывающую расходы на перевод и закупку лицензий. Всё больше поступает заявок от издателей, самые многочисленные — из России, Украины, Венгрии, Чехии и Германии. Дополнительным финансированием обеспечиваются переводы польской литературы в сорока странах. И есть уже свидетельства того, что успешным оказался Год Милоша.

— Не было уверенности, что празднование его годовщины отразится на росте заинтересованности зарубежных издателей, а между тем у Милоша за этот год издано в мире уже 60 книг, — говорит Агнешка Расинская-Бубр из Института книги.

■ Недостаточно только быть родом из Польши

Сегодня польская литература — это часть международной литературы, и писатели не могут стать интересными лишь потому, что они родом из Польши. Однако наш сегмент Европы по-прежнему представляется привлекательным.

— Принадлежность к Польше уже не так важна. Пильх и Стасюк — такие же писатели, как Сарамаго или Уэльбек, и их именно так и воспринимают, — убеждает Билл Джонстон. — Стасюк описывает человека, который ощущает свою личностную принадлежность к Центральной Европе. Это тоже положительное качество. Магдалена Тулли пишет так, что ее книги понятны даже тем, кто не знает польской истории, подобное происходит и с книгами Ольги Токарчук. Для меня стало большой неожиданностью то, как в Америке была воспринята книга Веслава Мысливского «Камень на камень». Я не ожидал, что ее кто-то издаст, между тем эта специфически польская книга сумела завоевать американцев, отклик был очень сильным.

Кроме того, Америка очарована Милошем, а недавно вышел новый перевод стихотворений Херберта, издают здесь и Ружевича, которого, однако, по мнению Джонстона, американцы знают мало. Из поколения более молодых поэтов интерес вызывают Томаш Ружицкий и Эугениуш Ткачишин-Дыцкий.

Непременное условие того, чтобы польская литература издавалась и читалась в других странах, — высококачественные переводы, за которыми стоит хорошая университетская школа полонистики и, как показывает пример Италии, доверие к переводчику.

— Ситуация с польской литературой в Италии очень изменилась в последние годы, — рассказывает Миколаевский. — Наряду с узким кругом выдающихся переводчиков появилось новое поколение молодых, прекрасно образованных полонистов, которые находят своих авторов, часто своих ровесников. Они предлагают свои переводы небольшим издательствам, которые тоже хотят найти собственный профиль. Произошло нечто вроде освобождения рынка переводчиков, и переводов стало значительно больше. От десяти книг ежегодно мы достигли уровня в 40 книг. Итальянцы почувствовали, что польская литература интересна. И кроме Милоша, Краль, Токарчук, Стасюка, Марека Краевского (у которого были очень хорошие рецензии) или Щигела (который достиг популярности, граничащей со славой), теперь создаются, например, новые переводы «Пана Тадеуша» или произведений Яна Кохановского, появляется поэзия забытой у нас Зузанны Гинчанки. Вышла также «Поэма о матери и родине» Божены Кефф, вызвавшая живые отклики.

Доверие к переводчикам приносит свои результаты: если у них есть свобода выбора и возможность иметь личный контакт с автором, — эффект бывает неожиданным. Это настоящий шанс для нашей литературы. Более реальный, чем препарирование международного бестселлера, основанного на стереотипах о поляках и Польше.

POLITYKA

Мирослав Нагач

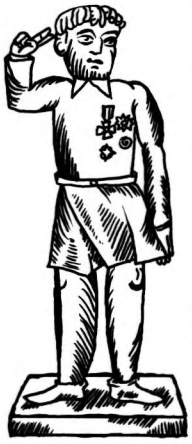
Перевел Игорь Белов

ФУФЫРЬ

Ну, короче, привет, держи пять. Я — Фуфырь с автобусной остановки. Как раз на ней я сейчас и сижу, потому так и сказал — с остановки. Я болтаю сам с собой и хотя меня это уже конкретно подзаебало, но вокруг больше никого нет, потому что эти кретины еще спят, уткнувшись в свои подушки, одеяла, а то и друг в друга, ну а раз спят, то им все до фонаря, такие дела. Ну, короче, надо представиться и сказать что-то о себе, как делают в телевикторинах: мне пятьдесят пять лет, я электрик на пенсии, у меня две дочки и жена, и я, пользуясь случаем, передаю им привет, улыбаюсь и машу в камеру. Ладно, шутки в сторону, мне вовсе не пятьдесят, это я так дурачусь, чтобы не скучать. Даже хорошо, что я сам с собой заговорил, так меньше хочется курить, хотя вообще-то хочется, да еще как, у меня аж сосет в желудке, словно я не ел, не пил, и такой себе другой «я» сидит у меня в животе и втягивает воздух. Но от этого трепа, как я уже говорил, сосет у меня внутри чуть меньше. Ну, и чтобы вернуться к нашей главной теме относительно характера: привет, я хочу быть твоим лучшим другом и как твой лучший друг признаюсь, что мне тридцать восемь лет, у меня сын, дочь и неплохой дом, доставшийся от отца, умершего в прошлом году, храни Господь его душу. Добавлю, что никаких особых перспектив я перед собой не вижу, по крайней мере на ближайшие два дня, потому что сегодня шестнадцатое, а усатый почтальон подрулит к моему дому на своей малолитражке, купленной на деньги налогоплательщиков, где-то числа восемнадцатого, тут все и определится. Не то чтобы у меня с головой не в порядке, разное там ку-ку, на первый-то взгляд всё нормально, но если присмотреться, то становится ясно, почему я получаю пенсию и всё польское население ежемесячно сбрасывается, чтобы я, никого не беспокоя, получал деньги от почтальона, который носит усы, потому что его жене нравятся усатые, однажды он, отвечая на мои расспросы, даже ляпнул, что, если бы он их сбрил, жена бы поперла его из дома. Ну, короче, меня эта ситуация иногда поддерживает, я чувствую себя важным человеком, а если кому-то что-то не нравится и он считает, что я никто и не фиг опускаться до разговоров со мной, то я тогда думаю о нем: ах ты мудак, можешь меня презирать, называть про себя дерьмом собачьим, но ты целый месяц вкалываешь, в том числе на меня, и когда получаешь первого числа зарплату, тебе даже невдомек, что там уже нет той части денег, которая обломилась мне от государства на основании гарантированного всем права на получение пенсий и пособий.

Для начала о погоде, сейчас ночь, точнее, уже светает, похоже на то, что этот славный-православный Бог засадил здоровенный шприц, полный молока, прямо в воздух, и теперь медленно давит на поршень, потому что кругом становится светло и очень липко. Я говорю сам с собой уже так долго, что язык слегка немеет и собственный голос кажется мне чужим. Но я знаю, что это мой голос, чей же еще, раз тут никого нет, раз все еще спят в своих домах и будут спать еще минут двадцать, а потом проснутся прямо перед тем, как зазвонят будильники, и первым делом вырубят их, чтобы те заткнулись. Потому что никаких специальных приспособлений для побудки им на самом деле не нужно, они уже много лет встают ровно в этом часу, успели уже привыкнуть. Но больше всего мне хочется выпить, и как раз сегодня не на что, ни у Петрека не разжиться, ни у Капитана, который, правда, уже совсем старый и куда лучше знал моего отца, чем меня, меня он помнит разве

Paulina Zielona & Dymitr Szewionkow-Kismielow



что ребенком, как я гоняюсь за Петреком с палкой и ору, что тот убит. А вообще Капитан говорит, что служил в армии, когда была война на польско-словацкой границе, с немцами он тоже воевал, и из-за того, что он в те годы хлебнул, остался солдатом на всю жизнь. И когда он выходит из дома, на нем обязательно плащ-палатка и рубашка защитного цвета, на которой нацеплены разные знаки отличия, самый большой из которых — ничего, что гражданский — «Строителю Польской Народной Республики», ведь не важно, кто вручал, важно, что медаль. И Капитан не позволяет нам говорить ему «Здравствуйте», мы должны отдавать ему честь и кричать: «Салют, господин Капитан!», и тогда он отвечает нам: «Салют, солдаты!», потому что дисциплина прежде всего, иначе все развалится — как говорит Капитан, без армии этот мир не стоит и куска дерьма. Капитан получает больше всех из нас, у него пенсия, пособие, хренова туча льгот, компенсаций, солдатских, семейных и школьных надбавок, а также скидка на лекарства. Капитан просто взял банк, не церемонясь с бюрократией, написал письмо жене президента и ее мужу, написал, что защищал польско-словацкую границу от немцев, сыграв в этой защите ключевую роль, и что теперь у него простреливает в пояснице и коленях, что он восстанавливал Польшу после войны, расчищал весь этот бардак, оставшийся от якобы уважающих порядок немцев, а теперь гол, как сокол. В результате ему дали все надбавки, какие только можно было придумать, и теперь с восемнадцатого по восемнадцатое ему можно не париться на счет того, как справиться с пустотой в душе и желудке. Но сегодня Капитан, скорее всего, не появится, бывает он здесь наездами, так что с какой стати ему объявляться именно в этот день? С тем же успехом это может случиться завтра, что не спасает положения, да и утешение слабоватое. Мне хочется выпить сегодня. Завтра и послезавтра наверняка тоже захочется, но это уже не считается, поскольку то, чего я захочу через какое-то время, меня никак не напрягает, и вообще ебись оно всё конем.

Я вообще-то говорил о другом, но заметил, что я так вот говорю сам с собой, и говорю, и в какой-то момент даже не знаю, что скажу, и мне самому интересно, что это будет, я слушаю внимательно, и мне кажется, что это говорит какой-то другой Фуфырь, он меньше, но намного умнее меня, Фуфыря Большого, он словно сидит внутри и придумывает всё это. Может быть, даже тот факт, что у меня сосет в желудке и хочется курить, — его работа. Так что, если я не договариваю до конца, это из-за того, что я говорю не думая, полагаясь на того, кто сидит у меня внутри, а он меня нет-нет да подставит.

В общем, ничего плохого произойти не успело, наверное, потому что я долго сидел дома, ухаживал за коровами, я всегда их доил, чтобы титьки у них не пухли и не болели, и те не ревели от распирающей боли, как если бы кто-нибудь завязал бы мне хуй узлом и заставил выпить десять кружек пива, а потом слушать, как из открытого крана льется вода. Ну и вот, я регулярно доил коров, менял им сено, чтобы им было чисто и не напряжно, курам тоже слегка подбрасывал. Уделил я время и себе, у меня было немного прикупленной водочки, чтобы я мог работать и меня это не парило и чтобы эти гребаные муравьи и прочая нечисть не набрасывались на меня со всех сторон, сверху, снизу, справа и слева, и со всех других возможных сторон, какие там они есть. Но водочка в конце концов закончилась, а достать еще вариантов не было, и поделать я ничего не мог, потому что о том, чтобы взять

спиртное в долг, можно было забыть и даже не мечтать об этом, даже во сне лучше этого не видеть, а то обидно будет, что во сне получается, а наяву нет. Кристинка говорит, что она, хоть бы ее и турнули из этого бывшего «Кооператора» из-за моих долгов, всегда мне пожрать подкинет, а спиртного в долг не даст никогда, да и продает его она мне только потому, чтобы не потерять работу, не может, видите ли, отказать в продаже товара за наличные, в конце концов, это же не центр психологической реабилитации, а всего лишь магазин, где денежка должна капать.

Короче, на тот момент ни фига у меня не было. А, ну да, я не упомянул о том, что живу один. Ведь о дочке и сыне я обмолвился. Получается противоречие, это когда одно так, а другое эдак, и картинка не складывается. Объясняю, противоречие тут мнимое, малышня живет в городе с тех пор, как их мать, эта шлюха, которая за бутылку отдаться готова, переехала в город, то есть уже несколько лет. Алименты растут, но пенсию я пока что получаю, а в суде говорю, что веду хозяйство, из чего следует, что мне нужно покупать корм для животных, а судейские в этом ничего не понимают и думают, что с коровами то же самое, что с собаками, что я покупаю им какой-нибудь чаппи или педигрипал, а на самом деле я просто выгоняю их пастись, забив на всё остальное, а потом загоняю обратно или даже этого не делаю, потому что они приучены и возвращаются сами. И в итоге алименты растут, но судебный исполнитель или какой еще урод моей пенсии не трогает, а ничего другого у меня и нет. Сам-то я уже спустил сколько мог, всё потратил, потому что деньги всё равно когда-нибудь придут, так лучше я сам их пропью, чем ими кто чужой воспользуется. Но я снова разговорился о вещах, которые и так хорошо знаю, поэтому болтать о них не буду, больно надо.

В общем, жил я так себе со своим поголовьем, с моей флорой и фауной, в мире и согласии, пока в конце концов не выпил однажды ночью больше сегодняшней дозы, больше, чем мне обычно нужно, чтобы нормально функционировать, а если уж говорить совсем честно, нажрался я тогда в умот, и решил потом на какое-то время совсем завязать, вот тогда всё и случилось.

И проснулся я, и было светло, так неправдоподобно и нереально, ибо за ночь я успел привыкнуть, что за окном темно. И пришел ко мне Петрек, сказав, что у него есть вино, потому что ему какой-то богатый турист дал денег за то, что Петрек стерег его машину, Петрек узнал об этом способе из телевизора и как-то отправился прямо в «Кооператор», заявив там, что за стольник согласен охранять магазин, а поскольку Кристинка не понимала, о чем идет речь, он ей выложил всё черным по белому и сразу получил от нее по морде, так что щека у него распухла, как от больного зуба. Зато теперь он заработал пятерку. А я ему говорю: сваливай, я с алкоголиками и бомжами дел не имею, мне нужно подоить коров и вообще у меня хозяйство, интересно, бля, если бы ты поссать хотел, но не мог, посмотрел бы я, как бы ты себя чувствовал. Потом думаю, ладно, помогу человеку, уебать сейчас по его тупой физиономии было бы не по-христиански. Тем более это же мой кореш, в конце-то концов. И подоили мы этих коров, убрали навоз, насыпали сено, я умылся, побрился на случай, если бы ей

опять захотелось меня проведать, надел наглаженные брюки со стрелкой и пиджак, оставшийся от отца, храни Господь его душу. И после этого мы распили бутылку вина, вино-то можно. И подумал я: допустим, священник пьет вино, значит, если я и напьюсь слегка, греха большого не будет, а если и будет, его легко искупить. И когда я рассказал обо всем этом Петреку, он ответил, что справка у меня, очевидно, недаром. И вот за это оскорбление я ему действительно уебал. Ну, я сидел и ждал, когда он снова придет, но никто не приходил, в итоге я заснул и снова проснулся, когда уже было светло, и поскольку коров я подоил еще ночью, то с чистой совестью и без всякого чувства вины я надолго уснул прямо за столом.

А утром я переоделся в нормальные брюки, обычную рубашку с несколькими дырками, пошел к Петреку, позвонив заодно чуваку, покупающему скот, тот быстро приехал, потому что, чего скрывать, знал, что я за человек и что я люблю выпить, поэтому при покупке у меня чего-нибудь ценного можно сэкономить. Ну, и он говорит, мол, столько и столько, а я ему на это, что скорее прирежу эту корову, а мясо выброшу в реку, чем продам за ту цену, которую он мне предлагает, и, чтобы не быть голословным, иду за топором и говорю, чтобы он подумал, считаю, мол, до трех. Трюк удался, чувак волновался, гнал волну, а я не перегнул с ценой, и мы договорились. Коня я оставил себе, его ведь не нужно доить, да и вообще мне с ним повезло А то, что у меня нет счета в банке, так он мне и не нужен, иначе этот хрен из прокуратуры всё заберет на алименты, изрядную сумму я припрятал дома и через какое-то время всё, так сказать, растратил, но не целиком, потому что купил себе цветной телевизор с пультом, правда, пришлось спрятать его в подвал и хорошенько замаскировать, так что смотреть я его не могу, потому что так далеко кабель от антенны не тянется, а если поставить ящик в кухне, сразу придет этот урод судебный исполнитель и заберет его.

С этими коровами мне в результате подфартило, потому что судебный исполнитель явился за скотиной на пару дней позже, а у меня ни хрена нет, потому что коня я спрятал у Петрека. Спрашивает меня: «где?», а ему на это: «что где?», он мне в ответ: частная собственность в виде живых организмов, классифицируемых как животные коровьей породы, три штуки, плюс несовершеннолетнее существо, принадлежащее к разряду коней. Я ему на это, мол, затрахали меня уже все эти породы и разряды, сбежали они, и найти их я не могу, но как только разыщу, сразу дам знать. Он мне не поверил и начал говниться, заявляя, что с властями шутки плохи. И нельзя, мол, прятать скот, крестьянин должен быть цивилизованным, потому что мы стремимся в Европейский Союз, а там селяне на тракторах в костюмах разъезжают. Я ему говорю, что трактора у меня нет, так что при всем желании ничего не получится, но зато, если бы он пришел позавчера, увидел бы меня в костюме моего отца, храни Господь его душу, а вообще я даже и не знаю, что ему посоветовать относительно грабителей, и до чего же это дошло, что у меня крадут скот прямо из конюшни. А он говорит, что опрос очевидцев и осмотр места происше-

ствия указывают, что я просто продал этих коров, тут уж я совсем вышел из себя, какой-то хрен с горы будет ловить меня на вранье, аккуратно спрашиваю, кто именно фигурирует в этом самом осмотре места происшествия, а он мне: это тайна следствия, а я ему: что ты тогда вообще мне трахаешь мозги. Мы так ни о чем и не договорились, к тому же он спешил, потому что приехал на автобусе, он, видимо, еще отстойнее почтальона, даже малолитражку ему не дали и правильно сделали, стукачам не положено. Так что он уже должен был ехать, иначе, хочешь не хочешь, проторчал бы здесь еще пять часов без дела, потому что именно тогда пришел бы следующий автобус, а время деньги. Так что я расслабился. И по поводу этих гребаных воришек, и этих коров, и всего остального.

Часто, когда я думаю об этом просветлении, мне становится так легко на душе, что остается лишь прикидывать, на самом ли деле всё это было; честно говоря, у меня есть устойчивая версия, я так часто ее излагал, что мог бы слово в слово начитать на две кассеты, и, если бы их запустили на двух магнитофонах, это слушалось бы как одна запись. Вот как я натренировался. Но всё это ни о чем не говорит. Потому что чем больше времени проходит между тем, что было, и тем, что есть, мне всё чаще кажется, что это был самый настоящий сон, видение, словно несколько дней назад я видел некий фильм и вот теперь вспоминаю его. Хотелось бы в это верить. И я, честное слово, рассказываю об этом не ради денег или чтобы меня угостили пивом, а чтобы самому в это поверить, чтобы однажды не получилось так, что пройдет какое-то время и приглушит подлинность этого события, что в один прекрасный день я проснусь и пойму, что давным-давно, где-то за семью горами, мне снился чудесный сон.

Господи, говорю я про себя и не понимаю тех слов, что слетают с моих губ. Я болтаю, как ненормальный, только такие люди говорят сами с собой, а тут тем временем почти настало утро, появилась роса, сделалось светлее. Уже слышно гудение доильных аппаратов, многие сейчас их себе купили. Надевается такой аппарат корове на вымя и готово, хотя мне вообще-то кажется, что это больно, да иначе и быть не может. Потому что если всем крестьянам прицепить такую штуку на причинное место, сначала всё пойдет неплохо, зато потом — вряд ли. Ведь для того, чтобы этой машине отключиться, нужно надоить пятнадцать литров, а столько даже из самых ревностных католиков не выжмешь.

И это гудение летит по всей деревне, становится эхом в горах, возвращается и сливается с тем, настоящим, усиливает его голос, удваивает эффект, подкручивает реле. И пока я вот так сижу и говорю всё это, мне становится куда легче, и, окончив свой рассказ, я даже закурю, потому что вспомнил: когда-то я спрятал на этой остановке курево на черный день, то есть как раз на сегодняшний. Все эти люди сидели тут, и никто не додумался, что где-то между досками может быть засунута трубка, никто не отыскал, даже самые большие хитрецы и умники. Я перехитрил их всех и теперь курю свой табачок, размышляя, какой же я все-таки молодец. Какой же я офигительный. С каждой порцией дыма я расту, мысли переполняют меня, и я превращаюсь в большого и важного Фуфыря. Лучшего, мудрейшего, самого хитрого. Да-да, это я. Могу раздавать автографы, только попрошу не толкаться. Всем подпишу. Ведь я, к тому же, еще и самый терпеливый.

Александр Вирпша

ГОЛОС С ОБОЧИНЫ

Мирослав Нагач (1984-2007) принадлежит к поколению писателей, дебютировавших в конце прошлого столетия, — таких как Давид Беньковский, Дорота Масловская, Славомир Схуты или Мариуш Синевич, — в чьем творчестве слышны голоса представителей маргинальной среды, сформировавшейся после 1989 года в результате произошедшей социальной трансформации. Его дебютный роман «Восемь четыре» (2003) принес автору достаточно крупный успех у литературных критиков. Читатель, привыкший к литературным перекличкам, вспомнит здесь название нашумевшего романа Джорджа Оруэлла. И я думаю, что подобный ход рассуждений не будет лишен оснований. В мире, в котором, как утверждает рассказчик, «нет никаких идей», идеей может стать всё что угодно. А именно таков мир героев «Восемь четыре», этих родившихся в 1984 году потребителей польской демократии, при которой «разрешено почти всё, говорить, думать», равно как и не думать вообще. Последнее становится, по-видимому, их основным интеллектуальным упражнением: «Мы устали после целого дня раскурки, в конце сознание уже работало на полных оборотах, раз за разом порождая новые фантасмагории, видения и феномены». Порождало, но не преображало, что удавалось не избегающим наркотиков героям прозы и драматургии Виткация. Сознание здесь самодостаточно, оно не способно удержать производимые им феномены, напротив, избавляется от них, чтобы освободить место для следующих. В результате герой смотрит на себя как бы со стороны: «Было ощущение, что это смеюсь не я, а моя телесная оболочка, сам же я нахожусь где-то внутри, а в ней что-то заклинило, как раз когда я смеялся, поэтому я и не мог перестать». Идет бесконечная вечеринка, время от времени кто-то переборщит, наглотавшись или напившись плохо сочетающихся ингредиентов, впадет в транс либо провалится в

сумеречные области: «Мы помогли ему встать на колени и продолжали поддерживать. Гипотетический псилоцибин впитывался в землю вместе с испражнениями. (...) Акция завершилась». Все происходит как бы снаружи, в отдалении, за стеклом: драматизм событий будто оказывается условным, и рассказчик должен — словно в финале романа — дожидаться «того момента, когда мое истинное «я» окончательно протрезвеет». Да и вообще, существует ли в этом мире истинное «я»?

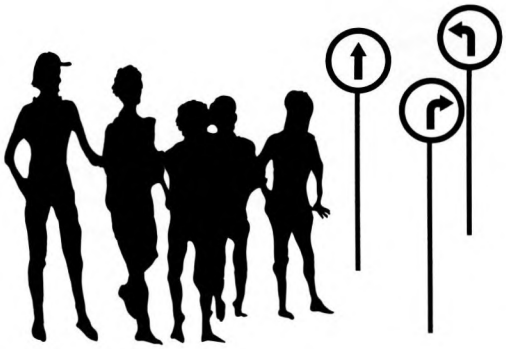
Разумеется, существует. Оно кроется в языке. Проза Нагача — в конце концов, мы имеем дело не со случайными спонтанными записями – это текст, борющийся с литературностью, со способом высказывания, подсмотренном или, скорее, вычитанном у авторов, создавших эталон рассказа, по-видимому, у Анджея Стасюка (на такой ход указывает большинство критиков, пишущих об этой и следующей книгах бескидского дебютанта) и, возможно, где-то еще. Так же, как и Дорота Масловская, Нагач использует молодежный сленг, только не берет его в кавычки. Этот язык — далеко не машина времени, однако автору не удается оставаться последовательным. Что, к примеру, значит вот это: «Время остановилось на минуту, а потом тронулось, все более и более свободно, как локомотив из Тувима»? Так вот, локомотив (из) Тувима, стоит напомнить, ускорял ход и шел «сначала медленно», зато потом уже гнал как бешеный, сохраняя при этом свой ритм. Ну да что там — мы ведь имеем дело с «автоматическим письмом», а его контролировать не следует.

Герои этой прозы, как утверждает часть критиков, — представители своего поколения. О целом ли поколении идет речь, судить не мне. Хотя, разумеется, там наверняка немало тех, для кого характерно это отношение к миру, в котором невозможно найти ничего своего. Или же к миру, который их пока не поймал. Что ж, не они первые в нашей литературе тянутся за поддержкой к одурманивающим, или как их там еще назвать, средствам: это как раз испытанная модель, искусственный рай вообще весьма давняя игрушка. Вот только у Нагача из этого ничего не следует — возможно, и не должно следовать. Возможно, литература должна быть просто одноразовым чтивом. Читаться легко и забываться быстро. Может быть, так происходит от того, что новые фигуранты литпроцесса забыли о мире, который их породил: они абсолютно анонимны, вырваны из той среды, в которой выросли, и доверяют только животным рефлексам. Они подвешены в полной пустоте, и внутри у них — пустота.

В следующем романе — «Фуфырь» — тот же самый мир, в котором «нет ни одной идеи», на этот раз оказывается средой обитания «лишнего человека». Главный герой, деревенский пьяница, сидя на затерянной в глухой провинции автобусной остановке, рассказывает лиро-эпическую историю, состоящую из череды эпизодов и переходящую в исповедь посреди экзистенциальной пустоты. И вновь, как и в предыдущем произведении, главным героем повествования является язык — деградировавший, как его носитель, как среда, из которой тот происходит. Это реализм мира отверженных — брутальный, малоприятный, часто вызывающий отвращение, но при этом до боли правдивый, пусть и обреченный на забвение, маргинальный, чужой. Нагач не из тех авторов, что льстят читателю, — он способен на острую конфронтацию с действительностью, существование которой он и не собирается принимать к сведению. Это писатель, главным делом которого является свидетельство — печальное, пронзительное, но прежде всего отдающее отчет в истинном положении вещей.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ



Выборы завершились, в первый раз победила партия, находившаяся и прежде у власти. Вроде бы всё в порядке, только у некоторых, а может, даже у всех какие-то проблемы. Так, неудача Союза демократических левых сил (СДЛС), который с трудом преодолел минимальный уровень для вхождения в парламентскую игру, поставила под вопрос будущее левых в Польше. Вот как комментирует сложившуюся ситуацию на страницах «Газеты выборчей» (2011, №237) в заметке, озаглавленной «Кто такой Наперальский?», Северин Блюмштайн, в прошлом деятель оппозиции, член легендарного Комитета защиты рабочих (КОР), обращаясь по этому случаю к движению протеста молодежи в США, Испании и Чили:

«15 октября, в день, когда «возмущенные» из Мадрида доберутся до Брюсселя, польские 18-летние учащиеся лицеев организуют свой марш в Варшаве. Именно наши «возмущенные» определят будущее лицо польского левого движения. Они не пойдут к недобитым из СДЛС, слишком либеральным во взглядах на экономику и слишком осторожным в мировоззренческих вопросах. (...) Если мы вопрошаем о будущем польских левых, то стоит спрашивать лишь эту молодежь. (...) Польское левое движение сможет возродиться только вне партийных кругов и, наверное, начнет свой ренессанс на улице. Но появиться оно должно, так как без него Польша не только будет менее справедливой, но и анахроничной. Ведь сегодняшний мир всё чаще и чаще задается левыми вопросами».

На мой взгляд, это довольно смелый диагноз: нет разумных оснований утверждать, что вопросы, которые мир ставит сегодня перед собой, носят как раз «левый» характер, а если и так, то, конечно же, не в том понимании левого движения, какое нес СДЛС. Лично я задаю себе вопрос не о будущем левых, а, скорее уж о том, существует ли еще вообще левое движение, особенно в Польше, и что это самое понятие «левые» должно бы сегодня означать. В конце концов, социальная чувствительность — не собственность наследников «Коммунистического манифеста». Это не отменяет факта, что такие наследники с определенного времени начинают в Польше метаться в какой-то терминологической ловушке, — это видно хотя бы на страницах вроде бы «левого» ежеквартальника «Критики политычной», вызванной к жизни Славомиром Сераковским, который недавно в «Письме к партиям» (ко всем политическим партиям) выступил с призывом выдвигать новые идеи. Призыв как призыв, да только дело в том, что не слишком известно, чем в понимании редактора Сераковского должны быть эти идеи. Пока что вокруг его журнала формируется круг людей растерянных, среди которых можно обнаружить, в частности, писателя и публициста, до недавнего времени от всякой «левизны» далекого, — Цезария Михальского, соредактора пожалуй что консервативного и уже не существующего журнала «Европа».

Попытки СДЛС удержаться на политической сцене длятся уже немалый срок. Несколько лет назад на его базе возникла фракция «Левые и демократы», созданная СДЛС и остатками давней «Унии свободы». Новый председатель СДЛС, ныне аутсайдер выборов Гжегож Наперальский, союз с демократами разорвал, а многие из этих последних составляют нынче окружение советников и чиновников президента Бронислава Коморовского. В настоящее время союз этот теряет общественную поддержку, что стало предметом внимания Дороты Ковальской в статье «В Союзе наступило время перемен, но без революций» на страницах «Польши. The Times» (2011, №82):

«Если кто-то должен был горько заплакать после 9 октября, то это, конечно, политики «Союза». Результат был далек от ожидавшегося Союзом, хотя пессимисты уже за несколько недель до «решающей игры» не предсказывали партии Гжегожа Наперальского более 9% поддержки. Но даже они, пожалуй, не предполагали, что СДЛС будет загнан в угол и станет лишь пятой силой в парламенте».

Это тем бóльшая катастрофа, что прежде Союз был третьей силой, а на нынешних выборах проиграл созданному несколько месяцев назад из ничего, но фехтующему «левыми» и антиклерикальными лозунгами Движению Паликота — политика, что и говорить, известного, а до недавнего времени еще и члена «Гражданской платформы», но водворяющего в Сейм команду, большинства членов которой он, скорее всего, и сам еще не знает.

Тем временем, пишет далее Ковальская, «Гжегож Наперальский, председатель СДЛС, после прекрасного результата на президентских выборах, чувствовал себя более чем уверенно; кое-кто даже менее дипломатично добавляет, что, как это часто бывает, «ему ударила в голову содовая и он уже видел себя в роли вице-премьера». В любом случае он держал партию сильной рукой, не терпел инакомыслия, а со своими потенциальными соперниками не считался или, в лучшем случае, вытеснял на обочину политической жизни. (...) Так что ничего удивительного, что избирательная кампания, несмотря на улыбки на лицах политиков «Союза», в целом не выглядела общей борьбой за максимальный результат (...). «Союз» проиграл выборы задолго до 9 октября».

И далее автор цитирует слова Влодзимежа Цимошевича, бывшего премьера и министра иностранных дел:

«Ситуация критическая. СДЛС оказался сдвинут на грань политического существования. Левые, тем более левоцентристы, не образуют никакой вразумительно организованной среды. В результате инфантильного понимания политики, близорукости и невежества, сегодняшний «Союз» — это полная противоположность тому, чем он был в момент создания (...). Вместо широкой, довольно свободной, но дружественной коалиции, уважающей право на индивидуальное мнение, «Союз» стал узенькой сектой, которая сознательно, но бессмысленно разрушила все возможности прийти к соглашению с другими. Если к этому прибавить кардинальную ошибку, которой была радикализация декларируемой политической линии и тем самым перемещение не к центру, а на периферию политической сцены, то мы имеем неизбежный результат. Следует также, к сожалению, добавить к этому позорную интеллектуальную мизерность людей, которые подчинили себе эту партию».

Цимошевич, в настоящий момент независимый политик, а в свое время сильно связанный с экс-коммунистическими формированиями, ставит диагноз более категоричный, но и более верный. Дело в том, что аналогичные процессы наблюдаются и в правых кругах, интеллектуальный уровень которых не слишком отличается от уровня левых из СДЛС. Независимо от того, читаю ли я «Критику политычную» с ее «левым» уклоном, или «Критику теологичную» с уклоном, определяемым как правый, ни в одном из этих изданий я не нахожу вдохновляющей пищи для ума, а к тому же в процессе чтения испытываю стойкое ощущение, что читаю переложенные на современный язык идеологические тексты XIX века: в обоих случаях это некий скансен. И не подлежит сомнению, что из этого скансена надо найти какой-то выход, осуществить переоценки, которые могли бы преобразовать оба направления в сообщества, способные осознавать действительность — как отечественную, так и международную, как хозяйственную, так и социальную, — действительность, в которой они могли бы эффективно проводить свою политику.

В своем анализе Дорота Ковальская приходит к довольно драматической дилемме:

«Здесь мы подходим к принципиальному вопросу: оставить «Союз» или, быть может, как некоторые полагают, распустить? Как первая концепция, с учетом, конечно, необходимости основательных изменений в самой партии, так и вторая, предполагающая, что СДЛС перестанет существовать, а на его месте возникнет новое политическая формирование, в которую вступили бы наиболее ценные члены «Союза», имеет и своих противников, и своих сторонников. (...) «Союзу» предстоит много сделать, но, как говорят наши собеседники, вообще-то неизвестно, исправят ли изменения эту партию. Что интересно, для размышлений о переменах нужно было потерпеть наглядное поражение, хотя уже не меньше пяти лет говорится о необходимости сформировать новое, сильное левое движение».

Идею построения такого «нового, сильного левого движения» представляет на страницах «Жечпосполитой» (2011, №41/) Влодзимеж Чажастый в интервью, озаглавленном «Шеф СДЛС — только из

праймериз». Чажастый, наследник коммунистов, один из влиятельных левых деятелей, остающийся преимущественно в тени, рисует следующий план действий после неудачи:

«Немедленно созываем съезд. Не в январе, а не позже конца декабря. Напеpальский теперь же подает в отставку. Один из вице-председателей получает задание подготовить съезд. Дадим также больше возможности высказаться людям СДЛС. (...) Изменяем устав и придаем бóльшую роль членам СДЛС. То, что с мнением членов партии не считались, — это одна из причин поражения. Каждый член «Союза» должен иметь реальное влияние на то, как будут формироваться [избирательные] списки, кто в них окажется и в какой очередности. Таким образом можно не только выбирать кандидатов в парламент и на пост президента. Но и председателя партии. Что, собственно, нас и ждет. (...) Пусть члены партии на этих праймериз выдвигают того, кого считают лучшим. Вместо того чтобы толкаться внутри актива СДЛС. А съезд пусть это подтвердит. Тогда люди почувствуют себя полноправными членами партии, а не такими, которые ни на что не влияют. У меня есть замысел построить структуры в каждой из двух с лишним тысяч гмин в Польше. В каждой гмине должно быть не меньше пяти человек, принадлежащих к СДЛС. И соберемся на 1 Мая. И себя подсчитаем. Если будет тогда в Варшаве 10-12 тысяч, это значит, что партия живет. (...) А если будет нас, например, двести человек, это значит, что игра не стоит свеч. (...) Я за ясность ситуации. Если это будет элегантная группа, костюмированные левые, то она должна элегантно разместиться во втором эшелоне. Я также считаю, что члены СДЛС должны иметь влияние на то, кто будет вице-маршалом [Сейма], председателем фракции. (...) Повторю, эта партия, если она хочет жить, должна считаться с мнением своих членов. Следует как можно скорее начать диалог с Паликотом. Также необходимо разговаривать с Цимошевичем, Арлуковичем [который ушел от левых в «Гражданскую платформу»], Росати [бывшим министром иностранных дел].(...) Потому и нужно как можно скорее провести съезд, чтобы выработать тактику и стратегию по отношению по отношению к другим левым силам. Если мы не будем говорить с такими людьми, как Росати, это сделает Паликот. (...) Последняя кампания была плохо проведена. Плохо определили так называемые группы потенциальных сторонников. В этой кампании «Союз» потерял миллион избирателей. Ранее за нас голосовало 2,5 млн. Этих избирателей надо обнаружить, извиниться перед ними и сформулировать, что мы им предлагаем. Плохими были транспаранты, плакаты. Всё вращалось вокруг шести-восьми имен. Есть диссонанс в том, что мы выдвигаем молодых кандидатов, а на главные дебаты посылаем таких людей, как Лыбацкая, Миллер, Сивец [т.е. представителей старшего поколения]. Это создает впечатление, что молодые кандидаты могут преимущественно красоваться, а думать должны старшие. (...) Для левого движения пришло время смелых людей. С четкими взглядами, знающих, что говорят, и берущих на себя за это ответственность. Которые не боятся, что их за это будут критиковать. (...) Можно с партией Паликота и другими группами левого толка, вроде «Критики политычной», «Поколения», «Ордынацкой», Партии Женщин, Зеленых, вместе продумать, как использовать улучшающуюся конъюнктуру».

Все это высказано сильно, кратко, с солдатской прямотой. Меня заинтересовало смыкание тезисов Блюмштайна, говорящего, что мир ставит сегодня перед собой чаще всего левые вопросы, и позиции Чажастого, который заявляет, что конъюнктура для левых улучшается. Если двое говорят одно и то же, это еще не значит, что они имеют в виду одно и то же, — и я допускаю, что термин «левые» в высказывании публициста «Газеты выборчей» означает нечто иное, нежели в устах многолетнего деятеля компартии. Но повторю: судьба левого движения меня, в сущности, мало трогает, хотя все упорно повторяют, что в нормальной парламентарной системе оно должно существовать. А вот что я считаю важным — это факт построения в Польше уже, пожалуй, достаточно стабильной демократической системы, в которой итоги выборов не могут быть заведомо ясны, — их, как уже во второй раз оказалось, определяют реализм и здравый смысл голосующих. Быть может, на это влияет не только окружение «старых демократий» Европы, но и наши исторические демократические традиции, значение которых нередко недооценивают. Пусть это и была демократия только для одного слоя, но именно этика данного слоя — в частности, и с помощью литературы — стала с течением времени распространенной. И, как представляется, прав Юлиуш Мерошевский, один из создателей программы парижской «Культуры», когда однажды заметил, что благодаря наличию в школьной программе шляхетского эпоса, то есть «Пана Тадеуша» Мицкевича, осуществилась своего рода «нобилитация» всего общества, перенимавшего не только достоинства, но и недостатки предков, с тем, что эти недостатки, как писал в своей книге о шляхетской демократии Януш Тазбир, предопределяли силу сопротивления недемократическим системам.

МЕНЕДЖЕР С НАВЯЗЧИВОЙ ИДЕЕЙ

Беседа с Михалом Мерчинским, директором Национального аудиовизуального института, накануне Европейского конгресса культуры

— Менеджер культуры — кто это, собственно?

— Человек, который сочетает много обязанностей и умений. Он должен неплохо ориентироваться в законодательстве, быть умелым организатором, разбираться в продукции массовых мероприятий, а к этому добавлю, что перечисленные знания становятся всё более специализированными и сложными. Хотя, разумеется, у менеджера, руководящего крупным фестивалем, специфика работы одна, а у того, кто трудится в театре или опекает какой-то конкретный коллектив, например музыкальный ансамбль, она немного другая. Иногда считается, что менеджер культуры призван заниматься лишь организацией всего и не должен вмешиваться в программу. Я с этим не согласен. При таком подходе он становится главным бухгалтером или административным директором. Менеджер обязан разбираться в культуре, обязан иметь собственное мнение, идеи и замыслы.

— Вы сейчас говорите о знаниях, а каковы типичные черты его индивидуальности и характера?

— Это профессия, требующая особой личной страсти. Если трактовать ее всерьез, то необходимо считаться с огромной вовлеченностью, с огромными затратами времени и энергии за счет личной и социальной жизни. Это работа не с восьми до пяти, а от проекта до проекта. К примеру, я натренировал и отработал в себе такой биологический механизм, что во время проведения [уличного театрального и музыкального] фестиваля «Мальта» сплю каждую ночь один час. А после его окончания два дня отсыпаюсь.

— Личной вовлеченностью можно чего-нибудь добиться?

— Творческие личности смотрят не только на деньги, иногда решающую роль играют оттенки. Помню, как мы привезли в Познань прославленную рок-группу «Radiohead». В Польше у нас было огромное количество конкурентов, но все-таки они сыграли у нас.

— Молва гласит, что тогда происходили своеобразные гонки с чемоданами, полными денег.

— Никаких чемоданов не было. Предложение, которое мы сделали с самого начала, не изменилось ни на одно евро. Думаю, что чашу весов в нашу пользу перетянула сила спокойствия, хорошее взаимопонимание с агентом и контекст — цикл концертов «Познань для планеты Земля». Это группа, для которой чрезвычайно важна экология, и мы это приняли во внимание. А разъезжал ли кто-нибудь другой с чемоданами — не мне это комментировать.

— Должен ли я понимать, что привлечение денег — это для менеджера не так уж важно?

— Существует много источников финансирования — местные и региональные органы самоуправления, министерство, Евросоюз, спонсоры, — и большим достоинством менеджера остается умение добираться до них. Но я считаю, что умение расходовать привлеченные деньги еще важнее. Скажу, однако, вещь, которая, быть может, не очень-то популярна: я считаю, что в культуре — вовсе не так уж мало денег. Надо только знать, что с ними делать.

— Что делать? Не сорить ими. Тратить разумно.

— Вот именно. За тем, чтобы ими не сорили, следят разнообразные контрольные органы. Но кто проверит, разумно ли мы израсходовали деньги? И что ж это, собственно говоря, означает? Для одного разумным расходом будет пригласить звезду, для другого — такая программа, которая притянет максимально возможное количество публики или же обеспечит как можно бо́льшую заинтересованность СМИ. А у меня уже много лет есть своя навязчивая идея: совместная продукция. Прошу вас обратить внимание, что сегодня культура держится на фестивалях, причем тренд этот пришел к нам с Запада. Как правило, он заключается в том, что кого-то приглашают, что-то импортируют. Одним

словом, платят за готовый продукт. Тем временем на «Мальте» мы каждый год имеем одну-две крупные премьеры, в которых выступаем сопродюсером, а бывает, и инициатором.

Когда мы сотрудничаем, например, с Яном Фабром, одним из самых выдающихся в мире артистов-перформеров, то делаем это не только ради того, чтобы показать его в Польше, но чтобы довести дело до того, что в его спектакле выступает польская актриса Катажина Макух. Таким способом мы не только инвестируем в новое любопытное произведение, но и пропагандируем представителя польского искусства.

— И при случае заодно нарабатываете себе в мире хорошую репутацию.

— Да. Мы становимся учреждением, которому можно доверять, попадаем в круг европейского культурного кровообращения, упрочиваем позитивные ассоциации: что наш фестиваль — не только обзор происходящих событий, но и создатель нового. Это вот, по-моему, и есть разумное расходование денег.

— А на Европейский конгресс культуры вы тоже подготовили новые продюсерские проекты?

— Несколько, но самыми интересными обещают стать два концерта: Кшиштоф Пендерецкий с Джонни Гринвудом и Кшиштоф Пендерецкий с Эйфексом Твином. Во всём музыкальном мире интерес к ним несравненно больше, чем если бы каждый из них выступил порознь и с чем-то созданным раньше. Премьера Кристиана Люпы всегда электризует театральный мир, но здесь Кристиан Люпа впервые сотрудничает с Доротой Масловской*.

— На следующую «Мальту» вы тоже намереваетесь припасти что-нибудь ошеломительное?

— Очень большие надежды я возлагаю на мировую премьеру оперы фламандского композитора Николаса Ленса по либретто, которое написал лауреат Нобелевской премии Джон Максвелл Кутзее на основании своего романа «Медленный человек». Ставит оперу Майя Клечевская. Нашими партнерами выступают познанский Большой театр в и Опольский театр им. Яна Кохановского. Для нас это огромный вызов: мы вступает в довольно-таки герметичный и до сих пор почти отсутствовавший на «Мальте» мир оперы.

Но подлинную бомбу я планирую на фестивале в 2015 году. Не могу выдавать подробности, но, если дело дойдет до осуществления, это будет событие мирового масштаба. Проект сумасбродный, красивый, бешеный. Уже есть продюсер, иными словами, «Maltafestival», и один выдающийся автор, но мы ищем еще одного.

Однако добавлю: при столь честолюбивых планах нельзя забывать о молодых артистах, дожидающихся открытия и карьеры. Моя обязанность — искать и показывать их искусство, обремененное заметно бо́льшим риском, но заслуживающее открытия. Точно так же, как мы когда-то открывали на «Мальте» театральные группы «Бюро путешествий» или «Зона тишины».

— На четыре года вперед — это неплохая перспектива планирования.

— Это как раз такая перспектива, на которую я уже могу себе позволить после многих лет работы и накопления всяческого опыта. Спокойно размышлять над тем, что следует произвести через 3-4 года, а не огорчаться тем, что будет через год. Так работают во всем цивилизованном мире. И это, пожалуй, мой самый большой профессиональный успех как менеджера культуры.

— А поражения?

— Они случаются каждый год. Кто-то откажется приехать, какой-нибудь проект не удастся осуществить. По мере лет я, однако, принимаю их со смирением, спокойно, не раздираю на себе одежд. Просто стараюсь ставить перед собой реалистические цели, хотя и амбициозные, а также действовать с опережением. Над проектом с Кутзее мы, к примеру, работаем около трех лет.

Но с одним из поражений — коль скоро уж мы об этом говорим — мне трудно примириться по сей день, хотя прошло уже десять лет. И, вероятно, я с ним никогда не примирюсь. Это трагическая смерть актрисы Сьюзен Гандолф в ходе спектакля на «Мальте». Неожиданно оборвался контейнер и придавил ее. Следствие показало, что никто не был виноват и произошел просто несчастный случай, но то событие мучит меня по сей день.

---

* См. «Культурную хронику» в №10. — *Ред.*

— Приближающийся Европейский конгресс культуры — это, надо полагать, большой вызов?

— Огромный. Это самый важный проект, который мы осуществляем в рамках национальной культурной программы польского президентства в ЕС. С полной ответственностью утверждаю: такой встречи в Европе еще не было. Приедут все, кому есть что сказать в культуре. В частности, состоится неформальная встреча министров культуры государств Евросоюза, мы подготовили десять важных дискуссий, на которых о состоянии современной культуры будут говорить выдающиеся интеллектуалы, ученые, творческие люди.

Отдельное течение — это гражданская культура и представители неправительственных организаций со всей Европы. Здесь я особенно рекомендую дебаты «A Soul for Europe» («Душа для Европы»). И, наконец, художественная часть — первоклассные концерты, выставки, спектакли. Конгресс — это фуга, а не missa solemnis. Под одной крышей можно будет выпить кофе с каждым — от профессора Зыгмунта Баумана или Ги Сормана до представителя пиратской партии.

— Меня так и подмывает спросить: а зачем всё это? Приедут, встретятся, разъедутся...

— Неправда. Прежде всего — о культуре необходимо разговаривать как можно больше: мы ведь находимся в весьма особом историческом моменте изменения ее парадигмы. И это революция, причем — что подтверждают многие ученые — на уровне открытия Гутенберга. Культура 2.0 представляет собой новую эру, и надлежит задуматься, что с ней делать, каких новых международных правовых и организационных установлений она требует.

Помимо этого у конгресса есть и свой прагматический аспект. А именно: два года назад на аналогичной встрече министров культуры в Барселоне наша замминистра Моника Смолень выступила с тезисом, что культура должна стать существенным элементом в бюджете Евросоюза, тогда как раньше этого не было. В ближайшие полтора года будут продолжаться нескончаемые дебаты о форме бюджета ЕС на 2014-2020 гг., и одним из результатов вроцлавского конгресса должен стать такой же внятный голос по вопросу о месте культуры в бюджете.

А попутно, считаю, благодаря конгрессу возникнет несколько произведений, которые могут оказаться важными для европейской культуры. Пикассо на вроцлавском конгрессе деятелей культуры* нарисовал голубя; возможно, и после этого конгресса останется что-нибудь прочное. Уже имеется книга профессора Баумана «Культура в текучей современности», специально написанная в связи с этим обстоятельством, возникают многочисленные совместные проекты.

Питаю также надежду, что сотрудничество между польскими и европейскими объединениями и кураторами, начатое во время конгресса, получит продолжение в будущем.

— Имеются ли у вас какие-нибудь хорошие советы для начинающих менеджеров культуры?

— Каждый создает свою собственную систему работы и деятельности, не всегда эффективную где-то в другом месте. Я придерживаюсь двух, для меня принципиальных, правил. Во-первых, посылаю ясные сообщения, всегда говорю «да» или «нет». Четко устанавливаю цели и стратегии, после чего беру на себя полную ответственность за них. Во-вторых, очень тщательно подбираю сотрудников, которым оставляю много полномочий и свободы. Сам, в одиночку я бы не сделал ничего, даже если бы встал на уши.

POLITYKA

Михал Мерчинский (род. в 1962) уже во время учебы стал менеджером «Оркестра восьмого дня». В 1991 принимал участие в создании Международного театрального фестиваля «Мальта», которым по-прежнему руководит. Работал на Познанском телевидении, был директором Музыкального общества им. Г.Венявского в Познани, театра «Розмаитости» («Всякая всячина») в Варшаве, программным руководителем лодзинского фестиваля «Диалог четырех культур». С 2005 возглавляет Польское аудиовизуальное издательство, преобразованное в 2009 в Национальный аудиовизуальный институт. Отвечает за организацию культурной программы польского президентства в Евросоюзе, в особенности — за прошедший в сентябре Европейский конгресс культуры.

* Просоветский «Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира», 1949. — *Ред.*

Магдалена Байер

СТЕПЕНЬ ЗАСЛУГ

Семья Юрашей и Ростафинских

Поляки, преподававшие в заграничных университетах в эпоху разделов, принадлежали к той прослойке людей, которые задавали тон интеллектуальной жизни в их «родной Европе». Это утверждение как нельзя лучше определяет заслуги и то историческое место — если можно так выразиться, — которое занимают обе семьи, история коих будет рассказана ниже. Их потомки познакомились в Антонине, в усадьбе Потоцких, находившейся на окраине тогдашней Польши, познакомились, чтобы затем стать супружеской парой.

В Варшаве почти десять лет тому назад скончалась пани Анна Ростафинская-Ромишовская, но остались два ее сына со своими детьми. От пани Анны я и услышала историю семьи.

*

Началось всё довольно давно и... далеко. Прадед по женской линии был англичанином. Он написал историю своей родины, а затем учебник английской грамматики для иностранцев, предназначив его конкретно для мальчиков из хороших семей, обучавшихся в немецкой школе, которую он открыл в Гейдельберге в начале XIX века. В то же самое время и в том же городе имел ларингологическую клинику профессор Антоний Юраш, дед пани Анны. Судьбе было угодно, чтобы дочь директора школы стала пациенткой, а затем и женой польского врача. Из воспоминаний о бабушке-англичанке сохранилось лишь то, что детей своих она учила читать молитвы по-польски.

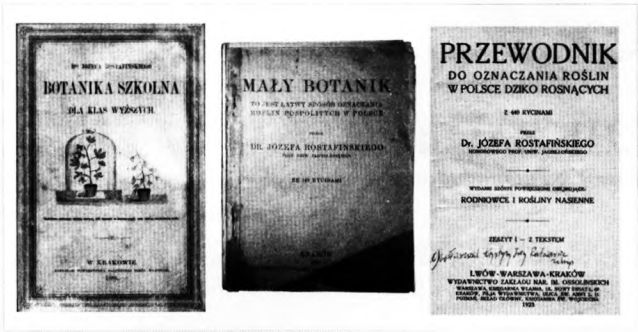
■ Львов — Познань — Краков — Варшава

Профессору Юрашу часто приходилось выезжать с врачебными визитами в довольно отдаленные места, например в Петербург. Он лечил титулованных особ, а в Гейдельберге у него был «очень польский дом». В 1906 г. он переехал во Львов и стал ректором Львовского университета им. Яна Казимира. Он прославился как человек, создавший ларингологические инструменты, которые по сей день ассоциируются с его именем. Его считают создателем ларингологии как отдельной врачебной специальности.

Его сын, тоже Антоний (дядя пани Анны Ромишовской), окончив вуз в Познани, защитил затем диссертацию в Германии. Он путешествовал по свету в качестве судового врача, затем осел в Познани и в дальнейшем сделал карьеру хирурга, одним из первых занявшись исследованиями в области трансплантации. Во время Второй Мировой войны он оперировал раненых в крепости Модлин, потом бежал во Францию, а затем основал в Эдинбургском университете ставший позднее хорошо известным Польский медицинский факультет. Он умер в Америке, а его прах был перевезен в Польшу.

Профессор Юзеф Ростафинский

По мужской линии в роду пани Анны столь же замечательные традиции. О деде Юзефе Ростафинском, ее брат, умерший в прошлом году в Америке Войцех Ростафинский говорил как о человеке очень способном, чрезвычайно трудолюбивом и отличавшемся широкими интересами. Как и другие его предки, по окончании Главного училища в Варшаве он уехал в Германию, чтобы продолжить учебу в Галле, а кандидатскую и докторскую диссертации защитил в Страсбурге. Оттуда 26-летнего Юзефа Ростафинского в 1876 г. пригласили возглавить кафедру ботаники Ягеллонского университета. К тому времени у него уже был издан по-французски фундаментальный труд о простейших организмах, за который он был награжден медалью Бельгийской Королевской академии.



В Кракове Юзеф Ростафинский разнообразил свои занятия со студентами, в том числе составлением гербариев. Он сам переводил средневековые книги о лекарственных растениях. Вскоре он стал директором Ботанического сада, о котором очень заботился, в частности добивался в Вене выделения средств на постройку пальмовой оранжереи. Он написал много учебников, а его «Ключ к классификации растений» переиздавался более двадцати раз. Юзеф Ростафинский заботился также о достопримечательностях Кракова и писал о них заметки в прессу.

Ян Ростафинский

Ян, сын Юзефа, тоже был безусловно серьезным ученым. После учебы в гимназии иезуитов в Хырове, он окончил сельскохозяйственный институт и стал преподавать животноводство в Главном сельскохозяйственном училище и одновременно был доцентом на факультете ветеринарии Варшавского университета. Как и его отец (писавший школьные учебники), Ян Ростафинский был прекрасным популяризатором — в те времена это считалось естественной обязанностью ученых.

За пределами учебной аудитории и своего рабочего кабинета Ян Ростафинский бывал душой дружеских вечеринок, он прекрасно умел танцевать. Во многих помещичьих усадьбах ему всегда были рады. Будучи гостем в упомянутом Антонине, он влюбился в Кизю Юраш, будущую мать моих собеседников. Пани Анна вспоминает: «Оба деда были рады, ведь таким образом объединялись два профессорских рода».

■ Наследство

В семье, профессорские корни которой шли от предков, воспитывалось трое детей: Анна, Войцех и Михал. За обедом они учились французскому языку, беседуя с пожилой француженкой. «Если я или кто-либо из моих братьев чего-то не знали, отец говорил: «Пойди, возьми энциклопедию, загляни в нее и прочитай». Вот так мы учились общению с книгами и получению знаний». Самое главное, что требовали родители — говорить правду. Ложь была единственной провинностью, за которую полагалось телесное наказание.

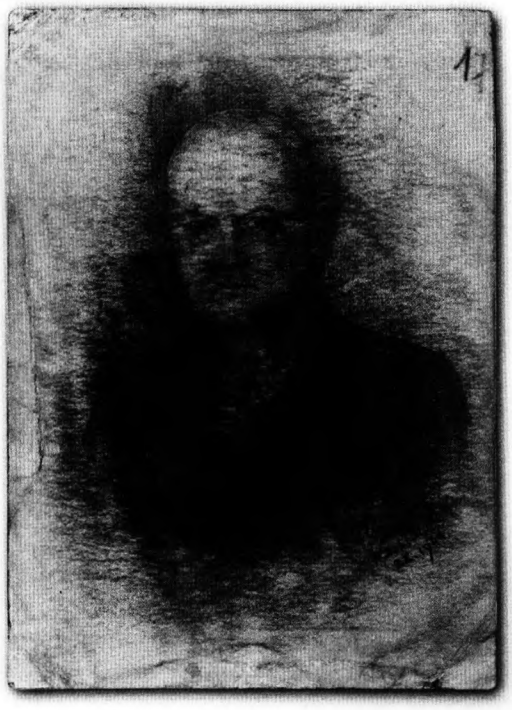
Дом был религиозным. Любовь к ближнему приобретала значение максимы, которая в каждом довоенном интеллигентском доме была обязательной и означала служение обществу. Профессор Ян Ростафинский с юных лет принимал участие в деятельности польского харцерства и достиг высокого ранга старшего инструктора. Он выезжал в скаутские лагеря в Финляндию, Венгрию. Во время каникул, которые они проводили в таких деревнях, где не знали, что такое радио, что такое кино или театр, отец моих собеседников устраивал «большие представления» у костра. Для этих представлений он писал тексты, обычно это были стишки, посвященные каждому из жителей. Такое представление продолжалось несколько часов и оставалось в памяти на долгие годы.

Пани Анна Ростафинская-Ромишовская еще во времена своего детства поняла, что и она когда-нибудь должна создать «собственный семейный дом». Это, конечно, было не ощущением некой миссии, а просто естественным желанием продолжить то, что создавало атмосферу семьи, в которой она сама выросла. Брат Войцех помнит, что в половине восьмого всегда следовало быть на совместном ужине, во время которого подводились итоги прошедшего дня и намечались планы на завтрашний и следующие дни. В этом совместном подведении итогов истекшего дня дети отчитывались об успехах в школе, о том, как они относятся друг к другу и к другим людям из своего окружения, а также — кто что прочитал, куда собирается на экскурсию. От каждого прожитого дня должно было «что-то

остаться», день нельзя было просто потратить зря. Петр Ромишовский, сын пани Анны, старается, чтобы его нынешний дом был похож на тот, который запомнился ему по рассказам родителей и по собственным воспоминаниям детства.

■ Варшава и не только

Во время оккупации профессор Ян Ростафинский основал школу садоводства второй ступени, которая на самом деле была подпольным Главным сельхозучилищем, в ней преподавали довоенные профессора. Ежедневно он ездил на велосипеде на Опачевскую улицу, довольно далеко от дома, где была расположена школа. Трое детей были в АК, братья действовали в Кедиве [Управление диверсионной службы Армии Крайовой], они скрывались вне дома. Гестапо арестовало родителей и Анну. Проведя восемь месяцев в тюрьме Павяк, отец оказался в лагере Штутгоф, мать с дочерью находились сначала в Равенсбрюке, потом в Бухенвальде, где провели десять месяцев. Хрупкая, никогда не знавшая физического труда, мать выжила в лагере, отец помог выжить многим узникам, поддерживая их морально, рассказывая о дальних странах, где бывал, о разных вещах, которые заставляли людей отвлечься от бесчеловечной лагерной действительности.



Профессор Ян Ростафинский в концлагере Штутгоф

Все, к счастью, выжили и считают это знаком незримой заботы о них св. Антония, к которому семья испытывает особое благоговение. Михал, брат моих собеседников, не смог сражаться в Варшавском восстании, так как... попал в крушение, когда ехал в Варшаву на мотоцикле. Выйдя из больницы, он уже после войны получил медицинское образование, которое начал в подпольной школе Заорского*, и в 1950 г. защитил кандидатскую по психиатрии, продолжив медицинскую традицию семьи Юрашей. После войны он жил в США. Войцех за участие в Варшавском восстании был награжден крестом «Virtuti Militari». Он попал лагерь в Германии, его освободили оттуда американцы, после чего он уехал в Бельгию. Учебу, начатую в подполье, в Политехническом училище Вавельберга**, он завершил в Лувене, затем эмигрировал в США, откуда приезжал к сестре в Варшаву, где мы встретились с ним и я выслушала его воспоминания о семье.

За океаном он, будучи дипломированным инженером, работал поначалу чертежником. Однако дальнейшая карьера Войцеха Ростафинского напоминает стереотипы из литературы и распространенных мифов. Сменив несколько раз место работы, он попал в НАСА — как раз тогда, когда инженеров-ученых нанимали буквально сотнями, так как запускалась большая программа полетов на Луну. По его мнению, это было лучшее место на свете в смысле интеллектуальных стимулов: «Работа была настолько интересной, что даже трудно себе вообразить что-либо интереснее». Он занимался прежде всего насосами и компрессорами, а вопросом, который тогда всецело занимал умы целых коллективов ученых, была вибрация, возникавшая во время движения ракет, которую необходимо было изучать с помощью самых передовых методов математического анализа. «У меня тогда выхо-

* Действовавший подпольно медицинский факультет Варшавского университета был основан доктором Яном Заорским в 1941 г. как частная профессиональная школа для вспомогательного санитарного персонала.

** Высшее инженерное училище им. И.Вавельберга и С.Ротванда — частное техническое училище, основанное в 1891 г. (позднее было объединено с Варшавским политехническим институтом).

дило много публикаций» — как в изданиях НАСА, так и в крупнейших американских технических журналах, это мой собеседник с особым удовлетворением подчеркивал. В 1960-е каждый десятый сотрудник НАСА был кандидатом наук. Войцех Ростафинский вошел в этот круг, опубликовав свою работу о поведении голосовых волн в коленчатых изгибах проводов, что было для исследователей того времени неизведанной темой. Потом он выступал с многочисленными лекциями по этой проблематике и напечатал много работ. Племянник Петр добавляет, что дядя был удостоен диплома за вклад в первый полет человека на Луну.

Сын Войцеха Ростафинского Томаш, доктор психологических наук, живет в Чикаго, где наряду с научным трудом активно работает на польской радиостанции, и это, как мне кажется, дополняет вторую и весьма богатую линию семейных традиций — популяризацию тех областей знаний, которыми занимались и занимаются члены этой семьи.

■ Правнук Юзефа, внук Яна

Сын Анны Ростафинской-Ромишовской Петр выбрал своим жизненным путем научную деятельность, хотя и несколько иную, чем его дед и отец, — он стал химиком. А биологом стал его племянник, который изучал эту науку в Англии, откуда, как мы уже знаем, ведет свое начало весь род по материнской линии.

Петр в детстве часто бывал в доме деда, профессора Яна Ростафинского, который давал ему листать, а со временем и читать большую энциклопедию Мейера, снабженную множеством ярких цветных иллюстраций, дававших пищу нередко продолжительным беседам о Вселенной. Внук по сей день помнит ту беседу о теориях возникновения Луны, когда дед иллюстрировал свой рассказ собственноручно выполненными рисунками. «Он убедил меня, что природа не только существует, но что ее исследуют и что это может быть невероятно интересно». Петр специализируется в компьютерной химии, точнее — в компьютерном моделировании полимеров. Эта сфера познания находится где-то между той, которой интересовались прадед и дед, и той, в которой много сделал дядя, Войцех Ростафинский.

Петр дважды побывал на стажировке в Америке, работал с самыми современными компьютерами, публиковал результаты своей работы. Позднее он возглавлял компьютерный центр химического факультета Варшавского университета. Его жена — по образованию врач, но работает вузовским преподавателем, что опять же заставляет вспомнить о давних семейных традициях. Деду наверняка было важно привить им идею поиска истины, решения проблем. Он повторял, что никому не позволено понапрасну растрачивать то, что дано от рождения: способности, склонности, увлечения, — даже если всё это находится пока лишь в зародыше.

Очевидным предназначением молодых людей в семье была учеба — направление никогда не навязывалось. Во время наших встреч мы размышляли: как сделать, чтобы работа в сфере науки неодолимо влекла к себе сегодня, когда существует так много соблазнов начать свою жизнь с более легкого старта? Пани Анна предлагала рекомендации, исходя из своих наблюдений в родительском доме: «Если кто-либо достигал чего-то в интеллектуальной, духовной сфере, это становилось великой радостью для всех. Если это был дядя, кузен или кто-либо из дальних родственников, наши родители немедленно нам об этом сообщали и все мы этим гордились. К получению аттестата зрелости, ученой степени магистра, к защите диссертации в семье относились с настоящим почтением в буквальном смысле, превращая такое событие в семейное торжество».

■

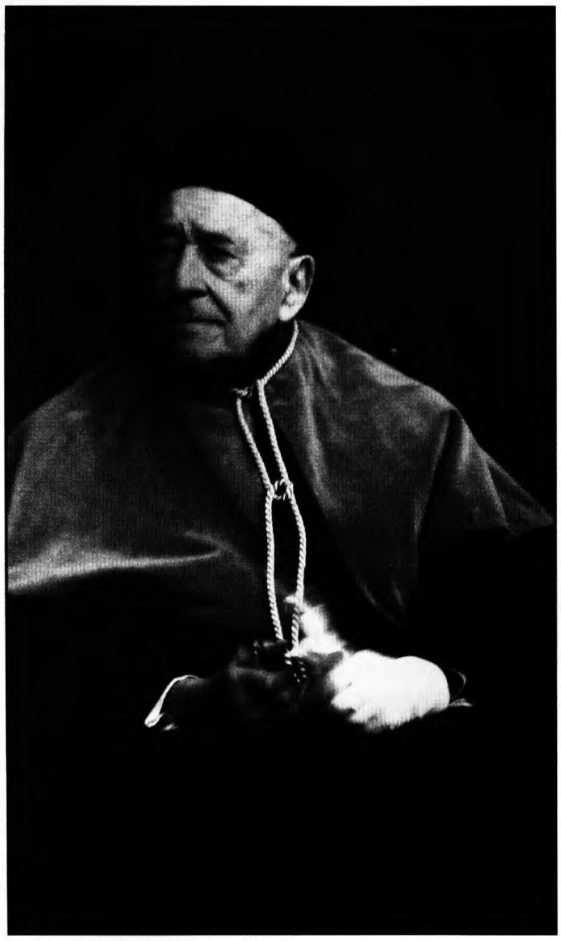
Объединенные когда-то супружеским союзом роды Юрашей и Ростафинских, а сегодня еще и Ромишовских, составляют гордость польской интеллигентской традиции, и не только благодаря своим достижениям — научным открытиям, степеням, званиям и публикациям. Эту традицию продолжают также люди, не обладающие подобной атрибутикой, но признающие и применяющие на практике шкалу ценностей, которая к заслугам причисляет лишь то, что достигнуто самим тобою, то, что ты можешь записать себе в счет и за что сам отвечаешь.

Ивона Хофман

LAUDATIO
ПРОФЕССОРУ ЕЖИ ПОМЯНОВСКОМУ

Речь на церемонии присуждения Ежи Помяновскому докторской степени honoris causa Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской

21 октября в Люблинском университете им. Марии Кюри-Склодовской состоялась торжественная церемония присуждения Ежи Помяновскому почетной докторской степени этого учебного заведения. Laudatio (похвальную речь) произнесла профессор Ивона Гофман. Приводим фрагменты ее выступления.



Жизнь, публицистическая и политическая деятельность Ежи Помяновского стали ярким доказательством справедливости утверждения Ежи Гедройца: «Необходимо уметь сохранять принципы и изменять взгляды», — то есть быть готовым модифицировать их с учетом других мнений, динамики общественных процессов, эволюции политических отношений.

Синтетическое определение такой способности заключается в слове «диалог». Сегодня это расхожее понятие, но в кругу «Культуры», в особенности по отношению к так называемой концепции УЛБ (добрососедских отношений будущей независимой Польши с Украиной, Литвой и Белоруссией), оно имело приоритетное значение.

В решении сената Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской содержится убедительное обоснование присуждения степени: «За выдающиеся достижения в области политической публицистики, отстаивание идеи восточноевропейского партнерства и многолетнее плодотворное сотрудничество с университетом».

Ежи Помяновский родился 13 января 1921 г. в Лодзи. В канун сентября 1939 г. дебютировал в еженедельнике «Прубы» («Опыты»).

В 1968 г. Ежи Помяновский выехал в Италию после того, как сдал партийный билет в знак солидарности с Лешеком Колаковским, изгнанным из ПОРП за «ревизионизм». Преподавал польскую литературу в университетах Рима, Бари, Флоренции и Пизы. В Италии издал антологию современной польской поэзии, переводил произведения Александра Фредро и Кароля Войтылы; стал энциклопедистом в прямом смысле этого слова — как автор статей для Британской энциклопедии и итальянской Энциклопедии театра XX века. Печатался в журналах: итальянских («Темпо презенте», «Мондоперарио», «Фьера леттерариа»), французских («Кензэн литерер») и немецких («Документе»).

Тогда же Помяновский начал сотрудничать с Ежи Гедройцем как публицист «Культуры» и переводчик русской литературы. Будучи в эмиграции в ИтаЛии, он перевел (под псевдонимом Михал Канёвский) «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, которые были изданы «Институтом литерацким» в Париже в 1970-1972, 1974-1975 и 1978 годах. Ежи Помяновский перевел также рассказы Антона Чехова, драмы Льва Толстого, поэтические произведения Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Александра Пушкина, Бориса Слуцкого, работы Андрея Сахарова и Михаила Геллера. Он прославился как несравненный толкователь и знаток творчества Исаака Бабеля, «Конармию» и «Конармейский дневник 1920 года» которого он конгениально перевел на польский язык. Литературные интересы Ежи Помяновского были эманацией его отношения к России — отношения, отличающегося пониманием имперской истории, отразившейся в судьбах государства и народов России XX века. В этом смысле можно сказать, что Помяновский стал одним из создателей восточной программы «Культуры», привнесшим сильные собственные акценты в эту пламенную программу, которая непосредственно связывала польско-российские отношения после Второй Мировой войны с интересами ближайших к современной Польше и традициям Речи Посполитой соседей — Украины и Литвы.

В 1992 г. Ежи Помяновский вернулся в Польшу. Он не перестает писать для международной прессы и по-прежнему смысл своей публицистики видит в круге общих с Ежи Гедройцем интересов, которые можно назвать прагматизмом романтиков, верящих в просветительскую миссию Слова, то есть публицистики высшей пробы. Блистательные эссе Помяновского составили сборники «Магнитный полюс» (1995) «Русский месяц с гаком» (1997), «К востоку от Запада. Как быть с Россией?» (2004), «Избранные впечатления» (2006).

В 1999 г. он основал журнал «Новая Польша», задуманный совместно с Гедройцем как послание от поляков российской интеллигенции, по-прежнему взыскующей знаний о Польше. По сей день Помяновский остается главным редактором этого влиятельного журнала, придерживающегося характерного для «Культуры» принципа «определенного, постоянного, глубоко осознанного различия между Россией и русскими». Как говорит сам Ежи Помяновский, «мы стремимся к четкому разъяснению наших польских мнений той части российского общества, которая способна слушать наши аргументы». Таким образом, в очередной раз в характеристике жизни и творчества Ежи Помяновского появляется ключевое слово «диалог». Активно действуя в международной политике — в частности, как эксперт польско-российской Группы по трудным вопросом, руководимой Адамом Д. Ротфельдом и Анатолием Торкуновым, — Ежи Помяновский способствует развитию польско-российского сотрудничества на многих уровнях, в условиях европейской политики, при уважении к историческим ценностям и рациональном представлении об экономическом партнерстве. Он — активный поборник разумного диалога.

В издательстве университета им. Марии Кюри-Склодовской вышли два сборника публицистики профессора Помяновского; многие его статьи, эссе, фрагменты воспоминаний опубликованы университетом в коллективных трудах, посвященных «Культуре».

Таким образом, следует признать, что присутствие профессора Ежи Помяновского в академической жизни проявляется как минимум в двух аспектах. Как знаток, аналитик и эксперт, он вдохновляет обращение к восточноевропейской проблематике в рамках основных и специальных учебных курсов. Как активный участник общественной жизни — способствует интересу к наследию «Культуры». Тем самым профессор Помяновский содействует укреплению позиций университета как центра изучения проблем Центральной Европы и исследований политической мысли парижской «Культуры».

Сегодня мы с удовлетворением включаем профессора Ежи Помяновского в число почетных докторов нашего университета, отмечая этим высшим академическим отличием два характерных для него принципа — рациональный взгляд на место Польши в Восточной Европе и готовность к диалогу.

Ежи Помяновский

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ К ГЕДРОЙЦУ

***Lectio doctoris* (докторская лекция)**
при получении докторской степени honoris causa

Мария Кюри-Склодовская, чье имя носит университет, дважды была отмечена высшими научными отличиями, разрушая формальные барьеры научных дисциплин. Она одолела препятствия в чужой стране, где была женщиной из того народа, что не имел тогда ни границ, ни свободы, ни прав для женщин-ученых. Она была первой настоящей европейкой — без шумных восхвалений и без предрассудков. И вот я хочу напомнить во вступлении, что и другой человек выполнил свое дело, очень важное для меня и связанное с Польшей, преимущественно за границей, хотя сутью этого была судьба Польши, ее будущее. Этот человек полвека корпел за редакторским столом и работал там же, где и Мария Склодовская. Ее признание в нашей стране, как обычно, началось не с тех, кто восхищался смелостью и умом этой женщины, а с тех, кто довольствовался ее двумя Нобелевскими премиями. Тот, о ком я хочу говорить, о премиях не заботился.

То, что я здесь скажу, связано с делом и близкой нам личностью, учеными, авторами и издателями этого учебного заведения. Здесь, в Люблине, рассматриваются и изучаются *политическая концепция* и *проект деятельности государства*, начертанные Ежи Гедройцем с деятельной помощью Юлиуша Мерошевского.

Выпущенные труды о работе «Культуры», написанные в этом кругу и в этих стенах, дают мне возможность не повторять общие места. Ограничусь тем, что забыто или недооценено, — гедройцевской *программой будущего*.

Мы в Польше знаем немало примеров подобных программ, в особенности относящихся к эпохе Возрождения или Реформации. У нас нашли своих приверженцев мысли Влодковица, Симона Будного, Фрыча-Моджевского; их сочинения оказались более известными за границей, чем в Польше, где был в те времена лишь один университет.

Более сильный отклик нашли проекты и теории, исповедуемые польскими мессианцами в первой половине XIX века. При этом скажем, что известность им в большей мере принесли черты, считающиеся в традициях Европы скорее экзотическими. Чудесный талант наших поэтов-романтиков ныне часто служит сублимацией наших достославных поражений. Сегодня больше привлекают планы и усилия деятелей нашего Просвещения, откуда пошли корни польской интеллигенции. Вспомним хотя бы Комиссию народного образования и обновление университетов. Эта инициатива пришлась на последние десятилетия Польского королевства и стала негасимым светочем просвещения, то есть программы будущего.

Но скажем прямо: в течение 200 с лишним лет политическая мысль в Польше вращалась вокруг одной главной проблемы. Проблема эта получила свое название в 1800 году. Тогда Юзеф Павликовский, сын лесоруба, солдат армии Костюшко, опубликовал книгу, за которую потом умер в русской тюрьме. Ее удачное название — «Может ли Польша добиться независимости?» — стало лозунгом и символом и для родственных народов, чающих государственности, живущих под угрозой порабощения и утраты своего языка. Завоевателю достаточно гильотинировать элиту или лишить ее национального облика. Писарро с его конкистадорами сумел уничтожить только образованных инков, а остальных поработил — и завалил Испанию золотом. О чем могли думать мыслящие поляки, которые только что потеряли собственное крупное государство?

Эта главная мысль, становясь первой любовью деятельных поляков, оттеснила немалое число социальных чаяний. Прежде всего полагалось повторить фундаментальные национальные заповеди, за чем следовал ритуальный оборот «несмотря на это...», после чего можно было перейти к актуальным проблемам. Только к концу XIX века споры польских позитивистов вошли в общественный дискурс.

Но и здесь проблема независимости выдвигалась на первый план, хотя немцы, французы, а также русские не видели в ней смысла. Кстати, революция 1905 года, в Польше начавшаяся в Лодзи, для наших рабочих — не забудем — была и национальным восстанием. Говоря короче, разделение между основными польскими партиями началось с этой страсти к утраченной независимости, и — внимание! — этот изначальный конфликт по сей день отбрасывает тень на два разделенных лагеря, например во время выборов в Сейм.

Так или иначе, независимость страны Гедройц рассматривал не как самоцель, но как conditio sine qua non естественного развития вообще всех общественных процессов в Польше.

Это была ситуация страны, находящейся в настоящих тисках: с одной стороны, традиционным способом никто не способен отодвинуть от нее чужую близость, давление, угрозы, а с другой — оставались комплексы, угнездившиеся в подсознании поколений ее жителей. Польшу невозможно было перенести на другую карту. Тень скрытой угрозы заволакивала подсознание большинства.

Польша была единственным крупным государством континента, лежавшим между двумя растущими державами, намного более мощными и более населенными. В этом положении она находилась все те столетия, в течение которых естественным, самым простым и всеми охотно применявшимся способом приумножения мощи и богатства государств была территориальная экспансия. И сама Речь Посполитая этим занималась — но без особого усердия, ибо укоротила руки собственной исполнительной власти. В результате Польша стала добычей более сильных соседей. И очень надолго, и даже неоднократно.

У того, кто оказался в призраке этих челюстей, было, как известно, не много способов противостоять злу, и все они оказались бесплодны. Часто это было соглашательство; оно давало результат только там, где кто-то со стороны заставлял возницу ослабить вожжи, — в ином же случае оставалось лишь то, что у нас называют *компромиссом кнута с конем*.

Другим способом была борьба — либо опирающаяся на собственные силы, весьма легковооруженные, либо с надеждой на вмешательство мнимых союзников. Целью борьбы было изгнать захватчиков с польских земель. Надежды на успех, завершающиеся перевесом мощных противников, всегда означали лишь возврат к геополитической ситуации quo ante. После выигранной схватки всё та же угроза нависала над Польшей. И неизбежно возвращалась, пока смыкающиеся тиски угрожали Польше, а характер их и форма не менялись.

Мало что изменилось после Второй Мировой. Польша оказалась в окружении соседей, полностью зависимых от требований и директив советской столицы. И не отличалась от них в политическом, экономическом и военном отношении.

Хуже того, все проекты, отечественные и эмигрантские, касались только прошлого.

Один лишь Гедройц выработал единственную концепцию, обращенную в будущее. Он определил условия освобождения и — внимание! — указал на необходимость *прочности* польской независимости. И не только на какие-то двадцать лет.

Это не было пророчеством. Это был трудный план, исполнимый только в особых обстоятельствах. Ежи Гедройц — позвольте мне повторить известную формулировку — был проводником во тьме пещеры, из которой, он знал, есть лишь один выход.

Выходом из исторической пещеры было стечение обстоятельств, которые вместе смогли сломать вековые тиски. В самом начале потерпела поражение немецкая махина, которая сразу вывела три четверти побежденных к экономике и системе Запада, а остальные, из ГДР, присоединились потом — вплоть до канцлерского кресла. Позже расточительная и самоубийственная советская система оставила в покое своих и чужих подданных, в том числе поляков, взыскующих права на свободу и собственность.

Последовательность этих перемен была для Гедройца логичной. Однако то, что объединяло эти перемены, было для людей «Культуры» беспрецедентным процессом.

Выжившие, освобожденные, голодные, лишенные традиций и прав граждане Европы с трудом взялись сооружать *демократические* государства.

Мерошевский ясно определил разницу между средствами и целью. Наш журнал, «Культура», писал он, «всегда был верен взгляду, что свобода — первостепенная цель, которой все должно быть подчинено. Первый вопрос в политической азбуке звучит не: «Будет ли Польша независимой?», а: «Будет ли завтрашний мир миром свободных людей?»... Независимость Польши (между Россией и Германией), рассматриваемая в отрыве от проблемы радикальной перестройки международного уклада, в особенности европейской системы, — призрачная иллюзия».

Подчеркнем, что это было давнишней и неизменной установкой Гедройца. Такими же определенными и независимыми были его принципы, складывавшиеся в сплав либерализма с демократией. Прошли годы. На Западе нет диктатур, абсолютистских режимов, по сути нет границ. Евросоюз образован не ради щедрых дотаций, а прежде всего ради предотвращения войн, так как смертоносные войны веками зарождались в Европе. Дружественные консультации сегодня позволяют разрешить конфликты. Территориальная агрессия стала анахроничной рухлядью в забытых уголках континента. Гедройц обозначал эти шаги с одиноким упорством.

Речь не о священных правах. С этим борются националисты, хотя ни в одной стране Евросоюза — от Франции до Словении — никто не разрушает своего языка, веры, памяти, традиций. У нас эта враждебность воплощена в шовинистах, для Гедройца одиозных, — это не партия, а политическая жандармерия. В Польше Евросоюзу не доверяет сильная партия, толкающая страну даже не назад, а вниз, в одичание. Идеолог этой партии, вырвав цитату у великого Херберта, назвал противников «изменниками». К нему самому подходят другие слова поэта: «...пара понятий как кувалды».

Здесь не место говорить о нападках на Гедройца, тем более рассматривать историю разнообразной полемики. Горестным было в последние годы пренебрежение концепцией «Культуры». Даже разумные политики считают ее устаревшей. Вместе с тем в отношениях с ближними соседями эта концепция необходима.

То, что составляет суть беспокойства Гедройца о будущем, я должен здесь уместить в нескольких словах. Речь пойдет о *нерешенных* вопросах.

Тезис Мерошевского — это независимость Украины, Литвы и Белоруссии; независимость — не только право этих народов на неприкосновенность, она еще и ведет к исчерпанию старого источника конфликтов Польши с Россией. Эти страны и народы были камнем преткновения между Речью Посполитой и Москвой. Конечно, история уже не ведет в бой, но в национальной памяти живет и по-прежнему докучает. Более того — уродует серьезную политику.

Пример — отягощенные отношения Польши и Литвы, членов Евросоюза. Давайте признаем: польское меньшинство добивается привилегий, которых литовское меньшинство в Польше не требует. Мелочный спор о написании польских фамилий не только ссорит правительства, но и возбуждает страсти толпы. Позиция властей нашей страны поражает отсутствием великодушия 38 миллионов по отношению к 3,5 миллионам литовцев. В «Культуре» еще в ноябре 1952 г. появилось письмо клирика Юзефа Маевского, указывавшего на важность Вильнюса для литовцев. Ежи Гедройц знал, как завоевать доверие соседей великодушием.

Украина была центральной проблемой в восточной политике Гедройца. Укажем на три вроде бы отдельных вопроса. Во-первых, Партия регионов Януковича выиграла президентские выборы с перевесом в 3 (прописью: три) процента над прозападным Блоком Юлии Тимошенко, которая сейчас оказалась под судом в Киеве. Отметим любопытное участие Польши в этой победе. Симпатии украинских избирателей к соседям в Польше значительно снизились перед выборами. Конечно же, вояжи и усилия президента Леха Качинского выражали самую добрую волю. Увы, в ходе искренней со стороны Польши кампании за единение Украины с Польшей и Западом вся президентская рать и партия президентского брата дружно навалились на украинцев. За этнические чистки и жестокие убийства, совершенные 65 лет назад отрядами УПА, годами мстили лучшие журналистские перья «Жечпосполитой», «Газеты польской», телепередачи «Стоит говорить». Какое-то влияние на знающих польский язык украинцев эти заклятия, наверное, оказали. И принесли плоды. Что-то около 3%...

Во-вторых, сторонники *минимализма* в восточной политике считают, что у Польши нет ни средств, ни мотивов интересоваться Украиной. И вот Юлию Тимошенко судят за избыточную сумму, запла-

ченную Москве за топливо. Упростим дело: Тимошенко могла заплатить дешевле, ибо российский «Газпром» хотел взамен за газ не доллары, а контроль над украинскими трубопроводами. Она заплатила за освобождение от монополиста. Не хочется верить, что она потеряет свободу. Зато я верю, что польские политики найдут *мотивы* понять сигнал с Украины и пересмотреть теперь наши договоры с «Газпромом», — и поблагодарим за контрольную комиссию, которую пригласила из Брюсселя наша капризная Литва.

В-третьих, мои замечательные коллеги напомнят гражданам, что митрополит Андрей Шептицкий уже долгие годы ждет беатификационного процесса. Не в том дело, что он был внуком Александра Фредро, братом Станислава Марии Шептицкого, губернатора Люблинщины и генерала Войска Польского. Важно, что митрополит был автором великого обращения к украинцам «Не убий!». Оно спасло жизнь тысячам поляков на Волыни.

Среди других целей, за которые профессор Ежи Клочовский борется много лет, — учреждение Польско-Украинской коллегии, которая должна воспитывать новую элиту, свободную наконец от ненависти. Ежи Гедройц ждал этого освобождения.

И наконец — русский вопрос. В самом деле, сколько рухнуло проектов и планов нашего единения. Поэтому давайте забудем сегодня предпосылки и очевидные причины, ведущие одних к мстительности, других — к затаенным обидам. Зато в плодородной почве русско-польских конфликтов существует практический, крепкий корень.

В Кремле никто уже не планирует захваты и разделы. Серьезная цель московских политиков — добиться роста своей роли в Евросоюзе. Они хотят быть партнерами по газу и нефти. Да вот только «Газпром» хочет быть для Европы не партнером, а гегемоном. Разумные политики в Евросоюзе и в Польше не отказывают «Газпрому» в огромной денежной прибыли, но что действительно тревожит, так это желание концерна оказывать политическое влияние в государствах, зависимых от монополии. Польша видит призрак пресловутых тисков. Вскоре появятся две трубы — северная и новая, южная. Договор, обеспечивающий нам 100-процентные поставки топлива, попросту сделает ненужными поступления другой жидкой энергии в Польшу. Я полагаю, что необходим срочный пересмотр этого таинственного договора. Ругань и вымыслы по адресу русских в связи с трагедией смоленского полета — ничто по сравнению с этой операцией.

Нам не хватает Гедройца, чтобы поименно назвать наших исполнителей скандала, слепых в отношении удивительного договора.

Улучшение отношений с русскими дает нам возможность пересмотреть трудные вопросы. Вот замечание Мерошевского: «Никогда не было программы ликвидации России; речь идет об активном участии Польши в перестройке и организации востока Европы».

России предстоит *модернизация*. Мотор этого дела — интеллигенция, и только она. Именно интеллектуальный труд и живая взаимная доброжелательность в большом и продолжающем расти круге польских и российских ученых привела к беспрецедентному событию. Группа по трудным вопросам после непростых и весьма компетентных трудов опубликовала том дискуссионных докладов. В него вошли исследования по 16 наиболее спорным проблемам; по каждой представлено два мнения — польское и российское. Труд нескольких лет выявил массу недоразумений и научных предрассудков. Книга, изданная по-польски и по-русски, переводится на английский. В Варшаве и в Москве созданы Центры диалога и согласия. Этот диалог поможет общему разрешению конфликтов — неизбежных, но ожидающих осмысления специалистами.

Профессору Адаму Даниелю Ротфельду, сопредседателю (вместе с ректором МГИМО профессором Торкуновым) совместной комиссии, принадлежат такие слова:

«Те, кто говорит об исчерпанности концепции Гедройца, не понимают, что именно сейчас открываются возможности таких масштабов, которые когда-то были невообразимы».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Мандельштамовские Дни в Варшаве

Военное положение 1981 г. глазами диссидента:
Клавдия Ротманова

Интервью с:
Хенриком Вуйцем
Михалом Бони
Кубой Выгнаньским

Валерий Мастеров о советских военнопленных 1920 г.

Стихотворения:
Тадеуша Ружевича
Станислава Стабро
Кристины Милобендзкой

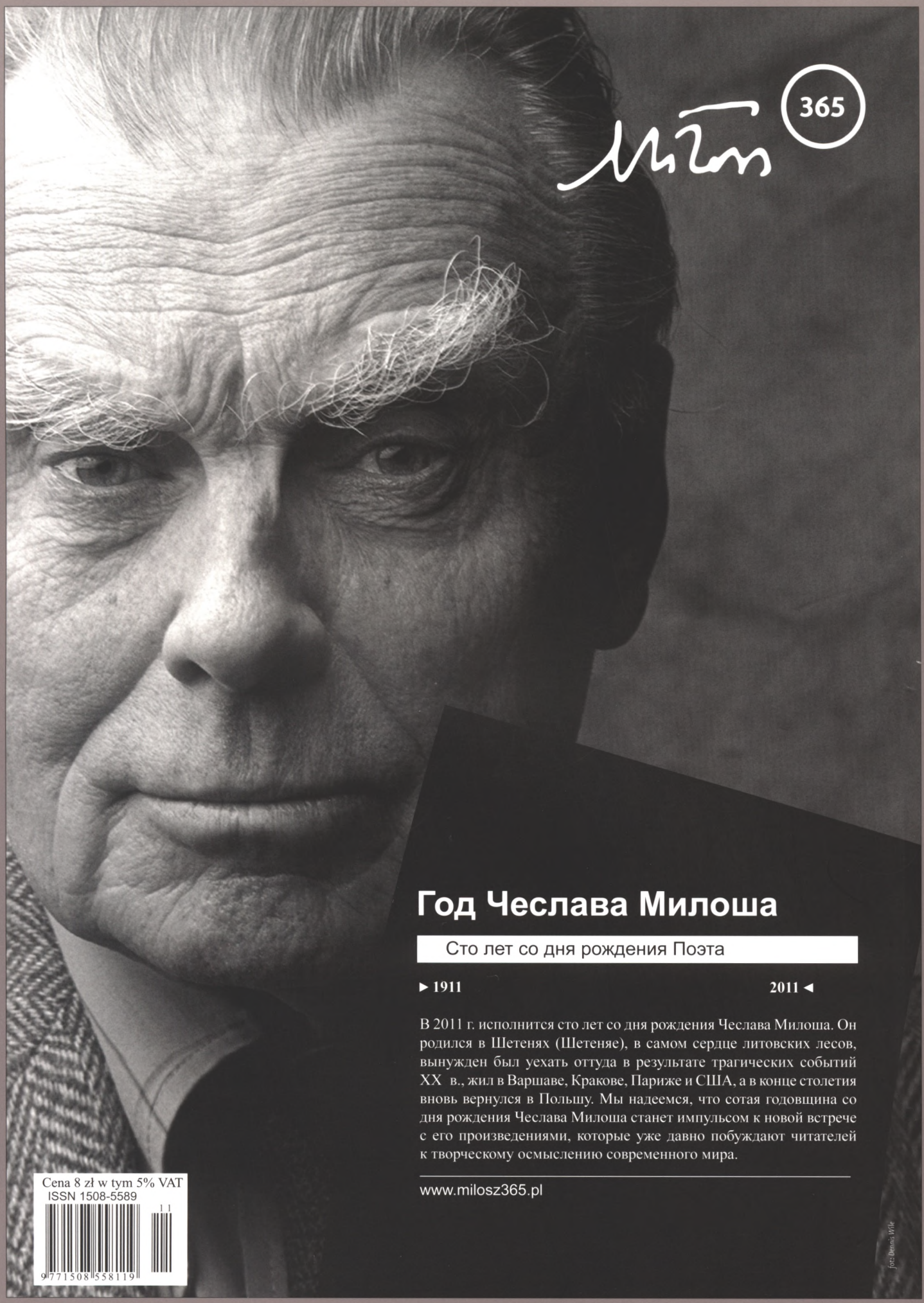
Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru



Год Чеслава Милоша

Сто лет со дня рождения Поэта

► 1911 2011 ◄

В 2011 г. исполнится сто лет со дня рождения Чеслава Милоша. Он родился в Шетенях (Шетеняе), в самом сердце литовских лесов, вынужден был уехать оттуда в результате трагических событий XX в., жил в Варшаве, Кракове, Париже и США, а в конце столетия вновь вернулся в Польшу. Мы надеемся, что сотая годовщина со дня рождения Чеслава Милоша станет импульсом к новой встрече с его произведениями, которые уже давно побуждают читателей к творческому осмыслению современного мира.

www.milosz365.pl

Cena 8 zł w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589